

ВАДИМ ШЕФНЕР

КРУГЛАЯ ТАЙНА

ВАДИМ ШЕФНЕР

КРУГЛАЯ ТАЙНА

П О В Е С Т И

ЛЕНИНГРАД „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ 1977

P2
Ш 53

РИСУНКИ М. МАЙОФИСА

© Издательство «Детская литература», 1977 г.
Состав, иллюстрации.

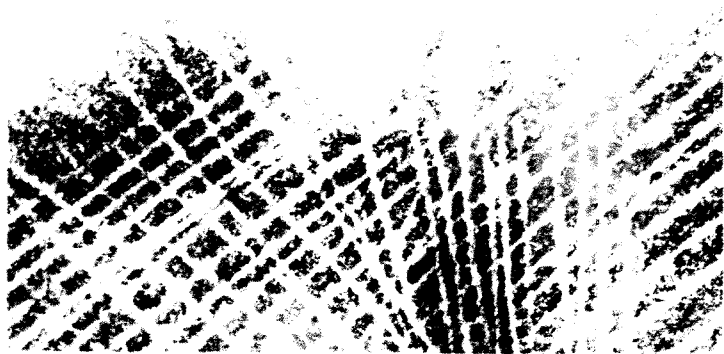
70803—125

Ш————— 283—77

М101{03}—77

СКРОМНЫЙ ГЕНИЙ

Сергей Кладезев родился на Васильевском острове. То был странный ребенок. Когда другие дети возились в песке, делая пирожки и домики, он чертил на песке детали каких-то непонятных машин. Во втором классе школы он сконструировал портативный прибор с питанием от батарейки ручного фонаря. Этот прибор мог предсказывать любому ученику, сколько двоек он получит на неделе. Прибор был признан непедagogичным, и взрослые отобрали его у ребенка.

Окончив школу, Сергей поступил учиться в электротехнический техникум. В техникуме этом было немало хорошеньких девушек, однако на них Сергей как-то не обращал внимания — быть может, потому, что видел их каждый день.

Но вот однажды в июне он взял лодку на прокатной станции и спустился по Малой Неве в залив. У Вольного острова он увидел лодку с двумя незнакомыми девушками; они посадили ее на мель и вдобавок сломали весло, пытаясь сняться с этой мели. Он помог им добраться до лодочной станции, и познакомился с ними, и стал ходить к ним в гости. Обе подруги тоже жили на Васильевском — Светлана на Шестой линии, а Люся на Одиннадцатой.

Люся в то время училась на курсах машинописи, а Света уже нигде не училась: она считала, что десяти классов ей достаточно. К тому же у нее были состоятельные родители, и они ей часто говорили, что пора

бы ей и замуж, и она в глубине души соглашалась с ними. Но она была очень разборчива и не собиралась выходить за первого встречного.

Поначалу Сергею больше нравилась Люся, но он не знал, как к ней подойти. Она была такая красивая и скромная, и так смущалась, так старалась держаться в стороне, что и Сергей стал смущаться, встречая ее. А вот Света, та была девушка веселая, бойкая, та была, как говорится, девочка-вырвиглаз, и Сергей чувствовал с ней себя легко и просто, хоть от природы он был застенчив.

И вот когда на следующий год в июле Сергей поехал погостить к своему приятелю в Рождественку, то оказалось, что Света тоже приехала туда к каким-то родственникам. Это было случайное совпадение, но Сергею показалось что это — сама судьба. Он со Светой теперь каждый день ходил в лес и на озеро. И вскоре ему стало казаться, что он жить без Светы не может.

Но он-то Светлане не слишком нравился. Света считала его очень уж обыкновенным. А она мечтала о муже необыкновенном. И с Сергеем она ходила в лес и на озеро просто так, просто потому, что надо же было к кем-то проводить время. Однако для Сергея это были счастливые дни, так как ему казалось, что и он немножко нравится этой девушке.

Однажды вечером они стояли на берегу озера, и лунная полоса, как половичок, вытканый русалками, лежала на гладкой воде. Кругом было тихо, только соловьи пели на другом берегу в кустах дикой сирени.

— Как красиво и тихо! — сказал Сергей

— Да, ничего, — ответила Света. — Вид мировой. Вот бы нарвать сирени, да очень она далеко, если берегом до нее тащиться. А лодки нет. И через озеро не перебежишь.

Они вернулись в поселок и разошлись по своим домам. Но Сергей всю ночь не спал, выводил на бумаге какие-то формулы и чертежи. Утром он уехал в город и провел там два дня. Из города привез какой-то сверток.

Когда они поздно вечером вышли на берег озера, он захватил с собой этот сверток. У самой воды он развернул его и вынул две пары особых коньков, на которых можно было скользить по воде.

— На, надень эти водяные коньки, — сказал он Светлане. — Это я изобрел для тебя.

Они надели эти коньки и легко побежали на них по озеру к другому берегу. Коньки скользили по воде очень хорошо. Добежав до дальнего берега, они наломали сирени и с двумя букетами в руках долго катались по озеру в лунном свете.

После этого они каждый вечер стали ходить на озеро. Они бегали по озерной глади на легко скользящих водяных коньках, и от коньков оставался на воде легкий узкий след, который быстро сглаживался.

Однажды на самой середине озера Сергей задержал свой бег. Светлана тоже затормозила и подъехала к нему.

— Света, знаешь что? — сказал Сергей.

— Не знаю, — ответила Светлана. — В чем дело?

— Понимаешь, Света, я люблю тебя.

— Ну вот, только этого и не хватало! — сказала Светлана.

— Значит, я тебе ничуть не нравлюсь? — спросил Сергей.

— Нет, ты парень ничего, но у меня другой идеал. Я полюблю только необыкновенного человека. А ты обыкновенный — это я тебе честно говорю.

— Я понимаю, что ты говоришь честно, — грустно ответил Сергей.

Они молча вернулись на берег, и на следующий день Сергей уехал в город. Некоторое время он был совсем не в себе, похудел и много ходил по улицам, а иногда выезжал за город и бродил там. А по вечерам он возился дома в своей маленькой мастерской-лаборатории.

Однажды на набережной у сфинксов он встретил Люсю. Она обрадовалась ему, он сразу это заметил.

— Что ты тут, Сережа, делаешь? — спросила она.

— Так просто, гуляю. Как-никак — каникулы.

— Я тоже просто гуляю, — добавила Люся. — Хочешь, пойдем вместе в ЦПКО, — добавила она и покраснела.

Они поехали на Елагин остров и там долго гуляли по аллеям. Потом они еще несколько раз встречались и ходили по городу. Им хорошо было вдвоем.

Однажды Люся зашла к Сергею — они собирались в этот день поехать в Павловск.

— Какой у тебя беспорядок! — сказала Люся. — Все какие-то приборы, колбы... Для чего это все?

— Так. Занимаюсь на досуге разным мелким изобретательством, — ответил Сергей.

— А я и не знала, — удивилась Люся. — Ты, может быть, можешь починить мою пишущую машинку? Я ее купила в комиссионном, она старенькая. Там ленту заедает иногда.

— Хорошо, я зайду поглядеть.

— А это что? — спросила Люся. — Какой-то странный фотоаппарат. Я таких не видела.

— Это обыкновенный фотоаппарат ФЭД, только с приставкой. Эту приставку я недавно сконструировал. Благодаря этому приспособлению можно фотографировать будущее. Ты наводишь объектив на тот квадрат местности, о котором хочешь знать, каким он

будет в будущем, — и снимаешь. Но моя приставка очень несовершенна — ею можно снимать только на три года вперед, дальше она не берет.

— Но и на три года вперед — это очень много! Ты сделал великое открытие!

— Ну уж, великое... — отмахнулся Сергей. — Очень несовершенная вещь.

— А у тебя снимки есть?

— Есть. Я недавно ездил за город, там снимал.

Сергей вынул из письменного стола несколько снимков девять на двенадцать.

— Смотри, вот тут я снял березку на лугу такой, какая она сейчас, без приставки. А вот на этом снимке та же березка, какой она будет через два года.

— Выросла немножко, — сказала Люся. — И веточек больше стало.

— А тут она через три, — молвил Сергей.

— Но тут ее нет! — удивилась Люся. — Только какой-то пенек, да яма рядом вроде воронки. А там, вдали, смотри: какие-то военные, пригнувшись, бегут. И форма у них какая-то странная... Ничего не понимаю!

— Да я и сам удивился, когда отпечатал этот снимок, — сказал Сергей, — наверное, там будут маневры, вот что я думаю.

— Знаешь что, Сергей, сожги этот снимок. Тут какая-то военная тайна. Вдруг этот снимок попадет в руки заграничного шпиона!

— Ты права, Люся, — сказал Сергей. — Я об этом как-то не подумал.

Он разорвал снимок и бросил в печку, где уже лежало много хлама, и поджег.

— Вот так я буду спокойна, — сказала Люся. — А теперь сфотографируй меня, какой я стану через год. Вот в этом кресле у окна.

— Фотоприставка берет только квадрат местности и то, что там будет. Если тебя не будет через год в этом кресле, то и на снимке ты не получишься.

— А ты все-таки сфотографируй меня. Вдруг я и через год, ровно в этот день и час, буду сидеть в этом кресле.

— Хорошо, — ответил Сергей. — У меня в кассете как раз остался кадр.

И он сфотографировал Люсю в кресле с упреждением на один год.

— Давай я сразу и проявлю и отпечатаю, — сказал он. — Сегодня ванна в нашей квартире свободна, никто не стирает белья.

И он пошел в ванную, перемотал пленку, заложил ее в эбонитовый бачок и проявил, и зафиксировал, и промыл, и принес пленку сушиться в комнату, где прищепкой прикрепил ее к веревочке в окне.

Люся взяла пленку за край и посмотрела на последний кадр. По негативу судить трудно, но ей показалось, что на снимке в кресле сидит не она. А ей хотелось, чтобы в кресле через год сидела именно она. «Нет, наверно, это все-таки я, — решила она, — только я плохо получилась».

Когда пленка высохла, они пошли в ванную комнату, где уже горела красная лампочка. Сергей вложил пленку в увеличитель, включил свет и в закрытом фонаре фотоувеличителя изображение спроектировалось на фотобумагу. Он быстро положил снимок в проявитель. Снимок стал проявляться. На нем выступили черты незнакомой женщины, сидящей в кресле. Она сидела в кресле и вышивала гладью на куске материи большую кошку. Кошка была почти готова, не хватало только хвоста.

— Это не я здесь сижу, — разочарованно сказала Люся. — Совсем другая какая-то!..

— Да, это не ты, — подтвердил Сергей. — Но я не знаю, кто это. Этой женщины я никогда не встречал.

— Знаешь что, Сергей, мне пора идти домой, — сказала Люся. — И ты можешь не заходить ко мне. Пишущую машинку я отдам починить в мастерскую.

— Ну дай я тебя хоть до дома провожу.

— Нет, Сергей, не надо. Знаешь, я не хочу вмешиваться в твою судьбу.

И она ушла.

«Нет, не приносят мне счастья мои изобретения», — подумал Сергей. Он взял молоток и разбил эту приставку.

2

Месяца через два Сергей Кладезев, шагая по Большому проспекту, увидел сидящую на скамье молодую женщину и узнал в ней ту незнакомку, которая получилась у него на снимке.

— Вы не скажете, который час? — обратилась к нему незнакомка.

Сергей точно ответил на этот вопрос и присел на эту же скамью. У них завязался разговор о ленинградской погоде, и они познакомились. Сергей узнал, что зовут ее Тамарой. Они стали встречаться, и вскоре получилось так, что они поженились.

Затем родился сын, которого Тамара назвала Альфредом.

Тамара оказалась женщиной довольно скучной. Она ничем особенно не интересовалась — только все время сидела в кресле у окна и вышивала на ковриках кошек, лебедей и оленей и потом с гордостью вешала их на стенку. Сергея она не любила. Она вышла за него замуж потому, что у него была отдельная ком-

ната. И еще потому, что она окончила институт коннозаводства и не хотела ехать на периферию, а как замужнюю ее не имели права послать.

Так как Тамара была женщиной скучной, то и Сергея она считала человеком скучным, неинтересным и невыдающимся. Ей не нравилось, что на досуге он занимается изобретательством, — она считала это пустой тратой времени. Она все время ругала его за то, что он загромождает комнату своими приборами и инструментами.

Чтобы разгрузить комнату, Сергей сконструировал АПМЕД — небольшой Антигравитационный Прибор Местного Действия. Теперь благодаря АПМЕДу он мог работать на потолке. Он настлал на потолок паркет, поставил там свой рабочий стол, перетащил туда все инструменты. Чтобы не пачкать стену, по которой он всходил на потолок, Сергей сделал на стене узкую линолеумовую дорожку. Теперь низ комнаты принадлежал жене, а верх стал рабочим кабинетом и лабораторией Сергея.

Но Тамара все равно была недовольна. Она теперь стала бояться, что в жакте узнают об этом увеличении площади и станут брать двойную квартплату. Кроме того, ей не нравилось, что Сергей запросто ходит по потолку. Она считала это неприличным.

— Хотя бы из уважения к моему высшему образованию, не ходи ты вниз головой, — говорила она ему снизу, сидя в кресле. — У всех жен мужья — люди как люди, а мне такой неудачный достался!

Приходя с работы (он теперь работал техником-контролером в Трансэнергоучете), Сергей наскоро обедал и шел по стене к себе наверх, в кабинет-лабораторию. А иногда отправлялся бродить по городу и окрестностям, только чтобы не слышать вечных упреков Тамары. Он так натренировался в пешей

ходьбе, что ему ничего не стоило дойти до Павловска или до Лисьего Носа.

Однажды на углу Восьмой линии и Среднего он встретил Светлану.

— А я вышла замуж за необыкновенного человека, — первым делом сообщила ему Светлана. — Мой Петя — настоящий изобретатель. Он пока работает на должности младшего изобретателя научно-исследовательского комбината «Все для быта», но скоро его переведут на должность среднего изобретателя. У Пети есть уже самостоятельное изобретение — мыло «Не воруй!».

— А что это за мыло? — спросил Сергей.

— Мыло это простое по идее, ведь все гениальное просто. «Не воруй!» — нормальное туалетное мыло, а внутри там — брикет несмывающейся черной туши. Если кто-нибудь — ну, скажем, сосед по коммунальной квартире — украдет у вас это мыло и станет им мыться, то он весь измажется и физически и морально.

— Ну а если этого мыла никто не украдет? — спросил Сергей.

— Не задавай нелепых вопросов! — рассердилась Светлана. — Ты, наверное, просто завидуешь Пете.

— А Люсю ты видишь? — спросил Сергей. — Как она поживает?

— А у Люси все по-прежнему. Я ей советую найти какого-нибудь подходящего необыкновенного человека и выйти за него замуж, а она отмалчивается. Видно, в старых девах хочет остаться.

Вскоре началась война.

Тамара с сыном уехала в эвакуацию, а Сергей Кладезев ушел на фронт. Сначала он был младшим лейтенантом в пехоте, а войну окончил в звании старшего лейтенанта. Он дважды был ранен, но оба раза, к сча-

стью, легко. Он и на фронте продолжал размышлять над разными изобретениями, но у него не было ни материалов, ни лаборатории для их осуществления. Когда кончилась война, он вернулся в Ленинград, сменил военную форму на штатскую одежду и поступил работать на прежнее место — в Трансэнергоучет. Вскоре вернулась из эвакуации Тамара с сыном Альфредом, и жизнь потекла по-прежнему.

А годы шли.

3

Да, годы шли.

Сын Альфред стал взрослым, окончил школу и поступил на срочные-краткосрочные курсы по подготовке гостиничных администраторов. Вскоре он уехал на юг и устроился работать в гостиницу.

Тамара по-прежнему вышивала на ковриках кошек, лебедей и оленей. Она стала еще скучнее и сварливее. Кроме того, она познакомилась с одним холостым отставным директором и теперь грозилась Сергею, что уйдет от него к этому директору, если Сергей не возьмется за ум и не бросит своего изобретательства.

Светлана по-прежнему была очень довольна своим Петей. Петя шел в гору — теперь он был уже в чине среднего изобретателя. Он сконструировал даже четырехугольные спицы для велосипеда взамен круглых. Светлана очень им гордилась.

Люся, как и до войны, жила на Васильевском острове. Она работала машинисткой в конторе «Рояльзапчасть» — там планировались и конструировались запасные части к роялям. Люся до сих пор не вышла замуж. Она часто вспоминала Сергея. Однажды она

увидела его издали, но не подошла — он шагал по Седьмой линии в кино «Балтика» со своей женой. Люся сразу узнала эту женщину с фотографии.

А Сергей тоже очень часто вспоминал Люсю. Чтобы поменьше о ней думать, он старался направлять свои мысли на новые изобретения. Но так как у него не было никакой ученой степени, то никто особенного значения не придавал его открытиям. А проталкивать свои изобретения он не умел, да и не слишком к этому стремился. Ему все казалось, что приборы его еще очень несовершенны и нечего ему соваться с кувшинным рылом в калашный ряд. Так, например, он изобрел прибор «Склокомер-прерыватель» и установил в своей коммунальной квартире на кухне. Прибор этот имел шкалу с двадцатью делениями и учитывал настроение жильцов, а также интенсивность склоки, если таковая возникала. При первом недобром слове стрелка начинала дрожать и отсчитывать деления, постепенно приближаясь к красной черте. Дойдя до красной черты, стрелка включала в действие склокопрерыватель. Раздавалась тихая, умиротворяющая музыка, автоматический пульверизатор выбрасывал облако распыленной вальерьянки и духов «Белая ночь», и на экране появлялся вертящийся человечек, кланялся публике и говорил: «Живите, граждане, в мире!» Таким образом, склока прерывалась в самом начале, и в квартире все были благодарны Сергею за его скромное изобретение.

Еще изобрел Сергей плоскостную оптику. Обработав соответствующим образом кусок оконного стекла, он придал ему свойства линзы с гигантским увеличением. Вставив такое стекло в окно своей комнаты, он мог наблюдать марсианские каналы, лунные кратеры, венерианские бури. Когда Тамара слишком

уж допекала его, он смотрел на дальние миры и утешался.

Но практической выгоды от всех этих изобретений не было. Вот только на спичках получалась экономия. Дело в том, что Сергей открыл способ превращать воду в бензин. А так как он много курил, то, приобретя зажигалку, стал заправлять ее своим бензином. В общем-то, жизнь его текла не очень радостно. И от Тамары радости было мало, да и от сына Альфреда тоже.

Когда Альфред приезжал в Ленинград, он беседовал главным образом с Тамарой.

— Ну как живешь? — спрашивал он ее.

— Уж какая у меня жизнь. . . — отвечала Тамара. — Единственная радость у меня — искусство. Вот погляди, какого оленя вышиваю.

— Олень что надо! — восклицал Альфред. — Как живой! И рога здоровенные. Мне бы такие рога — далеко бы я в жизни пошел!

— А вот отец твой не понимает искусства. Ему бы лишь изобретать. Мало от него толку.

— Зато непьющий, это ценить надо, — бодро утешал ее сын. — В жизни он, конечно, плохо продвигается, да, может, еще за ум возьмется. Как посмотришь на других, что в гостинице останавливаются, — обида за отца берет. Тот — главснабженец, тот — иностранец, тот — научный работник. Недавно доцент один в «люксе» жил — этот автобиографию Пушкина написал. Дачу имеет, машину.

— Где уж мне с таким мужем о дачах мечтать, — уныло тянула Тамара. — Надоело мне с ним! Разводиться хочу.

— А на прицепе есть кто?

— Есть тут один отставной директор. Холостой! И искусство ценит. Я ему лебедя вышитого по-

дарила — как ребенок обрадовался. С таким не пропадешь.

— А он директором чего был? Не гостиницы?

— Он был директором кладбища. Человек серьезный, чуткий.

— Должность обязывает, — соглашался сын.

4

Однажды в июне Сергей Кладезев весь вечер проработал на своем потолке над одним новым изобретением. Он не замечал, как шло время, и когда глянул на часы, то увидел, что уже очень поздно. Тогда он лег спать, но перед сном забыл завести будильник и на следующее утро проспал на работу. И он решил не идти в этот день в Трансэнергоучет. Это был его первый и последний прогул.

— Доведет тебя до ручки твое изобретательство! — сказала ему Тамара. — Хоть бы для дела прогулял, а то так просто! Умные люди деньги прирабаывают, клубнику разводят, а от тебя пользы — что от козла молока.

— Не огорчайся, Тамара, все будет хорошо, — мягко сказал Сергей. — Вот отпуск скоро, по Волге поедем путешествовать.

— Нужны мне твои грошовые путешествия! — крикнула Тамара. — Ты бы лучше за спину свою попутешествовал, послушал бы, что люди о тебе за твоей спиной говорят! Ведь все, наверное, дураком набитым тебя считают, смеются над тобой.

И она сердито сняла со стены коврик с изображением кошки и ушла куда-то.

А Сергей остался в комнате и призадумался.

Он долго думал, а потом решил отправиться в путешествие за свою спину, как посоветовала ему жена.

У него давно уже был изобретен Агрегат Незримого Присутствия — АНЕЗП. Радиус действия АНЕЗПа был всего тридцать пять километров, дальше он не брал. Сергей не пользовался этим АНЕЗПом для наблюдения жизни города, считая незтичным заглядывать в чужие квартиры, в чужую жизнь. Но иногда он настраивался на ближайшие пригородные леса и смотрел, как птицы выют гнезда, и слушал их пение.

А теперь он решил использовать действие АНЕЗПа в зоне города. Он включил питание, затем легонько, на одно деление, повернул ручку настройки близости, а антенну-искатель направил в сторону кухни той коммунальной квартиры, в которой жил. Две женщины-соседки стояли возле газовой плиты и вели беседу о разных посторонних вещах. Затем одна из них сказала:

— А Тамара-то опять к директору пошла. Стыдобушки нет!

— Жаль мне Сергея Владимировича! — сказала вторая. — Такой хороший человек и из-за жены пропадает. Он-то ведь умница.

— Согласна с вами, — сказала вторая. — Он человек очень, видать, умный и хороший. Только не везет ему в жизни.

Сергей отключился от кухни и направил антенну на Трансэнергоучет. Он долго попадал в чужие квартиры, в конторы, в магазины, но наконец нашел-таки свое учреждение. На экране возникла комната, где он обычно работал. Товарищи по работе пили в это время чай и ели бутерброды — шел обеденный перерыв.

— Не струсил ли чего с нашим Сергеем Владимировичем? — сказал один из сослуживцев. — Такой

порядочный и аккуратный человек — и вдруг прогулял! Наверное, он заболел. И телефона у него на квартире нет, нельзя узнать, что случилось.

— Без него пусто как-то у нас, — сказал второй. — Хороший он человек, ничего не скажешь.

— Очень хороший человек, — согласился третий. — Вот только жена ему плохая досталась. Типичная мещанка. Из-за нее он света не видит.

Сергей выключил АНЕЗП и призадумался. Он снова вспомнил Люсю, и ему очень захотелось увидеть ее хоть на миг.

И тогда он снова включил агрегат и стал искать Люсину комнату на шестом этаже дома на Одиннадцатой линии Васильевского острова. «Но, может быть, она там и не живет теперь? — размышлял он. — Может быть, она давно вышла замуж и переехала? Или, может быть, просто обменялась?»

На экране возникали чужие комнаты, незнакомые люди, вырванные из пространства куски чужой жизни. . . Но вот он отыскал жилище Люси. Ее в комнате не было, но это была именно ее комната. Вещи были прежние, и та же картина висела на стене. А на столике стояла пишущая машинка. Сергей успокоился. Просто Люся сейчас на работе, догадался он.

Тогда он стал настраивать АНЕЗП на дом Светланы: интересно, как она живет? Ее он отыскал довольно быстро. В квартире было много новых вещей, а сама Светлана постарела, и легкое ее имя теперь не шло к ней. Но вид у нее был бодрый, довольный.

Вдруг раздался звонок, и Светлана пошла открывать дверь.

— Здравствуй, Люсенька! Давно ты не заходила! — воскликнула Светлана.

— На минутку забежала проведать — у меня сейчас обеденный перерыв, — сказала Люся, и Сергей

увидел ее. Она тоже не помолодела за эти годы, но была по-прежнему мила и хороша собой.

Подруги прошли в комнату и стали говорить о том, о сем.

— А замуж ты так и не собираешься? — спросила вдруг Светлана. — Ведь ты еще можешь найти неплохого, пожилого мужа.

— Нет, я никого не ищу, — грустно ответила Люся. — Ведь тот, кто мне нравится, давно женат.

— Это ты все об этом Сергее? — молвила Светлана. — И чего ты в нем нашла! Ведь в нем нет ничего необыкновенного. Такой пороку не выдумает... Правда, парень он был не вредный. Коньки водяные, помню, мне подарил. Мы на этих коньках с ним по озеру гоняли. На берегу соловьи свищут, на дачах люди все дрыхнут, а мы прямо по воде мчимся, класс показываем.

— Я и не знала, что он такие коньки придумал, — задумчиво сказала Люся. — А сейчас они у тебя?

— Нет, что ты! Мой Петя давно их в утиль сдал. Он сказал, что ерунда все это. Петя ведь настоящий изобретатель, он ведь в таких делах разбирается.

— А у Пети дела хорошо идут? — спросила Люся.

— Дела что надо. Он недавно сконструировал МУКУ-1. Это светлое дерзание технической мысли.

— А что это за МУКА?

— Это Механический Универсальный Консервооткрывающий Агрегат — вот это что! Теперь домашние хозяйки и холостяки будут избавлены от возни с открыванием консервов.

— У тебя нет этого агрегата? — спросила Люся. — Интересно бы посмотреть.

— У меня его нет и не будет. Он ведь должен ве-
сить пять тонн, под него нужен бетонный фундамент.
И стоит он будет четыреста тысяч новыми.

— Какая же хозяйка сможет купить эту МУКУ? —
удивилась Люся.

— Господи, какая же ты непонятливая! —
воскликнула Светлана. — Каждой хозяйке и не надо
покупать этот агрегат. Его одного на весь город хват-
тит. Он будет установлен где-нибудь в центре го-
рода, скажем, на Невском. И там будет оборудо-
ван ЕГКОЦ — Единый Городской Консервооткрыва-
тельный Центр. Это очень удобно. Вот, скажем, при-
шли к тебе гости, надо для них шпроты открыть.
Не надо ни консервного ножа, ни физических уси-
лий. Ты просто берешь свою консервную банку, бы-
стренько выходишь на улицу, едешь в ЕГКОЦ. Там
сдаешь банку приемщице, платишь пять копеек но-
выми и получаешь квитанцию. Приемщица наклеи-
вает на банку ярлычок и ставит ее на конвейер.
А ты идешь себе в зал ожидания, садишься в кресло
и смотришь короткометражный фильм на консерв-
ную тему. Вскоре тебя вызывают к окошечку, ты
предъявляешь квитанцию, получаешь открытую бан-
ку и спокойно едешь домой на Васильевский. Удобно,
правда?

— Неужели в самом деле этот проект будет осу-
ществлен? — спросила Люся.

— Петя надеется, — ответила Светлана. — Но у не-
го за последнее время появилось много врагов и
злопыхателей. Они мешают осуществлению его из-
обретений. Завидуют, как видно. А Петя никому не
завидует, он знает, что он необыкновенный человек.
И он справедливый человек. Одного изобретателя
он очень уважает, это того, который изобрел и вне-
дрил в производство укупорку «Пей до дна».

— А что это за «Пей до дна»?

— Разве ты не знаешь, как укупоривается сейчас водка?! Там такая шляпочка из мягкого металла с хвостиком. Потянешь за хвостик — металл рвется, и бутылка открыта. И ее уже этой укупоркой не закроешь, хочешь не хочешь — надо пить до дна. Это тоже светлый взлет технической мысли.

— А водяные коньки мне больше нравятся, — задумчиво сказала Люся. — Хотела бы я белой ночью промчаться по заливу на таких коньках!

— Далась тебе эти коньки, — усмехнулась Светлана. — Нам с Петей их и даром не надо.

Сергей выключил свой АНЕЗП и снова призадумался. И он пришел к одному решению.

5

В тот же вечер Сергей Кладезев на дне старого чемодана отыскал свою пару водяных коньков. Затем он заполнил водой ванну и опробовал в ней эти коньки. Они не утратили своей держащей на воде силы и могли скользить так же хорошо, как много лет назад.

После этого он до глубокой ночи проработал в своем кабинете-лаборатории и сделал вторую пару водяных коньков для Люси.

На следующий день, в воскресенье, Сергей пошел на утреннюю прогулку, а когда вернулся домой, то Тамары дома уже не было. А на стене недоставало еще одного коврика — с оленем. Тамара пошла дарить и этот коврик отставному директору.

Сергей надел свой серый костюм и завернул в газету обе пары водяных коньков. Затем он положил

в карман пульверизатор и бутылочку с жидкостью МУПОН (Многократный Усилитель Поверхностного Натяжения). Одежда, обрызганная этим составом, приобретала свойство держать человека на воде.

Потом Сергей Кладезев открыл большой шкаф, где хранил свои лучшие изобретения, и вынул оттуда ОСЭПСОН (Оптический Солнечно-Энергетический Прибор Совершенно Особого Назначения). Над этим прибором он в свое время очень много думал и считал его своим наиболее важным изобретением. Он закончил его два года назад, но до сих пор не применял в действии. Дело в том, что ОСЭПСОН мог возвращать человеку молодость, а все эти годы Сергей вовсе не желал возвращения своей молодости: ведь тогда ему пришлось бы вернуть молодость и Тамаре и начать с ней жить сначала. А с него вполне было достаточно и одного срока жизни с ней. Кроме того, его смущала чрезвычайная энергоемкость этого прибора. Вследствие этой энергоемкости действие ОСЭПСОНа должно было сопровождаться некоторыми явлениями космического порядка, а Сергей не считал себя настолько важной персоной, чтобы быть причиной этих явлений.

Однако теперь, все продумав и взвесив, он решил применить этот прибор. И он взял ОСЭПСОН, так же как и водяные коньки, и покинул свой дом.

Он пошел по своей улице и вскоре вышел на Средний проспект Васильевского острова. На углу Пятой линии он купил в «Гастрономе» бутылку шампанского и коробку шоколадных конфет и пошел дальше. Дойдя до Одиннадцатой линии, он свернул со Среднего и через некоторое время очутился возле дома, где жила Люся. Поднявшись по знакомой лестнице, он дал два длинных и один короткий звонок.

Дверь ему открыла Люся.

— Здравствуй, Люся! — сказал он. — Как давно мы не виделись!..

— Очень давно!.. — ответила Люся. — Но я почему-то всегда ждала, что ты придешь. И вот ты пришел.

Они вошли в Люсину комнату и стали пить шампанское и вспоминать о том, что было много лет тому назад.

— Ах, хотела бы я вернуть молодость и начать жизнь сначала! — воскликнула вдруг Люся.

— Это в наших силах, — сказал Сергей и поставил на стол ОСЭПСОН. Прибор этот был размером с портативный радиоприёмник. От него отходил довольно толстый шнур.

— Питание у него от сети? Он не перегорит? — спросила Люся. — Наш дом недавно перевели на двести двадцать вольт.

— Нет, ОСЭПСОН питается не от сети, — ответил Сергей. — Тут тысячи Днепрогэсов бы не хватило. Он питается прямо от солнца. Открой, пожалуйста, окно.

Люся распахнула рамы, и Сергей протянул шнур к окну. Шнур оканчивался небольшим вогнутым зеркалом, и Сергей положил это зеркало на подоконник так, что оно было направлено прямо на солнце.

Потом он подошел к ОСЭПСОНу и нажал на кнопку.

В приборе начало что-то потрескивать — и сразу солнце стало светить слабее, — как лампочка, когда падает напряжение в сети. В комнате настали сумерки.

Люся подошла к окну и взглянула на город.

— Сергей, что это?! — удивилась она. — Мне кажется, будто начинается затмение. Весь Васильевский остров в сумерках. И дальше всюду тоже сумерки.

— Сейчас сумерки на всей Земле, и на Марсе, и на Венере, — ответил Сергей. — Прибор берет много энергии.

— Такой прибор нельзя, наверно, пускать в массовое производство, — сказала Люся. — А то все бы стали возвращать себе молодость, и все время было бы темно.

— Да, — ответил Сергей. — Этот прибор индивидуального разового пользования. Я его сконструировал только для тебя и ради тебя. А теперь сядем и будем сидеть смиренно.

Они сели на старенький плюшевый диванчик, взялись за руки и стали ждать.

За окном и в комнате становилось все темнее. Машины на улице шли теперь с включенными фарами.

— Даже не верится, что сейчас — час дня, — задумчиво проговорила Люся. — Как странно. . .

— Да, это, наверно, кажется странным, — ответил Сергей. — Мне-то нет, но всем другим это должно казаться странным. Чтобы вернуть молодость, нужна очень большая затрата энергии.

Между тем вокруг стемнело, будто настала ночь. В городе зажглись квадраты окон, засветились уличные фонари. В комнате стало теперь совсем темно. Только шнур, идущий от зеркала на подоконнике к ОСЭПСОНу, светился голубоватым светом. Он вздрагивал и извивался как шланг, по которому с большой скоростью движется какая-то жидкость.

Внезапно в приборе что-то резко щелкнуло, и в торцовой его стенке открылось квадратное окошечко. Оттуда вылез брусок зеленоватого света. Он был словно обрублен и упирался в пустоту. Он походил на вещество, но это был свет. Этот брусок света начал расти и уперся в стену, где висела картина, на которой была изображена свинья под дубом — иллюстра-

ция к басне Крылова. Свинья на картине сразу же превратилась в поросёнка, а развесистый дуб — в молодой дубок.

Луч стал тихо и неуверенно двигаться по комнате, словно вслепую отыскивал Люсю и Сергея. Там, где он касался обоев, старые выгоревшие обои приобретали свой прежний цвет и становились как новые. Пожилой серый кот, дремавший на комод, превратился в котенка и начал играть со своим хвостом. Муха, попавшая в луч, превратилась в личинку мухи и упала на пол.

Наконец луч приблизился к Сергею и Люсе. Он заскользил по их головам, по их лицам, по их ногам и туловищам. Над головами у них выросли два светящихся полукруга, вроде нимбов у святых.

— Ой, голове щекотно! — засмеялась Люся.

— Ничего, потерпи, — сказал Сергей. — Это седые волосы преобразуются в нормальные. Моей голове тоже щекотно.

— Ах! — воскликнула Люся. — У меня во рту что-то горячее!

— У тебя, наверно, есть золотые коронки на зубах? — спросил Сергей.

— Только две, — ответила Люся.

— Коронки молодым зубам не нужны, и вот они распадаются в пыль, — пояснил Сергей. — Ты выдохни эту пыль.

Люся сложила губы трубочкой, как это делают неопытные курильщики, и выдохнула изо рта золотую пыль.

— Мне кажется, будто диван под нами поднимается, — сказала она вдруг.

— Это распрямляются пружины. Ведь мы становимся легче. Мы малость отяжелели за эти годы.

— Ты прав, Сережа, — согласилась Люся. — А вот

сейчас я чувствую себя легкой-легкой. Как в дни, когда мне было двадцать лет.

— Тебе и есть сейчас двадцать лет, — сказал Сергей. — Мы вернулись в молодость.

В это мгновение ОСЭПСОН вдруг задрожал, загудел и вспыхнул. Он исчез, и от него остался только голубой пепел. Вокруг сразу начало светлеть. Водители выключили фары, уличные фонари погасли, электрический свет в окнах тоже погас — он был теперь не нужен. Солнце снова сияло во всю свою июньскую силу.

. . .

Люся встала, посмотрела на себя в зеркало — и улыбнулась.

— Пойдем, Сережа, куда-нибудь гулять, — сказала она. — Например, на Елагин остров.

Сергей захватил сверток с водяными коньками, взял Люсю под руку, и они вышли из квартиры и легко сбежали по лестнице вниз, на улицу. На Среднем проспекте они догнали трамвай, уже отошедший от остановки, и поехали в ЦПКиО. Там они бродили по аллеям, катались на каруселях и качались на качелях и дважды обедали в буфете-ресторане.

Когда настала тихая белая ночь и парк опустел, они пришли на берег залива. На море стоял штиль, и паруса яхт неподвижно маячили вдали, у Вольного острова. Вода была без единой морщинки.

— Самая подходящая погода, — сказал Сергей и, развернув сверток, вынул водяные коньки. Он помог Люсе надеть их на ее туфельки, а затем надел свою пару коньков.

Она встала на воду залива и легко побежала по ней. Они миновали яхты, где яхтсмены ждали ветра, помахали им рукой и выбежали за Вольный

остров, в открытый простор. Они долго мчались в этом просторе, а потом Сергей вдруг замедлил свой бег, Люся тоже затормозила и подъехала к нему.

— Знаешь, Люся, что я хочу тебе сказать... — несмело начал Сергей.

— Знаю, — ответила Люся. — Я тебя тоже люблю. Теперь мы будем всегда вместе.

И они обнялись, и поцеловались, и повернули к берегу.

Меж тем поднялся ветер и погнал волны. Бежать на коньках стало трудно.

— А что, если я споткнусь и упаду в воду? — спросила Люся.

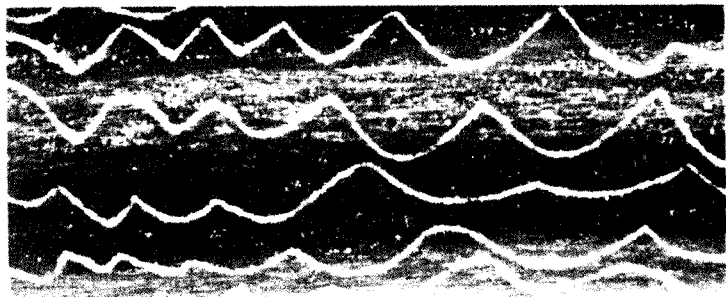
— Сейчас я приму меры, чтобы мы не утонули, — засмеялся Сергей.

И он вынул из кармана пульверизатор и бутылочку с жидкостью МУПОН (Многokратный Усилитель Поверхностного Натяжения). Затем он обрызгал Люсину и свою одежду этим составом.

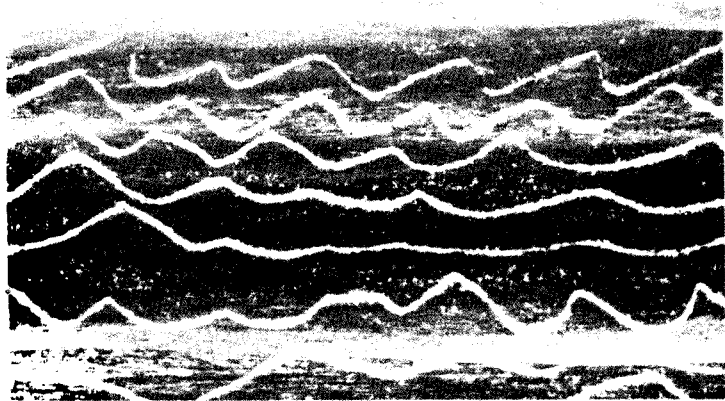
— Теперь мы можем даже сидеть на волнах, — сказал он Люсе.

И они сели на волну, как на хрустальную скамеечку, и обнялись, и волна понесла их к берегу.

Граждане! Ждите великих открытий!

ДЕВУШКА У ОБРЫВА

ПРЕДИСЛОВИЕ К 338-МУ ЮБИЛЕЙНОМУ ИЗДАНИЮ

Семьдесят пять лет назад, в 2231 году, впервые вышла из печати эта небольшая книжка. С тех пор она выдержала 337 изданий только на русском языке. По выходе в свет она была переведена на все языки мира, а ныне известна всем жителям нашей Объединенной Планеты, а также и нашим землякам, живущим на Марсе и Венере. За 75 лет о «Девушке у обрыва», написано столько статей, исследований и диссертаций, что одно их перечисление занимает девять больших томов.

Выпуская в свет юбилейное издание, мы хотим вкратце напомнить читателям историю возникновения «Записок Ковригина» и пояснить, почему каждое новое поколение читает эту книжку с неослабевающим интересом.

Надо сказать, что причина нестареющей популярности «Девушки у обрыва» кроется отнюдь не в художественных достоинствах этой книги. Не ищите здесь и обобщающих мыслей, широких картин эпохи. Все, что выходит за ограниченный круг его темы, автора просто не интересует. Да он и не справился бы с таким самозаданием, — ведь по профессии он не был Писателем. Автор «Девушки у обрыва» Матвей Ковригин (2102—2231), работая над книгой, отнюдь не

претендовал на литературную славу. Будучи по образованию Историком литературы и изучая XX век, он ждал славы или хотя бы известности от своих историко-литературных компилятивных трудов, которых он издал довольно много и которые не пользовались популярностью уже при жизни Автора, а ныне совершенно забыты. А эта небольшая книжка, вышедшая после смерти Автора, принесла ему посмертную славу, и слава эта не меркнет с годами. Ибо в ней Ковригин рассказывает об Андрее Светочеве, а каждое слово об этом величайшем Ученом дорого Человечеству.

Еще раз напоминаем: «Записки Ковригина» — повествование узконаправленное. Автора очень мало занимает бытовой и научный фон. О технике своего времени он упоминает только в тех случаях, когда сталкивается с нею лично или когда от нее зависит судьба его друзей. Порой по ходу действия он довольно подробно описывает некоторые агрегаты, существовавшие в его время, но в этих описаниях чувствуется не только глубокое равнодушие к технике, но и непонимание, граничащее порой с обывательщиной и технической малограмотностью. О Космосе, о полетах Человека в пространство он даже и не упоминает, словно живет в эпоху геоцентризма. И даже великий научный смысл открытия своего друга Андрея Светочева он понял только к концу своей жизни, да и то чисто утилитарно.

Узкая направленность автора сказывается и в том, что Андрея Светочева он изображает вне его творческого окружения, только со своих узко личных позиций. Нигде почти не упоминает он ни о Сотрудниках Светочева, ни о его Учителях и предшественниках. По Ковригину получается, что Светочев все делал один, а ведь на самом-то деле он был окружен талант-

ливыми единомышленниками, многие из которых (Иванников, Лемер, Караджаран, Келау) были крупнейшими Учеными своего века. Сам Андрей Светочев никогда не ощущал себя одиночкой в науке и отлично понимал, что век Ученых-одиночек давно канул в прошлое. Не только в XXII веке, когда жил и творил Светочев, но уже задолго до этого, в XX веке, наука стала столь сложной и многогранной, что все крупные и великие научные открытия могли возникать и осуществляться только в результате напряженного коллективного труда Ученых. Быть гениальным в науке — не значит быть одиноким в науке. Это было ясно и для Светочева, и для его современников. И только Ковригин, придерживаясь некоторых литературных штампов XX века, пытается сделать из Светочева некоего алхимика-одиночку.

Стиль книги архаичен, несовременен. Будучи специалистом по литературе XX века, автор, не найдя своей творческой манеры, подражает писателям XX века, причем писателям отнюдь не перворазрядным. К этому недостатку надо добавить и еще один. Даже повествуя о своих юных годах, Ковригин говорит о себе, как о пожившем, солидном, многоопытном Человеке. Но не надо забывать, что книгу свою Ковригин создал на закате жизни.

К автору «Девушки у обрыва» Матвею Ковригину разные Исследователи относятся по-разному. Ковригин — фигура противоречивая. Наряду с искренностью, добротой, безусловной личной смелостью и готовностью всегда прийти на помощь, в нем уживаются мелкий педантизм, брюзжание, отсутствие самокритики, граничащее с самовлюбленностью. Но не будем забывать, что именно Ковригину мы обязаны наиболее полным описанием жизни Андрея Светочева.

Так как многие понятия, наименования, агрегаты, приборы и механизмы, о которых упоминает автор, давно устарели, забыты, заменены другими и молодое поколение уже не знает о них, мы взяли на себя смелость снабдить текст сносками, поясняющими историческое значение этих понятий и предметов.

С искренним уважением

издательство «Земля»

Русская редакция

2306 год

ВСТУПЛЕНИЕ

«... Девушка стояла у обрыва на берегу реки. Это было осенью, когда идут затяжные дожди, когда размокает береговая глина и на ней так четко отпечатываются следы. Девушка стояла у обрыва и задумчиво смотрела на осеннюю реку, по которой плыли желтые листья.

Мимо проходил юноша, и увидел он девушку, стоящую у обрыва, и полюбил ее с первого взгляда. И она тоже полюбила его с первого взгляда — так полагается в сказках.

Этот юноша жил у реки, и когда девушка вызвала аэролет и улетела в большой город, пообещав вернуться весной, юноша остался один в избушке на берегу реки и стал ждать ее возвращения. Зачем он жил один на берегу реки и кто он был — не спрашивайте, ибо это сказка.

Каждый день приходил юноша на обрыв, где когда-то стояла девушка. Он протоптал в глине узкую тропинку рядом с ее следами. Он не наступал на ее следы, и каждый раз ему казалось, что девушка невидимо идет рядом с ним к обрыву и рядом с ним смотрит на осеннюю реку, по которой плывут желтые листья.

Потом пошли большие дожди, и следы от туфелек девушки наполнились водой, и в них отражалось

небо поздней осени. Потом ударил мороз, и следы стали льдом.

И однажды юноша вынул один след и принес его в свою избушку. Он положил его на стол, а когда проснулся утром, то увидел, что след растаял. И юноша очень удивился и огорчился. Не удивляйтесь — в сказках люди дивятся самым обычным вещам.

Огорчился юноша и подумал: «Следы моей возлюбленной достойны вечности. Но лед не вечен. Не вечен и металл, ибо он ржавеет; не вечно и стекло, ибо оно бьется; не вечен и камень, ибо он выветривается и трескается от жары и холода. Я должен создать такой материал, который отливался бы в любую форму и не боялся бы ни огня, ни холода, ни времени».

И пришел день, когда он создал вещество, которое заменило нам камень и металл, стекло и пластмассу, дерево и бетон, бумагу и лен. Он создал Единый Материал, который называется аквалидом. Из этого материала люди стали строить города на земле и под водой, делать все машины и все вещи. И это уже не сказка, ибо мы живем в этом мире.

Вот куда привели следы девушки, которая однажды стояла у обрыва в осенний день, когда по рекеплыли желтые листья.

Но однажды девушка, которую ждал юноша...»
И т. д., и т. д.

Вы и сами, дорогой мой Читатель, с детских лет знаете эту сентиментальную историю — ведь ее даже в школе проходят. Сочиненная досужим Поэтом и посвященная Андрею Светочеву и Нине Астаховой, эта полулегенда-полусказка почему-то считается весьма поэтичной и трогательной, и, быть может, некоторые не в меру наивные Люди склонны думать,

что именно таким путем и пришли мы к современной адекватной цивилизации.

Действительно: девушка на берегу стояла. А все остальное было не так, не так. Все придумал от себя досужий сочинитель.

— А как же все было? — спросите вы, почтенный мой Читатель.

Сейчас я начну свое повествование, и вы узнаете, с чего все началось, что привело Андрея Светочева к его открытию, где и как он встретил Нину Астахову. И еще вы узнаете многое другое.

Я прожил свой МИДЖ¹ с избытком, жизнь моя клонится к закату, и недалеко тот день, когда мой пепел легким облаком упадет с Белой Башни на цветы, растущие у ее подножия. Но я еще успею поведать вам правдивую историю о Нине Астаховой, об Андрее Светочеве, другом которого я был, и о себе, ибо когда-то моя жизнь была тесно связана с жизнью этих двух Людей.

СЛУЧАЙ НА ЛЕНИНГРАДСКОМ ПОЧТАМТЕ

Я начну с давних-давних времен. Рассказ мой начинается в тот день, когда отменили деньги. В книгах вы все читали об этом дне, а я помню его сам и знаю, что в книгах он сильно приукрашен. В сущности, ничего особенного в тот день не произошло. Дело

¹ МИДЖ (Минимум Индивидуальной Длительности Жизни)— норма долголетия, гарантированная каждому жителю планеты медициной и Обществом. В описываемую Автором эпоху МИДЖ равнялся ста десяти годам, но фактически средняя продолжительность жизни уже и тогда была значительно выше.

в том, что процесс отмирания денег шел уже давно. Деньги не погибли внезапно — они тихо скончались, как Человек, проживший свой МИДЖ с избытком. Последнее время они имели скорее значение статистическое, нежели ценностное. Если вам не хватало денежных знаков на покупку какой-либо нужной вам вещи, вы просто вырывали из своей записной книжки листок и писали на нем «15 копеек», или «3 рубля», или «20 рублей» и платили им Продавщице или ПАВЛИНу¹. Или вы могли попросить деньги у любого прохожего, и он давал вам требуемую сумму и, не спрашивая вашего имени, шел своей дорогой.

В день отмены денег у нас в Университете состоялось небольшое собрание в актовом зале, а затем все разошлись по своим делам. Помню, я шел с Ниной Астаховой к зданию филологического факультета, и разговор у нас был вовсе не об отмененных деньгах, а об «Антологии Забытых Поэтов XX века», над которой я тогда работал. Нина (она училась на втором курсе) была прикреплена ко мне, Аспиранту, в качестве Технического Помощника и помогала мне в составлении этой «Антологии». Она была добросовестна, много времени проводила в библиотеках и архивах, выискивая стихи и данные о забытых ныне Поэтах XX века, но мне не слишком нравилась в ней некоторая строптивость и чрезмерная самостоятельность. Так, например, Нина настаивала, чтобы в «Антологию» я обязательно включил стихи некоего Вадима Шефнера (1915—1984?), я же противился этому. Мне не нравились нотки грусти и меланхолические

¹ ПАВЛИН (Продавец-Автомат, Вежливый, Легкоподвижный, Интеллектуальный, Надежный) — старинный агрегат, давно снят с производства.

размышления в его стихах. Я предпочитал Поэтов с бодрыми, звонкими стихами, где все было просто и ясно. Я считал, что именно такие Поэты должны войти в мою «Антологию», чтобы Читатель имел верное представление о поэзии XX века. Нина же продолжала упорствовать, желая включить этого Шефнера — дался он ей! При этом она горячилась, даже сердилась. Она никак не могла понять, что я составляю научный труд, а наука требует бесстрастия.

Вообще же Нина мне нравилась. Часто мы вместе ходили с ней под парусами на яхте — она очень любила море.

А иногда мы брали такси-легколет и летели куда-нибудь за город. Там мы гуляли по аллеям. Мне нравилось быть с ней вместе, но меня несколько отпугивал ее странный характер. Иногда она была смешлива и даже насмешлива, а то вдруг становилась молчаливой и задумчивой. Подчас ее лицо принимало такое выражение, будто она ждет, что вот-вот произойдет что-то необыкновенное, какое-то чудо.

— Нина, о чем ты думаешь сейчас? — спросил я ее однажды в такую минуту, когда мы шли по загородной аллее.

— Так... Сама не знаю о чем... Знаешь, мне иногда кажется, что в моей жизни случится что-то очень-очень хорошее. Будет какая-то радость.

— Ты, очевидно, имеешь в виду тот факт, что скоро я закончу «Антологию», и, когда она выйдет из печати, твое имя будет упомянуто в предисловии как имя моей Помощницы? — сказал я. — Это действительно большая радость. И заслуженная.

— Ах, ты совсем не о том говоришь, — досадливо возразила она. — Я и сама-то не знаю, какого счастья я жду.

Меня несколько удивили эти ее слова, и даже огорчили.

Как можно ждать счастья, не зная, какого именно счастья ждешь? Где тут логика?

— Тебе нужно развивать в себе научное мышление, — посоветовал я ей. — Ты не прожила еще и четверти МИДЖа, впереди тебя ждет большая жизнь — научная и личная. Когда-нибудь ты выйдешь замуж, муж твой, может быть, будет Ученым, и твой уровень мышления должен быть не ниже его уровня. Ты об этом думала?

Но Нина сделала вид, будто не поняла моих слов. Ничего она мне не ответила, а подпрыгнула и сорвала со свешивающейся ветки листок и стала сквозь него смотреть на солнце.

— Сегодня зеленое солнце! — объявила она мне. — Вот забавно!

Я не стал убеждать ее, что солнце сегодня, как и всегда, самое обыкновенное, а вовсе не зеленое. Я просто терялся, когда она говорила такие странные вещи.

Тем не менее Нина мне нравилась. Но только не думайте, что она была такой красавицей, какой ее изображают теперь Художники и Скульпторы. Нет, красавицей я бы ее не назвал. Это была стройная, подвижная девушка, с очень легкой походкой, с лицом выразительным и даже привлекательным, но вовсе не было в ней той красоты, которую приписывают ей сейчас.

Но вернусь ко дню отмены денег.

Как я уже говорил, после собрания в актовом зале мы с Ниной отправились на филфак. Нина пошла на лекцию, я же засел в библиотеке и долго работал над своей «Антологией», а затем направился в университетскую столовую. Когда ко мне подошел

САТИР¹, я, как обычно, заказал себе щи, синтет-печенку и компот. Отобедав, я по привычке подозвал САТИРА, чтобы расплатиться, и хотел было уже сунуть монеты в отверстие на его пластмассовой груди, но вдруг увидел, что это отверстие заклеено бумажкой.

— Обед бесплатен. Обед бесплатен, — равнодушно сказал САТИР.

— Не «обед бесплатен» надо говорить, а «обед отпускается бесплатно», — поправил я САТИРА. — Идите и вызовите ко мне САВАОФа².

Вскоре к моему столику подошел громоздкий САВАОФ. Я сказал ему, чтобы он исправил фонозапись в подчиненных ему САТИРАх — они выражаются не вполне грамотно. Стыдно, ведь здесь Университет, центр культуры.

— Встревожен. Взволнован. Приму меры, — ответил САВАОФ. — Есть еще замечания?

— К сожалению, есть. Мне подали пережаренную синтет-печенку. Неужели вы предполагаете, что если все теперь бесплатно, то можно кормить людей пережаренной печенкой?

— Встревожен. Взволнован. Приму меры, — ответил САВАОФ. — Есть еще замечания?

— Нет. Можете идти.

Пообедав, я вышел на набережную и пошел к Первой линии. На набережной все было почти так, как в обычные дни, только на судах виднелись флаги

¹ САТИР (Столовый Автомат, Терпеливо Исполняющий Работу) — примитивный агрегат начала XXII века. Нечто вроде древнего Официанта.

² САВАОФ (Столовый Агрегат, Выполняющий Арбитражные Организационные Функции) — агрегат XXII века. Выполнял ту же работу, что в старину — застоловой.

расцвечивания да у гранитного спуска толпилось множество мальчишек и девчонок. Они останавливали всех прохожих и просили у них денег. Получив просимое, дети бежали по ступенькам к воде и бросали монетки в воду. А из бумажных купюр они делали маленькие лодочки и пускали их по волнам. В школах по случаю отмены денег занятий в этот день не было, что, на мой взгляд, едва ли способствовало укреплению дисциплины.

Когда я свернул на Первую линию, то увидел Чепьювина¹. Приплясывая и что-то невнятно напевая, он шел по пластмассовым плиткам мостовой, мешая движению элмобилей, которые почтительно его объезжали. Люди с интересом и удивлением, а некоторые и с явным испугом глядели на него. Я и сам остановился поглядеть на редчайшее зрелище, — в последний раз я видел одного Чепьювина в детстве, когда мне было лет девять.

Я постоял немного, надеясь, что Чепьювин выругается и мне удастся записать какое-либо новое для меня бранное выражение. Но Чепьювин только напевал — и все. Я пошел дальше, несколько огорченный тем, что мне не удалось пополнить составляемый мной СОСУД. Дело в том, что я с двенадцати лет начал составлять словарь, который назвал СОСУДОМ (Словарь Отмерших Слов, Употреблявшихся Древними). Мой СОСУД состоял из четырех разделов: 1) Ругательства, 2) Воровские термины, 3) Охотничьи термины, 4) Военные термины. Если второй, третий

¹ Ч е п ь ю в и н (Человек, пьющий вино) — медицинский и отчасти бытовой термин XXI-XXII веков. В прямом смысле — пьяница, алкоголик. Под Чепьювинами не подразумевались Люди, умеренно пьющие виноградные вина; как известно, такие вина пьют и понице.

и четвертый разделы СОСУДА я мог пополнять за счет старинных книг и архивов, то первый раздел пополнялся очень скудно, так как ругань на Земле давно вышла из обихода, а письменных источников не было. Приходилось собирать этот раздел по крупицам, и составление его подвигалось весьма медленно.

На Большом проспекте былолюдно. Здесь чувствовался праздник. Из открытых окон и с балконов летели бумажные деньги и, планируя, падали под ноги прохожим. Проходя мимо сберкассы, я заглянул туда. Там толпились дети. Они смеялись, прыгали и бросали друг в друга распакованными пачками денег. Весь пол покрыт бумажками. Время от времени ребята подбегали к столу, и сидящая за столом ФЭМИДА¹ выдавала им новые пачки.

На углу Большого проспекта и Шестой линии я встретил своего друга Андрея Светочева. Да-да, того самого Светочева, имя которого ныне известно каждому Человеку на Земле. Но тогда он был еще ничем не знаменит. Впрочем, среди Ученых он и тогда уже был известен.

Андрея я знал с детских лет — мы жили с ним в одном доме и учились в одной школе. Потом учебные пути наши разошлись — Андрей всегда интересовался техникой и после школы был принят в Академию Высших Научных Знаний, я же поступил на филологический факультет Университета. И хоть мы могли жить дома, потому что родители наши находились в Ленинграде, но мы разъехались по общежитиям — так удобнее было учиться. Однако мы остались

¹ ФЭМИДА (Финансовый Электронный Многооперационный Идеально Действующий Агрегат) — агрегат, упраздненный после отмены денег. Ныне имеется в музеях.

друзьями и часто встречались. Со школьных лет в нас сохранилась страсть к коллекционированию марок, и это тоже сближало нас. Встречаясь, мы хвастались своими коллекциями и толковали о жизни вообще, о своих планах и надеждах. А планы и надежды были у нас очень разные.

Последние месяцы Андрей был мрачен, молчалив. Однажды, когда я заглянул к нему в общежитие, он признался мне, что задумал одно очень важное открытие, но дело не клеится. Он мечется от одного опыта к другому — и все без толку.

Я тогда посочувствовал ему и дружески посоветовал взять какую-нибудь менее сложную работу и не стремиться к недостижимым целям. Ведь недостижимое — недостижимо и невозможное — невозможно. Надо намечать ближние цели и шагать от вехи к вехе.

Но Андрей остался недоволен моим дружеским советом и указал на картину, которая висела над его рабочим столом. Там был изображен Геракл, догоняющий Кирнейскую лань. Геракл бежал за ланью по снежным горным вершинам.

— Видишь, как он бежит? — сказал Андрей. — Он бежит по самым высоким вершинам, а тех вершин и скал, что пониже, он не касается ногой, он перепрыгивает через них. Поэтому он и догнал лань.

— Он мог и не нагнать ее, — резонно возразил я. — Он мог упасть и разбиться. И потом Геракл — это Геракл, а ты — простой смертный.

— Ну, это уж другое дело, — сухо ответил Андрей и перевел разговор на марки.

В тот день я ушел от него с ощущением, что он избрал какой-то ложный путь в науке и не хочет сойти с него из упрямства. Мне даже жалко его стало. Мне давно казалось, что он топчется на месте, в то

время как я шаг за шагом неуклонно иду вперед. Моя «Антология» и комментарии к ней были не так далеки от завершения, и я уже подумывал о следующей работе: «Писатели-фантасты XX века в свете современных этических воззрений». Кроме того, я неустанно работал над своим СОСУДОМ. Как я уже упоминал, это был весьма кропотливый труд. За каждым бранным словом для первого раздела СОСУДА мне приходилось буквально гоняться с пеной у рта, как говорилось в старину. Дело осложнялось и тем, что свою Помощницу, Нину Астахову, щадя ее девическую стыдливость, к этой работе привлечь я не мог.

В целом же я медленно и верно продвигался вперед, в то время как Андрей топтался на месте, поставив перед собой невыполнимую, как мне тогда казалось, задачу.

Но вернусь к описываемому мною дню. Итак, я встретил Андрея на углу Большого проспекта и Шестой линии. Андрей опять был мрачен.

— Куда ты спешишь, Андрей? — спросил я его.

— На Почтамт, — хмуро ответил он. — Ты ведь знаешь, что марки отменены. Прежде мне хоть в марках везло, а теперь и марки отменили.

— Отменили? — удивился я. — Как же так? А наши коллекции?

— Ты плохо слушал сообщение об отмене денег. Там сказано: отменяются деньги, а также всякие знаки оплаты. А марки — это и есть знаки оплаты.

— Действительно, — догадался я. — Раз нет денег, то и марки отпадают... А как же быть филателистам?

— Никак! — буркнул Андрей. — Едем к Почтамту. Движением руки он подозвал проходящий мимо такси-электромобиль, и мы сели в него.

— Везите нас скорее к Почтамту, — сказал я АВТОРУ¹.

— Понял. Везу к Почтамту. Оплата отменена, — произнес АВТОР, склонив над приборами металлическую голову с тремя глазами. Четвертый глаз — большая затылочная линза — смотрел на нас.

— Поедем с перепрыгом, — сказал Андрей. — Мы спешим.

— Предупреждаю об опасности, — сказал АВТОР. — К Почтамту сегодня большое движение. Перепрыгивание опасно. Вести с разговором? За разговор надбавка отменена.

— Везите с разговором, — сказал я.

— До вас вез к Почтамту седого старика, возраст приблизительно МИДЖ и сорок лет. Старик имел огорченный вид. На куртке у него Гуманитарный знак. Старик был очень сердит.

— Он не ругался? — с надеждой спросил я.

— Нет, он не делал того, о чем вы упомянули. Но у него был огорченный вид.

— И не надоела вам эта болтовня! — сердито сказал Андрей. — Не пойму, что за удовольствие разговаривать с механизмами.

Мы замолчали.

До Почтамта было довольно далеко, он находился в новом центре города, который сместился по направлению к Пушкину. Элмобилям было в этот час много. Когда впереди, за несколькими машинами, намечался просвет, наш элмобиль выпускал подкрылки и перелетал через идущие впереди машины, занимая свободное место. Наконец мы подъехали к Почтамту —

¹ АВТОР (Автоматический Водитель Транспорта, Обладающий Речью) — старинный агрегат конца XXI — начала XXII века. Давно заменен более совершенными устройствами.

небольшому двадцатиэтажному зданию, стоящему среди площади.

На площади толпилось довольно много народу. Здесь были и школьники, и люди среднего возраста, и совсем пожилые люди. Некоторые пришли с альбомами для марок и «Справочником филателиста». У всех был очень недовольный вид. Все смотрели на гигантский телеэкран, который был вделан в стену Почтамта.

Мы с Андреем тоже стали смотреть на экран и вскоре увидели Москву. Площадь перед Московским Почтамтом тоже была полна филателистов. Потом на экране появился Почтамт в Буэнос-Айресе. Там была уже ночь, и толпа филателистов стояла с факелами. Некоторые держали в руках какие-то дудки и дудели в них. Потом возник Почтамт в Риме. Здесь тысячи филателистов сидели на пластмассовой мостовой, не давая двигаться транспорту. Затем Рим померк, и на экран наплыл небольшой городок — где-то в Черноземной полосе. Здесь перед зданием Почты стояли школьники и взрослые, держа в руках плакаты с надписью: «Почтовики! Людям нужны марки!».

Затем экран погас, и Диктор сказал:

— В Женеве непрерывно заседает Всемирный Почтовый Совет. Вопрос о марках будет решен в ближайший час. Включаем Женеву.

— Идем в зал, — сказал мне Андрей и стал пробираться к подъезду Почтамта.

Я пошел за ним, вслушиваясь в разговоры Людей и надеясь услышать какое-нибудь ругательство, дабы пополнить свой СОСУД. Но, к сожалению, никто не ругался, хоть все и были возбуждены.

В зале Почтамта народу было много, однако меньше, чем я ожидал. Мы подошли к окнам, где еще вче-

ра продавались марки. Теперь здесь висел аншлаг: «В связи с отменой денег марки отменены. Письма пересылаются бесплатно».

Девушка-почтовичка терпеливо объясняла какому-то старичку, МИДЖей двух, что раз деньги отменены, то и марки не нужны и его письмо дойдет по адресу безо всякой марки. В ушах девушки покачивались серьги. Они были очень простые — два металлических шарика на тонких цепочках, но все-таки сразу бросались в глаза: в наше время эти ушные украшения давно вышли из моды. Впрочем, девушка была хороша собой, и серьги ей шли.

— Собрание марок — это историческая традиция, — сказал Андрей, подойдя к окошечку. — И не вам, Почтовикам, ее отменять.

— Марки отменены не Почтовиками, а временем, — скромно возразила девушка с серьгами. — Собрание марок — ненужный, отживший предрассудок.

— Раз есть люди, интересующиеся марками, значит, марки должны существовать, — громко и сердито сказал Андрей.

— Как вы смешны со своими марками! — вспыхнув, ответила девушка.

— А вы глупы со своими рассуждениями о марках и со своими допотопными серьгами! — воскликнул Андрей. — Вы просто суцая кикимора!

Девушка с испугом и обидой посмотрела на Андрея.

— Андрей! До чего ты дошел! — сказал я. — Ты произнес ругательство! Мне стыдно за тебя!

— Простите меня, — обратился Андрей к девушке с серьгами. — Никогда еще со мной не бывало такого. Простите, что я вас обидел.

— Я прощаю вам, — сказала девушка. — Вы

просто очень чем-то взволнованы. . . А что это такое — кикимора?

— Не знаю, — ответил Андрей. — Так говорил мой прадедушка моей прабабушке, когда был сердит.

— Под «кикиморами» в глубокой древности подразумевались некие лесные мифические существа, — сказал я. — В дальнейшем же слово «кикимора», утратив свое первоначальное значение, стало употребляться в фольклоре как бранное слово, применяемое по отношению к сварливым и не обладающим внешней привлекательностью женщинам. Могу вас заверить, что на кикимору вы не похожи, и с этой точки зрения мой друг ошибся.

— Очень интересно! — сказала девушка. — И откуда вы все это знаете?

— Я знаю не только это, но и много больше этого, — скромно ответил я. И далее я пояснил, что Словарь Отмерших Слов, Употреблявшихся Древними, сокращенно именуемый СОСУДОМ, вмещает в себя очень много слов, понятий и идиоматических выражений. Далее я сказал, как меня зовут и кто я такой. Девушка слушала меня с интересом, а затем сказала несколько слов о себе. Ее звали Надей. Впоследствии Надя стала моей женой, но сейчас речь не о том.

Когда мы с Андреем вышли из зала Почтамта, то на гигантском телеэкране увидели Диктора, который сообщил Следующее:

1. **Всемирный Почтовый Совет считает коллекционирование марок пережитком, не приносящим Человечеству никакой пользы.**
2. **Всемирный Почтовый Совет считает коллекционирование марок пережитком, не приносящим Человечеству никакого вреда.**
3. **Поскольку коллекционеры хотят, чтобы марки**

существовали, пусть они существуют, но не как знаки оплаты.

4. Впредь каждый Человек получает право выпускать свои марки, для чего выделяются типографии и прочая техника.
5. Каждый Человек за свою жизнь имеет право выпустить три марки общим тиражом не более 1 000 000 экземпляров.

— Вот видишь, — сказал я Андрею, — все кончилось очень хорошо. И не следовало тебе обижать девушку и присваивать совсем не идущее к ней определение «сухая кикимора». Ты оскорбил Человека. Тебе придется искупить свою вину.

— Я и сам это знаю, — ответил Андрей. — Я вел себя недостойно. И дело тут не в марках, а в том, что мне очень не везет. Одно время мне казалось, что я близок к великому открытию, а теперь начинаю думать, что шел по ложному пути...

— В наш век не может быть великих открытий, — возразил я. — В наш век возможны только усовершенствования.

Андрей промолчал в ответ, и мне показалось тогда, что внутренне он со мной согласен, но из ложной гордости не высказывает этого.

Но я ошибался. В Андрее было много непонятого для меня. А ведь я его знал с детства.

ДЕТСТВО

В самом раннем детстве я жил с родителями в доме на Одиннадцатой линии Васильевского острова. Отец преподавал литературу в школе, мать же работала Модельером на фабрике женских украшений.

Там отливали кольца и всевозможные украшения из химически чистого железа (золото давно вышло из моды). Там же изготавливались перстни и диадемы с марсианскими камешками. На этой фабрике мать моя подружилась с Анной Светочевой, матерью Андрея. Потом подружились и наши отцы, и мы съехались в одну квартиру в Гавани, в дом на самом взморье. В то время начался процесс так называемой вторичной коммуналлизации жилья. Дело в том, что когда-то многие Люди вынуждены были жить в больших коммунальных квартирах. Так как в этих больших квартирах жили Люди разных характеров, профессий и привычек, то между ними порой возникали ссоры, недовольство друг другом. Тем временем темпы жилищного строительства все нарастали, и вот все, кто хотел жить в отдельных квартирах, стали жить в них. Но прошло еще некоторое время — и отдельные Люди и семьи, дружившие меж собой, начали съезжаться в общие квартиры уже на новой основе — на основе дружбы и расположения друг к другу. Это было учтено, и снова часть новых зданий стали строить с большими квартирами. Люди в таких квартирах жили как бы одной семьей, внося деньги в общий котел, независимо от величины заработка. Сейчас этот естественный процесс продолжается, все ускоряясь, — тем более что деньги отменены и все стало гораздо проще.

Дом, куда мы въехали со Светочевыми, обменявшись с какой-то большой семьей, был старый, кирпичный. По сравнению с новыми домами из цельнобетона, которые стояли рядом с ним, он казался старинным. В нашем доме, в дверях, выходивших из квартир на лестницу, были даже замки, и мне очень нравилась эта старина. Двери закрывались, конечно, просто так — ключи давно были потеряны или сданы в

утиль, — но само наличие этих странных приспособлений придавало квартире какую-то таинственность.

Жили наши семьи очень дружно. Отец Андрея, Сергей Екатеринович Светочев, был добродушный, веселый Человек. Он работал на бумажной фабрике и очень гордился своей профессией. «Все течет, все меняется, а бумажное производство остается, — говаривал он. — Без нас Людям не прожить». Мог ли он предполагать, что сын его сделает такое великое открытие, что даже и бумага будет не нужна!

Нас с Андреем поместили в одну большую комнату — детскую, и наши кровати стояли рядом. Квартира была невелика, но уютна, — да кто из вас, уважаемые Читатели, не побывал в ней! Ведь дом сохранен в неприкосновенности в память об Андрее Светочеве, и все в квартире такое, как в старину. Только настил пола там меняют теперь дважды в год — его протирают ноги бесчисленных экскурсантов со всех материков нашей Земли. Посетителям дома-музея квартира эта кажется скромной, но мне в детстве она казалась очень большой. В ту пору еще не было такого изобилия жилой площади, как сейчас, и норма — комната на человека — еще была в силе. Это теперь, когда за одни сутки воздвигаются гигантские дома из аквалида, вы можете, если вам в голову придет такая нелепая идея, заказать для себя личный дворец. В Жилстрое удивятся вашей причуде, но заявку удовлетворят — и через день вы въедете в свой дворец, а еще через неделю сбежите из него от скуки.

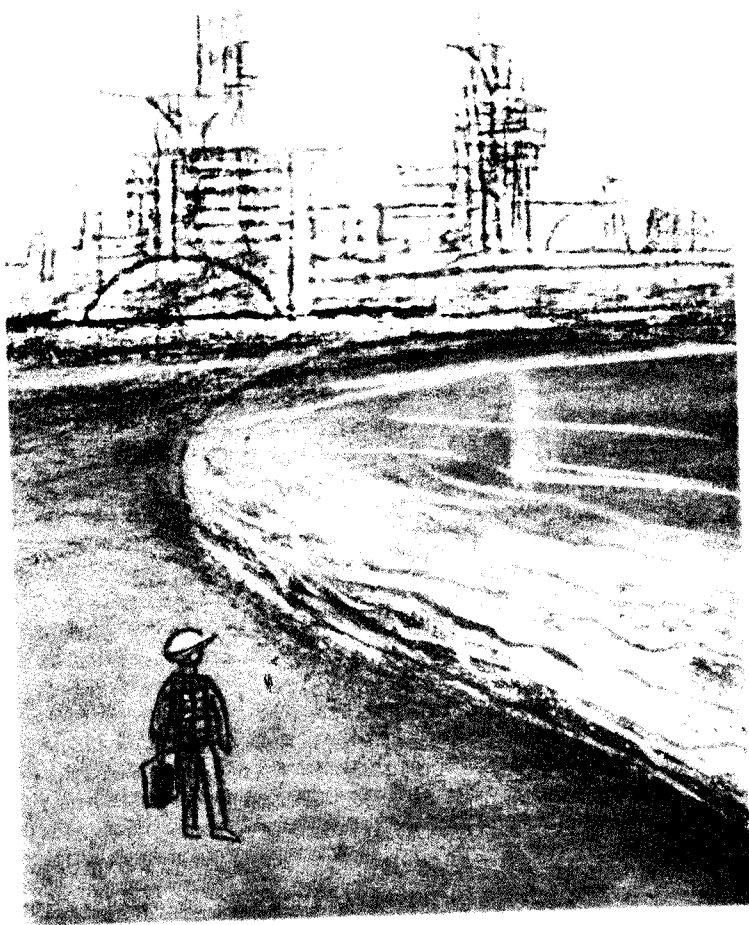
Но возвращаюсь к Андрею. Итак, мы с ним жили в одном доме и ходили в один детский сад, а затем вместе поступили в школу. Жили мы с ним дружно и всегда поверяли друг другу свои тайны и планы на будущее. В учебе мы помогали друг другу: я неплохо шел по родному языку, Андрей же был силен в

математике. Однако никаких признаков гениальности у него в ту пору не было. Это был мальчишка как мальчишка. В начальных классах он учился, в общем-то, средне, а тетради вел хуже, чем я, и меня нередко ставили ему в пример. Должен заметить, что хоть мы и очень дружили, но были в характере Андрея черты, которые мне не очень нравились. Мне казалось, что как мы ни дружны, но Андрей всегда чего-то не договаривает до конца, точно боясь, что я не смогу его понять. Обижало меня и его стремление к уединению и молчанию, овладевавшее им порой. Он мог просидеть час-другой не шевелясь, уставясь в одну точку и о чем-то думая. На мои вопросы он отвечал в таких случаях невпопад, и это, естественно, сердило меня. Еще любил он бродить один по берегу залива, там, где пляж. Осенью пляж был безлюден, и, когда мы возвращались из школы, я напрямик шагал домой, а Андрей иногда зачем-то сворачивал на этот пустынный пляж, где нет ничего интересного.

Однажды я, как часто бывало, вернулся домой без Андрея, а тут его мать послала меня за ним. «Ведь сегодня день рождения Андрюши, — сказала она, — неужели он забыл об этом?» Я пришел на берег. Было в тот день пасмурно, сыро. Шел мелкий дождик. Вода была неподвижна, только иголки дождя тихо втыкались в нее и исчезали. Андрей в дождевике стоял у самой кромки залива. Смотрел он не вдаль, а прямо под ноги, на воду.

— И охота тебе торчать на этом пляже! — сказал я. — Ведь сейчас не лето. Иди домой, тебя мама зовет. Или ты забыл, что тебе сегодня исполняется десять лет? И о чем ты думаешь?

— Я думаю о воде, — ответил Андрей. — Вода — очень странная, правда? Она ни на что на свете не похожа.

— Чего странного нашел ты в воде? — удивился я. — Вода — это и есть вода.

— Нет, вода — странная и непонятная, — упрямо повторял Андрей. — Она жидкая, но если по ней плашмя ударить палкой, то руке больно, такая она упругая. Вот если сделать воду совсем твердой...

— Настанет зима — вода превратится в лед и станет твердой, — прервал я Андрея.

— Да я не о льде, — с какой-то обидой сказал он. Мы молча пошли домой.

Дома мать Андрея обняла его и подарила пакетик с марками, а моя мама подарила ему «Справочник филателиста».

— Ура! Никарагуа! Никарагуа! — закричал мой товарищ, рассмотрев марки. Он запрыгал от радости и стал бегать по всем комнатам, выкрикивая: «Никарагуа! Никарагуа!»

Когда он пробежал мимо дивана, я сделал ему подножку, и он упал на диван. Я тоже плюхнулся на диван, и мы стали бороться, а потом схватили по диванному валику и начали бить друг друга. Конечно, все это делалось в шутку.

— Бей зверинщиков! — кричал я, замахиваясь нитролонным валиком на Андрея.

— Бей портретников! — кричал он, опуская мне на голову валик.

«Портретниками» в нашем школьном филателистическом кружке называли тех, кто собирал марки с портретами. Я, например, подбирал марки с изображением знаменитых Людей. Андрей же принадлежал к «зверинщикам» — он собирал так называемые красивые марки; особенно он любил изображения разных экзотических зверей. Вкус у него был странный: ему нравились самые яркие, аляповатые марки, нравились пестрые птицы и звери, изображенные на них.

Коллекцией своей он очень дорожил, но если кто-нибудь из ребят просил у него даже самую яркую марку, он отдавал ее. Сам же он редко обращался к кому-нибудь с просьбами, и из-за этого некоторые считали его гордецом. Но гордецом он не был, просто он был сдержанным, и с годами эта сдержанность росла.

С годами росла в нем и некоторая тяга к отвлеченным рассуждениям. Рассуждения эти, признаться, нагоняли на меня скуку.

Так однажды, когда мы учились в четвертом классе, у нас состоялась экскурсия в старинный Исаакиевский собор — вернее, на его колоннаду. В тот день на плоскую крышу нашей школы сел средний аэролет, мы быстро прошли в его салон и вскоре подлетели к Исаакию. Остановившись в воздухе у верхней колоннады собора, аэролет выдвинул наклонный трап, и весь наш класс во главе с Учителем сошел под колонны. С вершины собора нам виден был весь город и Нева с ее четырнадцатью мостами, и «Аврора», стоящая на вечном причале, и залив, и корабли на нем.

— Как красиво! — сказал я Андрею. — Правда?

— Очень красиво, — согласился он. — Только все кругом из разного сделано. Из камня, из железа, из кирпича, из бетона, из пластмассы, из стекла... Все из разного.

— Чего же ты хочешь? — удивился я. — Так и должно быть. Одно делают из одного, другое — из другого. Так всегда было, так всегда и будет.

— Надо делать все не из разного, а все из одного, — задумчиво сказал Андрей. — И дома, и корабли, и машины, и ракеты, и ботинки, и мебель, и все-все.

— Ну, это ты ерунду говоришь, — возразил я. — И потом вот из пластмасс очень многое делают.

— Но не все, — сказал Андрей. — А нужно такую пластмассу, что ли, изобрести, чтобы из нее все делать.

— Не строй из себя умника! — рассердился я. — Мы с тобой в школе учимся, и незачем нам думать о том, чего не может быть.

После этой моей отповеди Андрей обиделся и долго не разговаривал со мной на отвлеченные темы. Зато он начал таскать домой всевозможные научные книги, в которых речь шла главным образом о воде. Когда мы перешли в следующий класс, Андрей стал почти все вечера проводить в Вольной лаборатории — такие лаборатории и сейчас имеются при каждой школе. Там было много всяких машин и приборов, и он возился около них, забывая даже о еде. Как это ни странно, но ни мои, ни его родители не принимали никаких мер против этого увлечения. Когда я намекал им, что Андрею это ни к чему и только идет во вред здоровью и общей успеваемости, они мягко отвечали мне, что я чего-то недопонимаю. Однако для своего возраста я был совсем не глуп, и успеваемость моя была совсем неплохая. Что касается Андрея, то, чем дальше, тем все выше были его успехи в области точных наук, в то время как по остальным предметам он шел весьма посредственно. А некоторые уроки он вообще пропускал ради своих опытов, и, как ни странно, Педагоги ему это почему-то прощали. Так, на физкультуру он ходил очень редко, а на уроки плавания в школьный бассейн — еще реже. Только подумать — он так и не научился плавать!

Несмотря на некоторые странности своего характера, Андрей был хорошим товарищем. Иногда мы с ним спорили, но почти никогда не ссорились. Раз только он вспылил из-за пустяка и даже обидел меня. Когда мы в седьмом классе проходили Теорию

Эйнштейна, мне не все было в ней понятно, и дома я прибегаю к помощи ЭРАЗМа¹. Я знаю, что сейчас этот агрегат не применяется, он признан непедагогичным и давно снят с производства, но в мои юные годы некоторые ученики прибегали к его помощи. Андрей же к ЭРАЗМу относился неуважительно и даже дал ему грубую кличку «Зубрильник».

Я вложил книгу в отверстие агрегата, включил контакт, и механические пальцы начали листать страницы. ЭРАЗМ стал читать книгу вслух, пояснять ее зрительно на экране и давать свои, упрощенные и доходчивые пояснения.

И вдруг Андрей, который до этого тихо сидел за своим столом, ничего не делая и уставясь в одну точку, сказал сердитым голосом:

— Да выключи ты этот несчастный зубрильник! Неужели ты не понимаешь таких простых вещей!

— Андрей, ты груб! — сказал я. — Этот прибор называется ЭРАЗМ, а никакой он не зубрильник.

— И кто придумывает названия всем этим агрегатам! — буркнул Андрей. — Тоже мне — «ЭРАЗМ»!

— Названия всем агрегатам придумывает Специальная Добровольная Наименовательная Комиссия, состоящая из Поэтов, — ответил я. — Поэтому, оскорбляя агрегат, ты тем самым оскорбляешь Поэтов, которые добровольно и безвозмездно дают названия механизмам. А поскольку я пользуюсь услугами ЭРАЗМа, то оскорбляешь и меня.

— Прости, я вовсе не хотел обидеть тебя, — проговорил Андрей. — Дай мне книгу, я поясню тебе эту главу.

Он стал втолковывать мне смысл Теории, но пояс-

¹ ЭРАЗМ — Электронный Растворительный Агрегат, Знающий Многое.

нения его были какие-то странные, парадоксальные и совсем непонятные мне. Я сказал об этом Андрею, и он искренне удивился.

— Но ведь все это так просто. Эта книга случайно попала мне, когда мы учились еще во втором классе, и я ничего непонятного в ней не нашел.

— Ты не нашел, а я вот нахожу! — ответил я и вновь включил ЭРАЗМ.

Но эта размолвка не нарушила нашей дружбы. И когда нам исполнилось по шестнадцати лет и мы получили право пользоваться Усилительной Станцией Мыслепередач, мы с Андреем взяли общую волну и стали «двойниками»¹ по мыслепередачам. Вскоре это пришлось очень кстати — моя помощь понадобилась Андрею.

Случилось это так. Ранней весной родители наши взяли отпуск и улетели на Мадагаскар, предварительно дав нам соответствующие наставления. Андрей, пользуясь отсутствием родителей, стал до глубокой ночи пропадать в Вольной лаборатории. Он приходил туда один и проделывал опыты с водой, на которой он, как в старину говорилось, совсем помешался. Как потом выяснилось, некоторые из этих опытов были отнюдь не безопасны, и ДРАКОН² не раз делал Андрею замечания и даже выключал электропитание в лаборатории, дабы прервать эти опыты. За это Андрей

¹ Передача мыслей в те годы могла осуществляться только между двумя абонентами по схеме А — Б; Б — А. Работа Усилительных станций требовала чрезвычайно больших затрат энергии, поэтому прибегать к мыслепередачам рекомендовалось только в случае крайней необходимости и при отсутствии других средств связи.

² ДРАКОН (Движущийся Регламентационный Агрегат, Контролирующий Опыты Неопытных) — старинный агрегат, ныне замененный более совершенным.

невзлюбил ни в чем не повинного ДРАКОНа и даже дал ему нелепую кличку «Дылдон».

Однажды Андрей задержался в лаборатории что-то очень уж надолго, но я не слишком беспокоился о нем, так как был уверен, что, поскольку он производит свои опыты в присутствии дежурного ДРАКОНа, ему ничто не угрожает. И я спокойно лег спать.

Я начал уже засыпать, как вдруг услышал мыслесигнал Андрея.

— Что случилось? — спросил я.

— Состояние опасности, — сообщил Андрей. — Иди в лабораторию. Все. Мыслепередача окончена.

Я тотчас оделся и выбежал на улицу. У ворот меня окликнул дежурный ВАКХ¹:

— Вы встревожены? Поручений нет?

— Благодарю вас, поручений нет, — ответил я и побежал по самосветящейся пластмассовой мостовой к школе. Улица была пустынна, только на скамейках бульвара кое-где сидели парочки. Навстречу мне попался ГОНОРАРУС². Он нес в своей пластмассовой руке букет розовых цветов, а во лбу его горела розовая лампочка. Розовый цвет означал, что родилась девочка, — ГОНОРАРУС шел извещать об этом отца. Я едва не сшиб с ног этот агрегат, так я торопился.

Но вот и школа. На площадке перед ней днем всегда висела статуя Ники Самофракийской, причём голова ее была восстановлена с помощью точнейших кибернетических расчетов. Она была отлита из нержавеющей металла и с помощью электромагнитов

¹ ВАКХ (Всеисполняющий Агрегат Коммунального Хозяйства) — механизм XXI—XXII веков. Выполнял приблизительно ту же работу, что Дворник в древности.

² ГОНОРАРУС (Громкоговорящий, Оптимистичный, Несущий Отцам Радость Агрегативный Работник Устной Связи) — старинный агрегат, ныне заменен другим.

висела в воздухе над невысоким постаментом, как бы летя вперед. На ночь электромагниты выключались, и статуя плавно опускалась на постамент. А утром, когда луч солнца касался включающего устройства, Ника плавно подымалась в воздух, продолжая свой полет. В дни моей молодости было немало таких висящих в воздухе статуй. Теперь, к сожалению, от электромагнитов отказались, считая это дурным вкусом, и вновь вернулись к обычным пьедесталам. А жаль. Не слишком ли усердно нынешняя молодежь зачеркивает творческие достижения прошлого?

В окнах большого здания Вольной лаборатории горел свет. Я вошел в технический зал. Здесь, среди множества приборов и машин, я увидел Андрея. Он сидел на пластмассовой табуретке, и с руки его стекала кровь. Над ним, неуклюже наклонясь, стоял ДРАКОН и давал ему какие-то медицинские советы. Андрей был очень бледен. Я кинулся к аптечному шкафу, достал необходимые медикаменты и занялся оказанием помощи. Андрей был ранен в плечо и потерял много крови. Рана была небольшая, но довольно глубокая. Я залил ее Универсальным бальзамом и сделал перевязку, а затем вызвал по телефону Врача.

— Что здесь произошло? — спросил я Андрея.

— Небольшой просчет, — ответил он. — Я думал, что будет совсем другой эффект. Понимаешь, мне нужно было узнать поведение воды при некоторых особых условиях. Я переохладил ее под давлением и вбрызнул в раскаленную золотую трубу. Я думал, что перепад температур...

— А вы что смотрели? — строго обратился я к ДРАКОНу. — Ведь вы должны прерывать опасные опыты!

— Опыт безопасен, — бесстрастно ответил ДРАКОН. — Опыт целесообразен, нужен, необходим, обязательен, полезен, безопасен.

— Как же он безопасен, если человека ранило! — рассердился я. — И посмотрите, что здесь делается!

Действительно, на полу лежали какие-то разбитые циферблаты, осколки плексигласа, обломки металла, лопнувшая искореженная золотая труба с довольно толстыми стенками. . .

— Дылдон не виноват, — сказал вдруг Андрей. — Если кто виноват — так это я. Я доказал Дылдону, что опыт безопасен.

— Значит, ты обманул его! Пусть это не Человек, а механизм, но все равно ты совершил обман. Обманывая механизм, ты обманываешь Общество!

— Я не обманул его, я убедил. Я внес поправки в его электронную схему. Он даже помогал делать опыт.

— Опыты не напрасны, безопасны, оправданы, обоснованы, объективны, перспективны, — глухо забормотал ДРАКОН.

— Ну, с вами толковать — что воду в ступе толочь! — сердито сказал я.

— Воду в ступе? Толочь? Новый опыт? — заинтересовался ДРАКОН.

— Никаких опытов мы делать не будем, — ответил я. — Лучше наведите здесь порядок.

ДРАКОН поспешно нагнулся над люком мусоропровода, выдвинул из своей ноги пластмассовую лопаточку и, пританцовывая, стал сбрасывать туда осколки и обломки. Столкнув остатки искалеченной золотой трубы, он захлопнул люк.

— Все. Могут выключаться?

— Да, — ответил я. — И скажите Людям, чтобы вас заменили. Вы неисправны.

В это время подоспел Врач.

Рана Андрея скоро зажила, остался только шрам. Самое странное, что за свою проделку Андрей, в

сущности, не понес никакого наказания. Его только на короткий срок отстранили от опытов, а потом он опять принялся за свое. Уж чего-чего, а упрямства у него хватало.

ИЗ ЮНОСТИ

Однажды ранней осенью мы шли с Андреем по берегу залива. Поравнявшись с лодочной станцией, Андрей сказал:

— Возьмем лодку. Давно мы с тобой не катались на лодке.

Мы взяли шлюпку и стали выгребать в залив. Мимо нас проходили яхты, прогулочные электроходы, а мористее видны были не спеша идущие морские пассажирские корабли, грузовые суда и большие парусники. Эти парусники были очень красивы — совсем как на старинных гравюрах. Только на них не было команды: паруса поднимались и убирались специальными механизмами, которыми управлял КАПИТАН¹. Парусники эти перевозили несрочные грузы и вполне себя оправдывали. Правда, иногда из-за чрезвычайной сложности управляющего устройства с некоторыми из этих парусников происходили странные вещи. Они вдруг начинали блуждать по морям, не заходя ни в какие порты. Такие блуждающие корабли были опасны для мореплавания, и их старались выследить и обезвредить, что было не так-то просто. У КАПИТАНОВ

¹ КАПИТАН (Кибернетический Антиаварийный Первокласно Интеллектуализированный Точный Агрегат Навигации) — весьма совершенный для своего времени агрегат. Ныне модернизирован.

вырабатывался эффект сопротивления, и они норовили уйти от преследования.

Мы с Андреем гребли все дальше в залив. Двухпалубный атомоход прошел недалеко от нас, подняв большую волну. Андрей замешкался с веслами — греб он плохо, но я успел поставить шлюпку носом к волне. Нас тряхнуло, немного воды перелилось через борт, но все обошлось благополучно.

— Могло кончиться и хуже, — сказал я Андрею. — Мы могли очутиться в воде, а ты ведь до сих пор не умеешь плавать. Как это странно: изучаешь воду, делаешь с ней опыты, а плавать не умеешь. Может быть, ты хочешь усмирить бури и штормы?

— Нет, бури и штормы останутся. Но вода, по моему убеждению, со временем станет слугой Человека. И время это, быть может, не так уж далеко.

Я промолчал. Я давно знал, что вода — пункттик Андрея, и не хотел с ним спорить.

— К такому выводу можно прийти не только исследовательским, научно-техническим путем, но сама логика жизни говорит об этом, — продолжал Андрей. — У Человека есть друзья: металл, камень, дерево, стекло, пластмассы — друзья верные и испытанные. Но Человечество растет, ему нужен новый сильный друг и союзник. Такого друга у него пока нет. Зато у него есть враг — вода. Вода — враждебная стихия, вода антистабильна.

— Вода — это и есть вода, и ничего с ней не делаешь, — вставил я словечко.

— Но когда Человек подчиняет себе сильного и опасного врага, то именно этот сильный и опасный враг становится самым верным и надежным союзником. А Человеку нужен сейчас великий новый союзник. Только подчинив себе воду, Человек станет полным властелином планеты.

— Мели, Емеля, твоя неделя, — сказал я Андрею, — выслушав его слова.

— Какой Емеля? — удивился Андрей.

— Просто есть такая старинная поговорка. Не буду тебе ее расшифровывать.

В то время я уже серьезно интересовался историей литературы и фольклором XX века и имел на этом пути несомненные успехи. В старинных книгах я выискивал древние поговорки, пословицы, прибаутки и выписывал их в отдельную тетрадь. Кроме того, я изучал Поэтов XX века, надеясь со временем написать о них историческое исследование. Одновременно я работал над моим любимым детищем — СОСУДом.

Одиннадцатые и двенадцатые классы в нашей школе были специализированные, и после окончания десятого класса я пошел на гуманитарное отделение. Андрей же — на техническое. Мы по-прежнему отправлялись в школу вместе, но, придя в нее, расставались до конца учебного дня. Мы, как и прежде, были с Андреем дружны, вместе ходили в театр и кино, а во время летних каникул вместе путешествовали то по Америке, то по Австралии, то по Швеции. Но лучше всего сохранились в моей памяти наши совместные прогулки по родному городу. Мы бродили и по старинным улицам, сохранившим свой вид в неприкосновенности с XX века, и по Новому городу, где высились новые здания, казавшиеся мне тогда очень высокими, — ведь аквалидного строительства еще не было.

Раз, проходя мимо одного здания, я заметил у входа надпись:

«ОРФЕУС (Определитель Реальных Фактических Естественных Умственных Способностей)».

Я давненько уже хотел проверить свои умственные возможности, в широте которых я, при всей своей

скромности, не сомневался. Поэтому я шутливо предложил Андрею:

— Давай зайдем сюда, узнаем, на сколько баллов тянут наши умы.

— Зайдем, если тебе хочется, — согласился Андрей. — Только я не очень верю в точность этого агрегата.

— Может быть, ты боишься, что кто-то из нас окажется потенциальным идиотом? — поддразнил я его.

— Все возможно, — ответил Андрей. — Иногда я чувствую себя таким глупцом. . .

Мы вошли в помещение, и вскоре нас повели каждого в отдельную комнату, обставленную какими-то приборами. Ассистент подвинул мне кресло, надел мне на голову какой-то пластмассовый шлем с проводами.

— Думайте о том, что вас больше всего интересует и о чем вы чаще всего размышляете, — сказал Ассистент.

Я стал думать о своем любимом детище — СО-СУДе, и вскоре на приборах задвигались стрелки, вспыхнули лампочки. Затем Ассистент подошел к какому-то экрану, поглядел на него — и выключил всю механику.

— Готово, — сказал он. — У вас уклон к систематике.

— А сколько у меня баллов?

— Четыре балла. Совсем неплохо.

— Как, всего четыре балла?! — возмутился я. — Это при десятибалльной-то системе! Это ошибка. Очевидно, ваш ОРФЕУС нуждается в ремонте.

— Четыре балла — совсем не плохая оценка, — возразил мне Ассистент. — Есть много людей, которым ОРФЕУС дает гораздо меньшую оценку, и они

работают в области науки, искусства и литературы и считаются умными людьми. А Режиссеры и Сценаристы зачастую имеют по ОРФЕУСУ оценку «единица», однако вы смотрите их фильмы, да еще похваливаете.

— Это ваше утверждение лишний раз убеждает меня в неточности вашего агрегата. Если Кинорежиссер ставит картины, а Критик пишет о них статьи, то это одно уже доказывает, что ОРФЕУС ошибся, поставив им единицу.

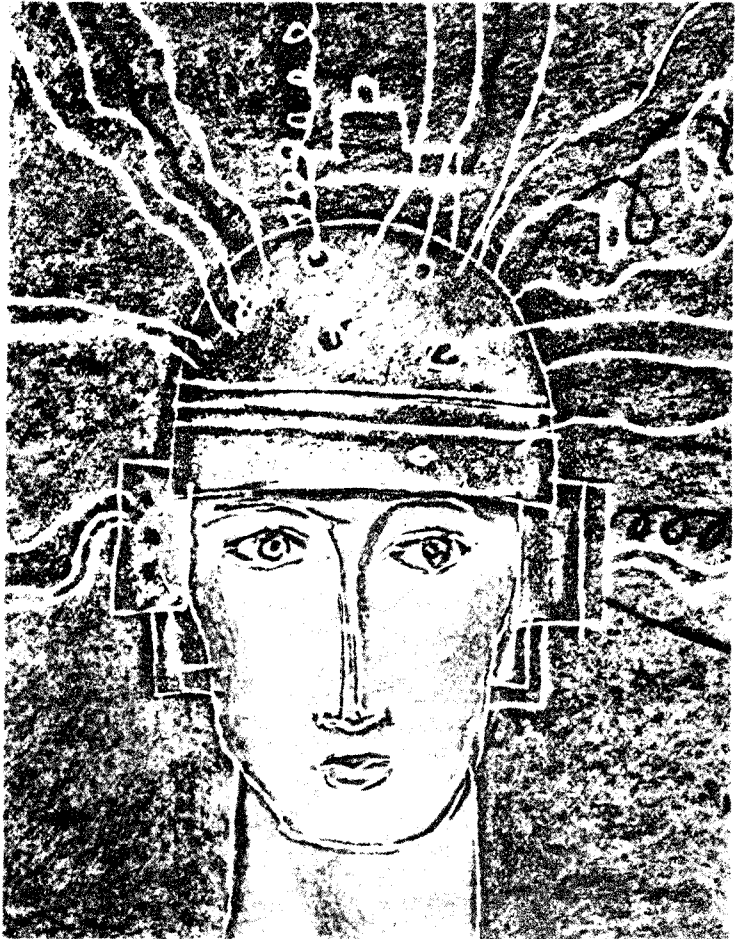
— Это ничего не доказывает, — возразил Ассистент. — Можно быть глупым Ученым и можно быть мудрым работником ассенизационной системы.

— А дает ваш ОРФЕУС кому-нибудь высокие баллы? — поинтересовался я. — Ставит он восьмерки, девятки, десятки?

— Десяти баллов со дня его изобретения ОРФЕУС никому не присуждал. Десять баллов — это состояние гениальности. Гении не так часто рождаются. Уже девять баллов — преддверие гениальности... Вы знаете историю жизни Нилса Индестрома?

— Я знаю Теорию Недоступности. Мы ее проходили в восьмом классе. Неужели вы думаете, что если ваш ОРФЕУС поставил мне четверку, то я настолько туп, что не знаю ТН Индестрома!

— Никто не сомневается, что вы знаете ТН, — успокоил меня Ассистент. — Я просто хочу напомнить вам историю его жизни. Тридцать лет назад в маленьком шведском городке Ультафиорде на сетевязальном заводе работал наладчиком станков молодой Рабочий. У него было минимальное земное образование — двенадцатилетка с техническим уклоном. В свободное от работы время юный Нилс посещал теоретические курсы общей физики, а также читал книги по квантовой теории, космографии и сопромату. Кроме

того, в уме он мог делать столь сложные и быстрые подсчеты, что обгонял кибернетическую машину среднего класса. Он готовился в вуз, но, отличаясь крайней скромностью, не спешил подавать туда заявление. Однажды товарищи, зная его чрезмерную скромность и необычайные способности, чуть ли не силком затащили Нилса к ОРФЕУСу, который присудил ему девять баллов. Вскоре Индестром был принят на второй курс Академии Высших Научных Знаний. Через два года он создал Теорию Недоступности. Памятники, воздвигнутые ему, стоят во всех крупных городах мира.

— Я все это знаю, — сказал я. — Но мне всегда казалось странным, что ставят памятники творцу негативного закона.

— Мудрость может быть и негативной, — возразил Ассистент. — Тем более что ТН, при всей своей негативности, играет положительную роль. Она предотвращает Человечество от напрасных попыток прорваться к Дальним Звездам. Индестром спас много человеческих жизней. Так что памятники свои он заслужил.

Я вышел в приемный зал и стал ждать Андрея. Он почему-то задержался в своей испытательной комнате. Мне пришлось ждать его чуть ли не час. Наконец он вышел в сопровождении своего Ассистента и еще каких-то двух пожилых Людей профессорского вида.

— Идем, — сказал он мне. — Кончилась эта пытка.

Мы попрощались с работниками испытательной станции, и мне показалось, что все они прощаются с Андреем чересчур уж почтительно, не по его возрасту. Один из Профессоров даже проводил его до подъезда.

— Что это тебя так долго испытывали? — спросил я Андрея.

— Давали разные дополнительные задания и анкеты. Совсем замучили. И вели зачем-то переговоры с нашей школой. И еще звонили во Всемирную Академию Наук.

— Видно, их ОРФЕУС очень несовершенен, вот они и берут дополнительную информацию, — сказал я, чтобы утешить Андрея. — Мне этот ОРФЕУС дал всего четыре балла, это явная ошибка.

— Да, это очень несовершенный агрегат, — согласился Андрей. — Мне он дал десять баллов. Я этого, конечно, не заслуживаю. Иногда я чувствую себя безмозглым щенком.

. . .

Окончив школу, я поступил в Университет на филологический факультет, Андрей же был принят в Академию Высших Знаний, сразу на третий курс. Жили мы теперь в разных общежитиях, но встречались довольно часто.

ЗАСЛУЖЕННОЕ НАКАЗАНИЕ

Но возвращаюсь к тому, с чего я начал свое повествование.

Через несколько дней после «марочного бунта» Андрей пришел ко мне в гости. Вид у него был грустный.

— Говори, что такое случилось? — спросил я его. — Опять очередной неудачный опыт? Пора бы тебе привыкнуть к неудачам. Ты в них как рыба в воде.

— Нет, неприятность другого рода, — ответил Андрей, пропустив мою шпильку мимо ушей и не оценив скрытого в ней каламбура. — Ты понимаешь, на

общем собрании я рассказал о своем поступке, о том, что обругал девушку...

— Ну еще бы ты умолчал об этом! Скрывающий плохое — лжет... Что же решило общее собрание?

— Решили наказать меня охотой. Я должен отправиться в Лужский заповедник и убить одного зайца. Их там развелось очень много, и они портят плодовые сады в окрестностях заповедника.

— Неприятное дело, — поморщился я. — Но это заслуженное наказание. Только подумать — объявить девушке, что она — кикимора!

— Ты не полетел бы со мной туда, в заповедник? — спросил Андрей. — Как-то тоскливо идти на это дело одному. Задание я, разумеется, сам выполню.

Я вспомнил, что один Студент рассказывал мне, будто Смотритель этого заповедника — глубокий старик, знает старинный фольклор, древние заклинания, прибаутки и бранные слова. «Может быть, мне удастся пополнить мой СОСУД», — подумал я и согласился сопровождать Андрея. Андрей ушел обрадованный моим решением.

В тот же час я сообщил Нине, что завтра улетаю на один — два дня, и попросил ее не прерывать работы над сбором материала для «Антологии». Но, узнав, что я отправляюсь в заповедник, Нина тоже захотела лететь со мной.

— Как, ты хочешь видеть, как убивают зверей? — удивился я. — Вот уж не ожидал!

— Да нет, что ты! — возразила Нина. — Просто я хочу побыть среди природы. И лишний раз посмотреть на живых зверей.

— Ну это другое дело, — сказал я. — Тогда завтра утром я зайду за тобой.

В глубине души я был очень рад, что Нина решила отправиться со мной в заповедник. Я решил, что дело

тут не в природе, а во мне. Быть может, она ждет от меня объяснения... И ради этого она даже согласилась отправиться на охоту. Для Людей охота давно перестала быть удовольствием и превратилась в неприятную обязанность, которая возникала время от времени, когда зверей в заповедниках становилось слишком много. С тех пор как на Земле навсегда прекратились войны и исчезли нищета и социальное неравенство, нравы Человечества смягчились и преступность сошла на нет. Перестав быть жестокими друг к другу, Люди изменили и свое отношение к животным. Еще задолго до моего рождения вышел всемирный закон, запрещающий производить опыты над животными, — их теперь вполне заменяют электронно-бионические модели. Держать зверей в неволе, в так называемых зоологических садах, было признано жестоким, и зоосады были раскассированы. Это никого не огорчало, так как совершенство и быстрота путей сообщения позволяли каждому увидеть зверей в местах их естественных обиталищ — в заповедниках. Человек уже не нуждался в охоте — ни ради мяса, ни ради шкур, ни даже ради мехов. Звериные меха давно заменила синтетика, и синтемы (синтетические меха) были теперь гораздо красивее и теплее естественного меха. Таким образом, экономическая нужда в охоте давно отпала, а морально она теперь Человеку претила, как всякое насилие и убийство. Помню, когда мы в школе проходили старинных классиков, мы всегда с удивлением читали превосходно написанные сцены охоты. Нам казалось странным это любование жестокостью.

На следующее утро я направился к Нине. Она жила не в общежитии, а дома, вместе с матерью. Отец Нины погиб во время подводной экспедиции, и хоть произошло это давно, но у Нининой матери порой

бывал такой вид, будто это произошло только вчера. Однако в доме у них было уютно, мне нравилось бывать там. В то утро и Нина и ее мать встретили меня, как всегда, приветливо. Это утро запомнилось мне хорошо, потому что именно с этого дня в моей и Ниной судьбах начались большие изменения.

— Вам надо поесть как следует перед дорогой, — сказала мне Нинина мать. — Там, в университетской столовой, вы едите то, что предлагает вам САВАОФ, а у него фантазия небогатая. Я же сама программирую наш ДИВЭР¹, и он накопил уже большой опыт.

— Я с удовольствием поем домашней еды, — согласился я. — Закажите, пожалуйста, ДИВЭРу две синте-бараньих отбивных.

— Заработайте своим трудом эти отбивные, — засмеялась Нинина мать. — Спрограммируйте агрегат сами. Идемте, я вас научу. Ведь когда-нибудь на ком-нибудь вы женитесь, и это вам пригодится.

Она повела меня в кухню. При нашем приближении ДИВЭР вышел из ниши и протянул нам подобие металлической ладони, на которой была видна клавиатура с изображением цифр, букв и значков.

— Вот баранина для вас, — сказала Нинина мать, нажимая на какие-то значки и буквы, — а вот телячья отбивная для Нины. Все это так просто.

ДИВЭР опустил руку и застыл в позе готовности.

— А это не опасно — лететь на охоту? — спросила Нинина мать. — Я так боюсь за Нину, она такая неосторожная, вся в отца.

— Не беспокойтесь, я не взял бы ее с собой, если бы это было опасно, — ответил я.

¹ ДИВЭР (Домашний Индивидуальный Всевыполняющий Электронный Работник) — старинный кухонный агрегат. Давно заменен более совершенным.

— Да-да, вы правы. Когда она с вами, я за нее спокойна. Вы Человек выдержанный и рассудительный...

— К этому меня обязывает моя профессия, — скромно ответил я.

— Я хотела бы, — призналась Нинина мать, — чтобы у Нины был муж безопасной профессии, вроде вашей... Однако покинем кухню, а то мы не даем ДИВЭРу работать.

Мы вышли из кухни, и ДИВЭР принялся за работу. При людях работать он не мог, ибо был снабжен эффектом стыдливости. За все минувшие века женщинам настолько надоело возиться в кухне, приготавливая обеды и моя посуду, что теперь это дело считалось неэстетичным, и при Людях ДИВЭР не действовал, дабы не портить им настроения. Если вы входили в кухню, он прерывал работу в ожидании ваших указаний. Получив же их, он почтительно ждал, когда вы уйдете, чтобы приняться за дело.

Мы вернулись в комнату, и Нина завела разговор об «Антологии забытых Поэтов» и о том, что надо включить стихи Вадима Шефнера.

— А что он за Человек был? — спросила Нинина мать. — Он не был Чепьювином?

— Этого я сказать точно не могу, — ответил я. — Вот Чекуртабом¹ он был определенно: у него в стихах где-то упоминаются папиросы. Но вполне возможно, что он был и Чепьювином. От этих забытых Поэтов Двадцатого века всего ожидать можно.

— О Людях нужно судить по их достоинствам, — а не по их недостаткам, — заявила вдруг Нина.

— Это ненаучный подход, — возразил я. — Для

¹ Чекуртаб (Человек, курящий табак) — медицинский термин того времени.

меня и моей науки важно не только то, что Писатель написал, но и то, как он вел себя в быту.

— Как вы правы! — воскликнула Нинина мать. — А скажите, этот Светочев, с которым вы отправляетесь на охоту, — уравновешенный Человек? Ведь от Человека, которого так строго наказали, можно ожидать самых неожиданных поступков.

— Андрей — хороший товарищ, — успокоил я ее. — Он никого никогда еще не подводил. Кроме самого себя.

— Ты, мама, не беспокойся, — вмешалась Нина. — Я хоть никогда не видала этого Андрея, но вполне представляю его по рассказам Матвея. Это, по-моему, неплохой Человек, только он из породы неудачников. Все ищет чего-то и все ошибается. Мне его почему-то жалко.

— Да, он хороший Человек, — добавил я. — Звезд с неба он не достанет и пороку не выдумает, но это не мешает ему быть хорошим Человеком и моим другом.

ПО ПУТИ В ЗАПОВЕДНИК

Вскоре мы с Ниной вышли из дому и направились к авиастоянке, расположенной на крыше высотного дома. Поднявшись лифтом на крышу, мы встретили здесь Андрея. Я познакомил его с Ниной, и мы сели в четырехместный легколет. Я занял место рядом с ЭОЛом¹, а Нина и Андрей расположились на задних сиденьях.

— Полеты бесплатные, — сказал ЭОЛ. — Дайте

¹ ЭОЛ (Электронный Ответственный Летчик) — агрегат XXI века.

курс и закажите нужную вам скорость: прогулочную, деловую, ускоренную или экстренную.

Мы задали курс и выбрали прогулочную скорость. Погода стояла хорошая, и лететь было одно удовольствие. Город медленно плыл под нами, затем показались огромные белые кубы заводов синтетических продуктов, башни зерновых элеваторов. Вскоре потянулись зеленеющие поля; через равные промежутки среди полей возвышались башни дистанционного управления электротракторами. Через поля, уходя вдаль, тянулись прямые дороги дальнего следования, покрытые желтоватыми и серыми пластмассовыми плитами; видны были лаковые спины многоместных элмоби́лей. То параллельно этим дорогам, то отбегая от них в сторону, то совсем уходя в лес, петляя вдоль берегов речёк, вились неширокие грунтовые дороги для всадников. Возле этих дорог кое-где стояли небольшие гостиницы, где каждый всадник мог отдохнуть сам, накормить и напоить своего коня и показать его дежурному ФАВНу¹, если конь заболел. Хотя население Земли росло и множилось, но с переходом на синтетическое мясо высвободилось столь много земли, что Человечество могло позволить себе роскошь ездить на верховых конях. Впрочем, Ученые доказали, что это, в сущности, даже не роскошь, а выгода. При мне начали создаваться конные клубы, начались массовые состязания всадников. Многие теперь предпочитали ездить на недалекие расстояния верхом. Молодые Люди бросали свои элциклы и в свободное время овладевали конным делом. Некоторые всадники ходили в суконных шлемах с красными звездами и длиннополых кавалерийских шинелях с

¹ ФАВН (Фармацевтический Агрегат Ветеринарного Назначения) — существует и ныне в улучшенном виде (ФАВН-2).

поперечными нашивками, воскрешая форму Буденовцев. Старики предпочитали механические средства передвижения и были недовольны этим, как они говорили, парадоксом развития транспорта. Однако число коней и всадников росло и сейчас продолжает увеличиваться.

Сидя рядом с ЭОлом, я толком не слышал, о чем разговаривают Нина с Андреем. Но разговаривали они весьма оживленно, и до меня порой доносились обрывки их фраз и иногда даже смех. Смеялась не только Нина, но и Андрей.

«Странно, как может Андрей смеяться, — думал я. — Ведь он наказан, направляется на такое неприятное дело — и вдруг этот смех!»

— Что смешного рассказала тебе Нина, что ты так смеешься? — спросил я его, перегнувшись через спинку сиденья.

— Ничего особенного, — ответила за него Нина. — Просто я вспомнила, как однажды ради шутки вставила в рукопись «Антологии» пять четверостиший из Омара Хайяма, а ты прочел их и совершенно серьезно сказал, что эти упадочные стихи не отражают Двадцатого века.

— Я в этот момент думал о чем-то другом и ошибся, — ответил я. — Я отлично знаю, когда жил Хайям. Но разве Андрей знает его стихи?

— Представь себе, знает, — ответила Нина.

— Сейчас ему нужно думать не об Омаре Хайяме, а о том наказании, которое он заслужил. И тебе, Нина, совсем незачем настраивать его на веселый лад. Ведь всякий наказуемый должен не только понести наказание, но и внутренне осознать свою вину.

После этого моего совершенно справедливого, кстати, замечания смех на задних сиденьях прекра-

тился. Однако разговаривать они продолжали, только стали говорить тише.

Вскоре мы приземлились у границы заповедника. ЭОЛ, получив задание вернуться в город на стоянку, поднял машину в воздух и лег на обратный курс.

Здесь, в районе заповедника, запрещалось строить современные сооружения, и мы перешли через речку по бревенчатому мостику и пошли по лесной дороге. Нам нужно было найти жилище Лесного Смотрителя, у которого Андрей должен был взять орудие убийства, чтобы выполнить задание.

Андрей шагал впереди, а я с Ниной шел несколько поодаль за ним. Порой через дорогу перебежали зайцы; в одном месте лисица воровато глянула на нас из подлеска и побегала дальше своим путем. На ветвях пели лесные птицы, и наше приближение их ничуть не пугало.

— Знаешь, я представляла твоего друга совсем другим, — сказала вдруг Нина. — Он лучше, чем ты рассказывал о нем.

— Я никогда не говорил тебе о нем ничего плохого, — возразил я. — Не понимаю, чего тебе еще надо!

— Ты говорил о нем слишком мало хорошего, — ответила Нина. — По-моему, он не совсем обыкновенный Человек. Ты плохо знаешь его.

— Как ты можешь так говорить, Нина, — спокойно сказал я. — Я его знаю всю жизнь, а ты знакома с ним полтора часа.

— И все-таки он не похож на других.

— Каждый Человек чем-то не похож на других.

— В нем чувствуется устремленность к какой-то высокой цели.

— Можно ставить себе большие цели и оставаться неудачником, — резонно возразил я.

— Что ж, может быть, он и неудачник, — задумчиво сказала Нина. — Но ведь большая неудача лучше маленьких удач.

— Не понимаю тебя, Нина. Удача — это всегда удача, а неудача — это всегда неудача.

— А по-моему, не так. Один Человек, скажем, решил подняться на вершину горы, а другой — стать на болотную кочку. Человек, не дошедший до вершины горы, поднимется все-таки выше того, кто стоит на болотной кочке.

Я не стал продолжать этого бесцельного спора, тем более что мы уже подошли к дому Лесного Смотрителя. Здесь жил тот самый старик, о котором мне сказали, что он знает старинный фольклор. Поэтому я включил свой карманный микромагнитофон, надеясь потом использовать запись разговора со Смотрителем для пополнения своего СОСУДа.

СТАРЫЙ ЧЕПЬОВИН

Жилище Лесного Смотрителя стояло на зеленой поляне у ручья. Это была настоящая деревянно-пластмассовая изба конца XX века — со старинной телевизионной антенной на крыше, с крылечком и завалинкой. Возле избы стоял древний мотоцикл. В стороне, под деревьями, видны были зимние кормушки для лосей и оленей и маленькие ящики на столбах — кормушки для птиц. Все здесь так не походило на город!

Из избы, приветливо улыбаясь, вышел навстречу нам статный старик, учтиво поздоровался и повел нас в свое жилище. Комната, куда он ввел нас, была весьма уютна. Все в ней дышало стариной — и дряхлый

телевизор в потрескавшемся футляре, и древний диван невиданной конструкции, и высокий деревянный стол, и кресла с плетеными спинками. Довершая это впечатление, на отдельном столике с мраморной крышкой стоял блестящий электросамовар, а на стене висело два ружья.

— Как у вас тут интересно! — сказала Нина. — Хотела бы я пожить здесь.

— А кто вам мешает! — ответил Смотритель. — Приезжайте и живите, мы со старухой потеснимся. Мы всегда рады гостям.

— Видите ли, — вмешался Андрей, — мы по делу сюда прилетели. — Нам, то есть мне, надо убить одного зайца.

— Да, я давал заявку на убийство, — подтвердил старик. — Зайцев много развелось. Тут садоферма есть в десяти километрах, так они стволы грызть начали. . . А за что же вам такое наказание?

Андрей объяснил, за что он наказан, и старик сказал с добродушной насмешкой:

— Строго у вас в городах! Мы с женой тут в глуши нет-нет да и поспорим. Если б мне за каждую «дуру» зверя убивать, тут в заповеднике живности бы не осталось. . . Ну, бери, что ли, ружье. Идем к сараю, стрельбе тебя обучу, — закончил он свою речь.

Старик и Андрей вышли из избы и направились за одну из пристроек. Вскоре оттуда послышался выстрел, потом другой. Затем старик вернулся, за ним шел Андрей с ружьем.

— Понятливый парень, — похвалил Андрея Смотритель. — Ружье в первый раз в руки взял — и все понял. Сразу в яблочко попал.

— Ну, я пойду зайца убивать, — сказал нам Андрей. — Надо скорей покончить с этим неприятным

делом... А что потом с ним делать? — спросил он у старика.

— Сюда принесешь, не пропадать же добру. Съедем — и вся недолга.

— Можно, и я с вами пойду? — обратилась вдруг Нина к Андрею.

— Нет, Нина, что вы! Зачем вам-то видеть все это? Я уж один.

Он ушел в лес, а Нина вышла из дому и села на скамейку. К ней подошел олененок и начал тереться мордой о ее колени, а она стала гладить ему спину. Я смотрел на нее в окно, и в эти минуты она показалась мне даже привлекательнее, чем обычно.

— А славная девчонка, — сказал вдруг Смотритель, словно угадав мои мысли. — Девчонка что надо.

— Она не девчонка. Она уже на втором курсе, — поправил я старика.

— А по мне хоть на двадцать втором. Передо мной она девчонка. Мне сто восемьдесят семь через неделю стукнет.

— Стукнет, — значит, исполнится, — понимающе сказал я. — На вид вы моложе. Только подумать — МИДЖ плюс семьдесят семь! Вы, наверное, обращались в Комиссию продления жизни?

— Никуда я не обращался. Я сам себе жизнь продлеваю. Мы, Лесники, долго живем.

— А как вы себе продлеваете жизнь? — заинтересовался я. — Может, вы знаете какие-нибудь старинные лекарства, травы?

— И лекарство одно знаю, и о смерти и всякой ерунде не думаю, вот и продлеваюсь. А как тебя величать-то?

— Величать — значит звать, — сказал я. — Меня зовут Матвей Людмилович.

— А меня — Степан Степанович. Я этих материнских отчеств не признаю, — добавил он с доброй стариковской усмешкой. — Завели новые моды — женские отчества, корабли с парусами, на конях по дорогам скачут. . . Нет, мне, старику, к этим новинкам уже не привыкнуть.

Окончив свою речь, Смотритель выдвинул ящик стола и вынул оттуда кожаный мешочек и пачечку бумаги.

— Что это такое? — заинтересовался я.

— Это кисет, а в кисете — махорка. Самосад.

— Как, неужели вы Чекуртаб? — изумился я. — И еще в такие годы!

— Никакой я не Чекуртаб, а просто курящий. Напридумывали словечек!

Он ловко загнул край одной бумажки, положил туда табуку, затем свернул бумажку в трубочку — и закурил. Тяжелый синий дым пополз ко мне, и я расчихался. В это время в лесу послышался выстрел.

— Был заяц — нету зайца, — затыгиваясь сказал старик. — Твой приятель не промахнется. А ты — цирлих-манирлих.

— Что это такое — цирлих-манирлих? — спросил я. — Что означает эта фольклорная идиома?

— Так, ничего, — ответил старик. — Это я просто так. Дядя шутит.

— Может быть, это ругательство? — обрадовался я. — Не стесняйтесь, пожалуйста, обругайте меня еще как-нибудь.

— С чего же мне тебя ругать, ты плохого мне не сделал. Да и не под градусом я. Вот лекарства своего приму — тогда, может, поругаюсь. Идем, я тебе аптеку свою покажу, где лекарство мое варится.

Он повел меня на кухню, а из кухни — в небольшую пристройку. Там сильно пахло чем-то. Запах был

какой-то странный — и неприятный, и в то же время чем-то приятный. На старинной электрической плите стояли объемистые баки, тянулись трубки. Из одной трубочки в пластмассовую миску капала пахучая жидкость.

— Что это? — спросил я. — Химическая лаборатория?

— Она самая, — бодро ответил старик, отливая из миски в стакан жидкость и протягивая мне.

Я медлил, начиная подозревать самое худшее.

— Да ты бери, пей. Как слеза! К своему будущему дню рождения гоню. Выпей ты, а потом и я хватану!

— Вы — Чепьювин! — воскликнул я. — Как несовместимо это с вашим почтенным возрастом!

— Пей, — ласково повторил старик. — А то обидишь меня.

— А вы скажете мне бранные выражения?

— Скажу, скажу. Только пей. Все скажу.

Решив пожертвовать своим здоровьем для науки и не желая обижать старика, я сделал несколько глотков. Сперва мне было противно, но затем это чувство начало проходить.

— Пей да закусывай! — отечески сказал Смотритель, сунув мне в руку кусок сыра.

Я закусил и, чтобы не обижать старика, выпил стакан до дна. Мне стало совсем хорошо и весело. Это было новое состояние души и тела. Затем выпил и старик, и мы вернулись в комнату.

— Нейдет что-то охотничек-то наш, — сказал Смотритель. — И девчонка куда-то делась, верно, в лес побежала. . . А парень он, видать, с головой. Отобьет он ее у тебя. Я-то заметил, как она на него поглядывает. Даст она тебе отскок.

— Что это такое «отскок»? — спросил я.

В ответ старый Чепьювин запел нетвердым голосом:

Эх, сама садочек я садила,
Сама, как вишенка, цвела,
Сама я милого любила,
Сама отскок ему дала.

И закончил так:

— Отошьет она тебя — вот что. Забудет — и вся недолга.

— Вы мне обещали обругать меня некоторыми фольклорными словами, — напомнил я старику.

— Это пожалуйста, это мы за милую душу, — ответил Чепьювин. — Этого добра я много помню. Бывало, дед мой как начнет загибать, а я запоминаю.

И Смотритель действительно стал произносить бранные слова, а я их повторял, — и мой карманный микромагнитофон записывал. СОСУД пополнялся.

Но в это время в комнату вошел Андрей, а за ним Нина, и наша беседа со старым Чепьювином прервалась. Андрей поставил ружье в угол, отдал убитого зайца Смотрителю, и тот понес его на кухню.

— Неприятно было его убивать, — сказал Андрей. — Они совсем ручные... А что это с тобой? — спросил он, пристально поглядев на меня.

— Со мной ничего, — ответил я и неожиданно для себя самого запел:

Эх, сама садочек я садила,
Сама, как вишенка, цвела...

— Что с тобой творится? — засмеялась Нина. — Никогда я тебя таким не знала.

— Э, да он выпил! Он стал Чепьювином! — догадался Андрей. — Вот тебе и будущий Профессор.

— Только для пользы науки! — заплетающимся языком сказал я. — Только ради пополнения СОСУДА!

В этот миг появился старый Чепьювин, неся полный стакан своего «лекарства». Он преподнес его Андрею.

— Выпей половину, а потом девчонке передай, — сказал он. — Не выпьете за мой будущий день рождения — обижусь. Вот только обеда хорошего нет, старуха моя в Австралию улетела кенгуровые заповедники осматривать. А ДИВЭР наш испортился — я его хотел научить самогона гнать, а он возьми да и сломайся. Несознательный агрегат! — С этими словами Смотритель поставил на стол несколько банок консервов и начал их открывать старинным охотничьим ножом.

Андрей отпил половину стакана и протянул его Нине.

— Нина, Нина, что ты делаешь! Опомнись, Нина! — воскликнул я, ибо хоть я и был в состоянии опьянения, но все-таки сознание еще не покинуло меня.

— Э, чего там! — засмеялась Нина и, к моему ужасу, выпила стакан до дна.

— Правильно! — вскричал старый Чепьювин. — Молодцы ребята! Знаете, какая примета в старину была? Если парень с девушкой из одного стакана выпили — быть свадьбе.

Мне почему-то стало очень грустно, и я заплакал. Но старик принес мне еще стакан напитка, и, выпив его, я вновь развеселился. Тем временем старый Чепьювин вытащил откуда-то старинный дедовский магнитофон, включил его — и стал плясать под какую-то странную музыку. Андрей и Нина присоединились к нему. Я же сидел и улыбался. Все вокруг казалось мне очень милым и приятным, но с места встать я не мог. Потом голова у меня закружилась, и больше я ничего не помню.

МОСТ БЕЗ ПЕРИЛ

Утром я проснулся оттого, что белка прямо из открытого окна прыгнула на старинный диван, на котором я спал.

Все давно уже встали. Смотритель накормил нас завтраком, дал еды на дорогу, и мы втроем отправились к лесному озеру. Дорогу туда нам объяснил он же, сказав, что там очень красиво.

Мы не спеша — Андрей и я с рюкзаками, а Нина налегке — зашагали по лесной дороге, потом свернули на тропку и шли по ней километра три — сперва лесом, потом через моховое болото. Затем начались невысокие холмы, поросшие вереском и можжевельником. Солнце поднималось все выше, было уже тепло, даже жарко. Вскоре с одного из холмов нам открылись озеро и небольшая река, впадающая в него.

— Пойдемте на тот берег, — сказала Нина. — Смотрите, как там хорошо!

Тот берег действительно был очень красив. На пологом берегу виднелись серые валуны, немного подалее начинался лес. На берегу стояла маленькая бревенчатая избушка. Однако все это было довольно далеко.

— Стоит ли идти туда? — сказал я. — Разве плох этот берег?

— А тот лучше! — возразил Андрей.

Я примкнул к большинству, и мы пошли под изволок к реке.

Мост через нее никак не походил на то, что мы обычно подразумеваем под этим словом. Просто в двух местах были вбиты сваи, и с берега на берег были перекинута три связи из бревен, по два бревна в каждой. Никаких перил не было.

Андрей первый ступил на этот мост, за ним Нина, я же замыкал шествие. Мы шли осторожно. Вода внизу была темна от глубины, она бурлила у свай, здесь чувствовалась сила течения. Слева от моста река сразу расширялась — там был омут. Маленькие водовороты тихо двигались по его поверхности.

— Как хорошо! — сказала Нина, остановясь и заглядывая вниз в глубину. И вдруг, потеряв равновесие, испуганно вскрикнув, она упала вниз, в эту темную от глубины воду.

И в то же мгновение Андрей кинулся за ней с моста. Он забыл снять рюкзак, и я понял, что он может утонуть — ведь плавать-то он так и не научился. Тогда, скинув с плеч свой рюкзак, я положил его на бревно, затем быстро снял ботинки и швырнул их на берег. После этого я нырнул в воду. Когда я вынырнул, то увидел, что Нину уже далеко отнесло течением, и она плывет к берегу. Я за нее не боялся, так как знал, что она хороший пловец. Андрея же нигде не было видно. Я стал нырять и наконец нашел его под водой. Сорвав с него рюкзак, я вытащил своего друга на поверхность и поплыл с ним к берегу. Вскоре ноги мои коснулись дна. Я вынес Андрея на берег — на тот самый, куда мы направлялись, — и тут ко мне подбежала Нина.

— Что с ним? Что с ним? — крикнула она. — Это я во всем виновата!

— Ни в чем ты не виновата, — успокоил я ее. — Просто ему не следовало кидаться за тобой. Не зная броду — не суйся в воду, — так говорит старинная поговорка. Ведь он плавать не умеет! А ты, чем попусту плакать, лучше окажи ему помощь.

Мы сняли с Андрея куртку и рубашку. Он не шевелился и не дышал, тело его было совсем бледное,

и только у плеча синел небольшой шрам — след взорвавшейся золотой трубы, когда он производил опыты в Вольной лаборатории.

Мы стали делать ему искусственное дыхание, но он оставался недвижим. Поняв, что дело серьезное, я решил вызвать Врача. Я никогда не снимал с запястья Личного Прибора, и теперь он пригодился. Я нажал кнопку автокоординатора и кнопку с красным крестом и восклицательным знаком — срочный вызов Врача.

— Нина, я буду делать ему искусственное дыхание, а ты беги вон на ту полянку и маши руками. Или, еще лучше, сними свою блузку и размахивай ею. Тогда Врач из экстролета скорее обнаружит нас.

Я взглянул на Личный Прибор. Рядом с кнопкой вызова уже засветилась зеленая точка — знак, что вызов принят. Но я продолжал делать Андрею искусственное дыхание, хоть от этого и было мало толку.

Вдруг из лесу послышался хруст валежника, шум раздвигаемых веток — и на берег выбежал Человек. Вид у него был такой, будто он спрыгнул с ленты старинного фильма. Рукава его рубашки были засучены по локоть, в правой руке он держал опущенный дулом вниз старинный дульный пистолет. На запястье одной руки его блестел Личный Прибор, — что было вполне современно, — но на запястье другой виднелось нечто напоминающее ручные часы. «Болен потерей чувства времени, бедняга», — успел подумать я.

Человек бросил пистолет на песок и, подбежав к лежащему без движения Андрею, положил руку с приборчиком, который я принял за часы, ему на лоб. Тогда я догадался, что никакие это не часы,

а просто ЭСКУЛАППП¹. Значит, Человек этот был Врач.

Едва Врач приложил ЭСКУЛАППП ко лбу Андрея, как на приборе засветилась тонкая зеленая черточка. Затем ЭСКУЛАППП негромко, но внятно заговорил:

Семьдесят восемь болевых единиц по восходящей. Летальный исход предотвратим. Внутренних повреждений нет. Состояние, по Мюллеру и Борщенко, — альфа семь дробь восемь. Делать искусственное дыхание типа А три. Делать искусственное дыхание. Летальный исход предотвратим.

— Ну, это уж я сам знаю, — сказал Врач, обращаясь не то к прибору, не то к нам, не то к самому себе, — и стал делать Андрею искусственное дыхание по всем медицинским правилам.

Вскоре Андрей начал подавать признаки жизни. Врач снова приложил ЭСКУЛАППП к его лбу. Зеленая черточка на приборе теперь не дрожала, она стала шире. Прибор снова заговорил:

Летальный исход предотвращен. Одиннадцать болевых единиц по нисходящей. Данные, по Степанову и Брозису, — бета один плюс зет семь. Больному нужен полный отдых четверо суток. Питание обычное. Летальный исход предотвращен.

Андрей тем временем совсем ожил. Он только был очень бледен после пережитого.

— Пусть он полежит еще немного, — сказал Врач. — Потом отведите его в ту избушку, и пусть он отоспится. А затем его надо как следует накормить. Моя помощь больше не нужна. Сейчас мне предстоит

¹ ЭСКУЛАППП (Электронный Скоростной Консилиум, Указывающий Лечащему Абсолютно Правильные Приемы Помощи) — старинный медицинский агрегат. Ныне заменен более совершенным, действующим дистанционно.

куда более неприятное дело, пойду убивать зайца. Понимаете, я только прицелился — и вдруг ваш вызов...

— А вас-то за что наказали охотой? — спросил я Врача.

— Меня? А разве вы не слышали об этом ужасном случае в районе Невского? Там умер Человек девяноста шести лет от роду. Не дожил до МИДЖа целых четырнадцать лет! А я — Врач-Профилактиктор, я отвечаю за длительность жизни Людей в этом районе. Я сам на собрании Врачей потребовал себе наказания.

— А почему вы избрали такое неудобное орудие убийства? — спросил я. — Ведь из ружья легче попасть.

— У меня есть друг — Смотритель Музея Старинных Предметов, он дал мне этот пистолет и научил из него стрелять. Пистолет легче носить.

Врач поднял свое оружие и направился в лес, а мы с Ниной остались возле Андрея. Вскоре он почувствовал себя настолько хорошо, что смог передвигаться. Я навьючил на себя рюкзак, затем мы с Ниной взяли моего друга под руки и речным берегом повели его к озеру, где среди валунов виднелась старинная деревянная избушка в одно окно.

— Пойдите! — спохватился я и, быстро вернувшись к месту происшествия, разделся и нырнул в омут, где довольно быстро отыскал рюкзак Андрея.

Вскоре мы добрались до избушки. Она была очень старая. Внутри там были печь, стол, стул, а на полу толстым слоем лежало сено — оно здесь хранилось для зимней подкормки лосей. На чердак вела лестница. Там тоже лежало сено.

— Чур, я на чердаке ночую! — крикнула Нина. — Здесь так уютно.

— О ночлеге думать еще рано, — резонно возразил я. — Прежде всего нам надо обсохнуть и поесть. Ты, Нина, иди на ту сторону избушки и раздевайся там, а мы расположимся по эту сторону.

Вскоре мы с Андреем уже лежали голышом на песке, а наша одежда была расстелена рядом. Я лежал на спине и смотрел на небо. Оно было светло-голубое, даже белесоватое, как всегда в жаркие безоблачные летние дни. Я думал о том, что это легкое, невесомое небо, как бы состоящее из ничего, всегда остается самим собой, а вот на прочной вещественной Земле все меняется.

— Пока ты бегал вытаскивать мой рюкзак, Нина мне рассказала, как все произошло, — прервал мои размышления Андрей. — Мне обязательно надо выучиться плавать. . .

Я знал, что Андрей благодарен мне, но в наше время выражать благодарность было уже не принято. Ведь если А благодарит Б за то, что тот поступил как должно, то этим самым А как бы предполагает, что Б мог поступить и иначе.

Из-за избушки послышался смех Нины. Потом она закричала:

— Он бежит к вам, он мой платочек утащил!

— Кто бежит? — крикнул я. — Никого тут нет.

— Ежик! Подошел и платочек унес! Такой хитрый.

Действительно, из-за угла избушки показался еж. На его иглы был наколот платочек. Я взял этот платочек, еж сердито зафыркал.

Вскоре у всех у нас одежда просохла, и мы втроем принялись за еду. Рюкзак Андрея промок, но в нем, к счастью, лежали консервы, а им ничего не сделалось. Хлеб же и дорожная посуда находились в моем рюкзаке. Лесные птицы летали и прыгали возле нас, собирая крошки, которые мы им бросали.

ДЕВУШКА У ОБРЫВА

Утром я проснулся поздно, очень хорошо было спать на сене. Когда я открыл глаза, то увидел, что Андрей сидит у окна за столом и что-то пишет. Он почувствовал мой взгляд и обернулся ко мне.

— Ничего, что я взял из твоего рюкзака тетрадь и разнял ее на листы? — спросил он. — В моем рюкзаке была бумага, да она вся промокла.

— Работай, работай, — ответил я. — Только там у меня записаны кое-какие мысли по поводу «Антологии», ты не вздумай делать поверх них свои записи.

— Нет, что ты! — сказал Андрей. — Я пишу на другой стороне.

Я встал и подошел к нему. Весь стол был покрыт исписанными листками¹.

— Только цифры, формулы, знаки и значки и ни одного человеческого слова, — сказал я. — И давно ты встал?

— С рассветом, — ответил Андрей. — Я спал очень крепко, но потом меня словно что-то толкнуло. Я проснулся и сел сюда.

— Ты уже хорошо себя чувствуешь?

— Физически — не очень. Есть еще какая-то слабость, усталость. Но голова работает хорошо. Знаешь, я, кажется, прихожу к важному решению.

— Ты уже много раз приходил к разным важным решениям, а потом оказывалось, что это — ошибки.

— Нет, теперь — нет. Кажется, на этот раз я поймал черта за хвост. Совсем неожиданный вывод. Я даже сам не понимаю, как я мог до этого додуматься.

— По-моему, тебе надо как следует выспаться,

¹ Эти листы ныне хранятся в музее Светочева. На их обратной стороне действительно есть записи Матвея Ковригина.

отлежаться. А потом, на свежую голову, ты опять можешь заняться этим делом, — осторожно посоветовал я.

— Ты, кажется, думаешь, что я свихнулся? — засмеялся Андрей. — Если я и свихнулся, то со знаком плюс. Ты знаешь, если взять сто электронных машин и перед заданием расштатать их схемы, то девяносто девять машин впадут в технический идиотизм, а сотая может впасть в состояние гениальности и дать какое-то парадоксальное, но верное решение. . .

— Не буду спорить с тобой, — мягко ответил я. — А Нина все еще спит?

— Нет. Она на озере. Вот она стоит.

Я выглянул из окна. Нина стояла на невысоком песчаном обрыве и смотрела куда-то через озеро, вдаль. Ветер чуть шевелил ее платье. Солнце освещало ее сбоку, и она была очень хорошо видна.

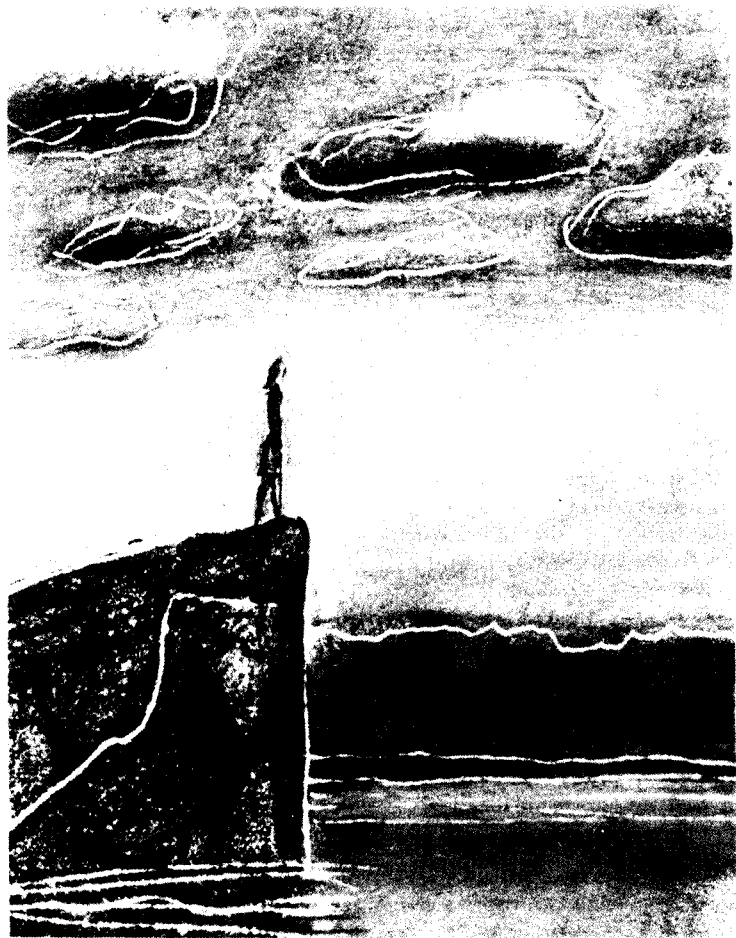
— Девушка у обрыва, — сказал вдруг Андрей. — Как в одном стихотворении.

— Что за стихотворение? — поинтересовался я.

— Просто там девушка стоит у обрыва и смотрит вдаль. Перед ней озеро, кувшинки в воде; за ней — лес и утреннее солнце. А она стоит и смотрит вдаль. И кто-то смотрит на нее и думает: «Вот девушка стоит у обрыва и смотрит вдаль. Теперь я ее буду помнить всегда. Она уйдет в лес, а мне все будет казаться, что она стоит у обрыва. И когда я состарюсь, я приду к этому берегу и увижу: девушка стоит у обрыва и смотрит вдаль. . .»

— Не понимаю, чего хорошего нашел ты в этом стихотворении? Не люблю этих сантиментов. . . В Двадцатом веке и то лучше писали.

Андрей что-то пробормотал в ответ и уткнулся в свои записи, а я пошел на озеро. У самого берега росли в воде водяные лилии и купавы. Я прошел по

шатким деревянным мосткам к открытой воде и долго умывался. Затем я пошел к Нине. Она все еще стояла на невысоком песчаном обрыве и бесцельно смотрела куда-то через озеро.

— Нина, ты хорошо спала? — спросил я.

— Очень хорошо. Вначале мне мешали летучие мыши. Они все влетали в окошечко и вылетали. Но они совсем бесшумные. Сейчас они там спят вниз головой — такие забавные. А ведь когда-то Люди боялись их.

— Нина, а ты не забыла об «Антологии»? — напомнил я. — Нам надо возвращаться в город.

— Нет, я останусь здесь на четыре дня, — спокойно ответила она. — Андрею нужно четыре дня покоя. Я буду готовить ему еду.

— Ну, не так уж он слаб, чтобы ему нужно было готовить еду, — возразил я. — Больной Человек не встанет с рассветом и не сядет за стол, чтобы выводить какие-то бесконечные формулы. Если Человек болен, он лежит и не рыпается.

— Что-что? — переспросила Нина. — Лежит и что? ..

— Не рыпается, — повторил я. — Это такое идиоматическое выражение Двадцатого века.

— Но я все-таки останусь, — сказала Нина.

— Что ж, поступай так, как считаешь нужным, — ответил я. — Как-никак, мы живем в Двадцать Втором веке и знаем, что разубеждать решившегося — недостойное дело. Если зрячий идет к пропасти — останавливающий его подобен слепцу.

— Ах, не читай мне школьных прописей, — досадливо ответила Нина. — И к пропасти я пока что не иду. — Она спрыгнула с невысокого обрыва на береговой песок и, сбросив туфли, вошла в воду и стала рвать кувшинки.

— На́ тебе! — крикнула она, бросая мне цветок. — И не делай строгого лица.

Я вернулся в избушку. Андрей все кордел над своими формулами.

— Вот смотри, — сказал он, когда я подошел к нему. — Вот она.

Он показал мне одну из страниц, всю исписанную и исчерканную. Внизу, обведенная жирной чертой, видна была какая-то формула, очень длинная.

— Ну и что? — спросил я.

— Я нашел то, что искал. Теперь надо только проверить, проверить и проверять себя.

— Ладно, проверяй себя, а мне нужно возвращаться в город. Нина останется тут.

— Нина приносит мне счастье, — задумчиво сказал Андрей. — Никогда я не верил в такие вещи, но она приносит мне счастье.

. . .

Вскоре я отправился в город. Дойдя пешком до границы заповедника, я вызвал легколет и вскоре был в Ленинграде.

САПИЕНС ¹ СКАЗАЛ «ДА»

Вернувшись в Ленинград, я так погрузился в работу над «Антологией Забытых Поэтов XX века», что на время позабыл все и вся. Правда, мне не хватало Нины — ее помощь была бы весьма ощутимой, но тем не менее работа моя двигалась. Целые дни я проводил

¹ САПИЕНС (Специализированный Агрегат, Проверяющий Исследователю Его Научные Сведения) — старинный агрегат XXI века.

в трудах и лишь изредка покидал свой рабочий стол, чтобы подышать свежим воздухом.

Однажды я поехал на Острова. Я шел по аллее и вышел на площадку, где стоят памятники Победителям рака Иванову и Смиту, Экипажу «Марс-1» и Антону Степанову — одному из крупнейших Поэтов XXI века. Здесь же возвышается памятник Нилсу Индестрому, автору Закона Недоступности. Вы все знаете этот памятник: на черном цоколе стоит гигант из черного металла; простертая его рука как бы застыла в повелительном жесте, пригвождающем все земное к Земле, вернее — к Солнечной Системе. В те годы на цоколе памятника виднелась бронзовая доска со словами Индестрома: «Путь к Дальним Мирам закрыт навсегда. Тело слабее крыльев». Под этими словами была начертана формула Недоступности — итог жизни Нилса Индестрома. Формулу эту мы все знали со школьной скамьи. Она доказывала, что, если даже человек создаст энергию, достаточную для проникновения за пределы Солнечной Системы, ему никогда не создать такого материала, который не деформировался бы во время полета. Мне никогда не нравился этот памятник. Мне вообще казалось странным, что люди поставили его Ученому, который доказал нечто отрицательное.

Я присел на скамью и поделился своими мыслями с Человеком, сидящим рядом. Судя по значку на отвороте куртки, это был Студент технического направления. Он не согласился со мной и сказал, что своим отрицательным законом Нилс Индестром спас много жизней. Далее он добавил, что памятник этот должен стоять вечно, если даже Закон Недоступности будет опровергнут.

— Закон потому и закон, что он неопровержим, — возразил я.

— Сейчас он неопровержим, но под него уже подкапываются, — сказал Студент. — Вся специальная техническая пресса пестрит статьями о том, что мы накануне технической революции. Человечеству нужен единый сверхпрочный универсальный материал. Человечеству тесна его металло-каменно-деревяннопластмассово-керамическая рубашка. Она трещит по швам.

— Не знаю, меня эта рубашка вполне удовлетворяет, — возразил я. — Да и где в наш век найдется такой Человек, который сможет создать материал, о котором вы говорите?

— В этой области работает много ученых, — ответил Студент. — В частности — Андрей Светочев и его группа. Правда, они идут очень трудным путем, но Светочев утверждает...

— Разве у него есть какие-нибудь реальные достижения? — перебил я своего собеседника.

— В обычном понимании — нет. Но если...

— Если бы да кабы, да во рту росли грибы, — ответил я старинной пословицей, после чего мой собеседник замолчал, ибо ему, как в старину говорились, крыть было нечем.

Я ведь тогда еще не знал, что формула Светочева в скором времени обратится в техническую реальность.

...

На следующий день, когда я работал над своей «Антологией», ко мне явилась Нина. Я сразу же заметил, что у нее какой-то праздничный вид и что она очень похорошела за эти дни.

— Тебе пошел на пользу воздух заповедника, — сказал я, и она почему-то смутилась.

— Я пробыла там вместо четырех дней целую декаду, потому что Андрей был так занят... — каким-

то извиняющимся тоном произнесла она. — Я готовила ему еду. Если его не накормить, он сам не догадается поесть. Но он очень продвинулся в своей работе. Он проверил свою формулу, и она. . .

— А еды вам хватило? — спросил я. — Ведь в заповедник нельзя вызывать транспорт.

— Я два раза ходила к Смотрителю. Это такой славный Человек. А его жена вернулась из Австралии, и. . .

— Нина, меня интересует не Австралия, а «Антология», — мягко сказал я. — И хоть твоя помощь сводится только к чисто технической работе, но все же твое участие весьма желательно. Но договаривай об Андрее. Итак, он проверил свою формулу, и она, как и все у него, оказалась ошибочной? Ведь так?

— Пока что ничего не известно. Он сдал материалы в Академию, а там их отдали на проверку САПИЕНСу. Но расчеты, представленные Андреем, настолько сложны и парадоксальны, что САПИЕНС бьется над ними уже сутки и не может ни опровергнуть их, ни подтвердить их правильность. А ведь обычно САПИЕНС уже через несколько минут решает, прав или не прав Исследователь.

— Я хоть не электронный САПИЕНС, а простой гомо сапиенс, но и я могу предвидеть результат, — пошутил я. — Опять будет неудача.

Нина промолчала, сделав вид, что погружена в чтение материала для «Антологии».

— Мне не очень нравится твой подбор авторов, — сказала вдруг она. — Ты обедняешь Двадцатый век. Он был сложнее, чем ты думаешь. Так мне кажется.

— Меня удивляет твое замечание! — сказал я. — Не забудь, что «Антологию» составляю я, а ты только моя Техническая Помощница.

Этот выпад Нины против моей работы так расстроил меня, что в тот вечер я долго не мог уснуть. Уснул я только в два часа ночи, а в три часа был разбужен мыслесигналом Андрея.

— Что случилось? — спросил я. — Нужна помощь? Сейчас выхожу.

— Помощи не нужно, — гласила мыслеграмма Андрея. — Поздравь меня. Три минуты тому назад САПИЕНС подтвердил правильность моей формулы.

— Поздравляю, рад за тебя, — ответил я. — Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

Я был очень рад, что Андрею наконец-то повезло. Правда, меня несколько удивило, что он не сообщил мне это известие каким-либо другим способом. Ведь в наше время к мыслеграмме прибегали только в случае крайней необходимости. Только много позднее я понял, какие огромные перемены в наш мир внесло открытие Андрея.

. . .

На следующее утро, когда я работал над своей «Антологией», ко мне опять пришла Нина. Прямо с порога она мне сообщила новости:

— Ты не представляешь, что у Андрея в Академии творится! Туда спешно прилетел Глава Всемирной Академии Наук, прибыла целая делегация от Института Космонавтики! Андрею и андреевцам выделяют специальный институт, лаборатории, им дают право набирать любое количество помощников. Андрей. . .

— Ты уже успела побывать у него? — спросил я.

— Да, — ответила она. — А что?

— Так, ничего. Я спросил просто так.

— Можно подумать, что ты не рад успеху своего друга! — сказала Нина.

— Я очень рад его успеху, — ответил я. — Но меня несколько беспокоит эта обстановка сенсации, которая создается вокруг Андрея. Можно подумать, что мы вернулись в Двадцатый век.

— В нашем веке тоже возможны великие открытия, — возразила Нина.

Я не стал с ней спорить, зная, что это бесполезно. Вместо этого я напомнил ей, что начинаются каникулы, и предложил отправиться вместе на Гавайские острова.

— Нет, это лето я хочу провести в Ленинграде, — ответила Нина.

— Что ж, вольному воля, спасенному рай, — отпарировал я старинной поговоркой. — Сейчас я пойду в Бюро Отпускных Маршрутов.

— Иди, — сказала Нина. — И не сердись на меня. — Она положила ладони мне на плечи и поцеловала меня в лоб. — Желаю тебе счастья.

СОБЫТИЯ РАЗВИВАЮТСЯ

В раздумье шел я по людному проспекту. Мне было грустно. Прав был старый Чепьювин — он сразу понял, что Нина меня не любит и никогда не полюбит. В чем-то тут была и моя ошибка, но в чем — я не знал. И вот я шагал по светлой улице, среди веселых и счастливых Людей, а сам был невесел и не слишком-то счастлив.

В дальние края лететь мне уже не хотелось, и я решил провести свои каникулы в работе и только переменить на время свое местопребывание. Зная, что в Новосибирске есть большая библиотека, где много старинных книг, я решил отправиться на лето туда. А по пути я заеду в Москву, там мне нужно навести

кое-какие библиографические справки в Центральной библиотеке имени Ленина. Придя к этому решению, я вернулся домой, взял портфель и поехал на подземный вокзал, чтобы сесть в пневмоснаряд. В то время этот вид скоростного транспорта был в новинку, и я часто пользовался им.

— Есть свободные места? — спросил я у Дежурного.

— Есть одно, — ответил тот. — Отправка через четыре минуты. Садитесь в коллективный скафандр.

Он открыл герметическую дверь, и я вошел в длинный круглый баллон из очень толстой самосветящейся резины. Внутри были сиденья из того же материала, на них уже сидели пассажиры, я был последним, пятидесятым.

— Скафандр-амортизатор подземно-баллистического вагона-снаряда пассажирами укомплектован полностью! — сказал Сопровождающий в микрофон. — Двери загерметизированы, ждем отправки. Заряжайте!

Наш скафандр начал слегка покачиваться. Это означало, что его вставляют в полый металлический снаряд. Потом покачивание усилилось — это заливали амортизационной жидкостью пространство между наружными стенками скафандра и внутренними стенками металлического снаряда. Скафандр как бы плавал внутри снаряда.

— Все готово! — послышался голос из репродуктора.

— Стреляйте нами! — скомандовал в микрофон Сопровождающий.

Я, как обычно, почувствовал легкий толчок, затем у меня захватило дыхание от нарастающей скорости. Чувство было такое, будто я нахожусь в сверхскоростном лифте, который движется не вертикально, а по

горизонтали. Затем в тело вошла приятная легкость, а вскоре я уже плавал в воздухе, держась за поручень, как и остальные пассажиры. Баллистический подземный вагон-снаряд летел по идеально гладкой трубе-тоннелю. Вскоре скорость замедлилась, состояние невесомости прекратилось. Затем вагон-снаряд остановился, двери открылись, и я поднялся лифтом на улицу Москвы и направился в библиотеку. Там я просидел до вечера, делая нужные мне выписки. Я сидел в тихом зале и работал, а в памяти моей нет-нет да и всплывал недавний разговор с Ниной. Но я отгонял грустные мысли и с новым упорством принимался за работу, зная, что труд мой нужен Человечеству.

Когда я вышел из библиотеки, уже стемнело, и от самосветящихся мостовых исходил ровный, спокойный свет. Пора думать о ночлеге. К счастью, в мое время это уже не было трудной проблемой для всех, приезжающих в знакомые и незнакомые места. Гостиницы еще существовали, но пользовались ими главным образом в курортных городах, в остальных же крупных и мелких населенных пунктах они уже были непопулярны. Любой Человек мог войти в любой дом, и всюду ему были рады и встречали как друга. Спрашивать гостя, откуда он, кто он и зачем приехал в этот город, считалось невежливым. Гость, если хотел, рассказывал о себе, а если не хотел — не рассказывал.

Мне понравился один небольшой дом на берегу Москвы-реки, и я вошел в его подъезд и поднялся лифтом на двадцатый этаж — я люблю верхние этажи, в них светлее. На лестничную площадку выходили двери четырех квартир, и я на минуту задумался — в какую именно войти. Я любил эти мгновения, когда не знаешь, какие именно Люди тебя встретят, кто они по специальности, но знаешь: кто бы тебя ни

встретил — ты будешь желанным гостем. В старину такая ситуация называлась беспроигрышной лотереей. Впрочем, одна из четырех дверей отпадала: на ней висел знак одиночества. Я открыл дверь противоположной квартиры и прошел по коридору в комнату, откуда слышались голоса. Войдя в эту комнату, я увидел, что группа Людей сидит перед объемным телевизором.

— Здравствуйте! — сказал я. — Хочу быть вашим гостем.

— Мы вам рады! — откликнулось несколько голосов. От сидящих отделилась молодая женщина и подошла ко мне.

— Я сегодня за хозяйку, — сказала она. — Идемте, я вам покажу свободную комнату и квартиру вообще. И потом вы, наверное, проголодались?

— А завтра мы вас поведем по Москве, — сказал кто-то из сидящих.

— Нет, по Москве меня водить не надо. Я ее хорошо знаю, я ведь ленинградец, — ответил я и затем поведал о себе. Присутствующие тоже сообщили мне свои имена и профессии.

В мое время люди уже не торчали часами перед телевизорами, смотря все подряд, как это делали многие Люди Двадцатого века, судя по старинным книгам и журналам. Поэтому меня удивило, что вся квартира смотрит какой-то довольно посредственный фильм, — увы, их хватает и в наше время. Я спросил у присутствующих, чем объясняется их странный интерес к этому фильму.

— Как, разве вы не знаете? — удивились все. — Ведь вам-то в первую очередь надо знать новость — вы же только что из Ленинграда. Мы ждем чрезвычайного сообщения.

— Это касается научной группы, в которой рабо-

тает Андрей Светочев. Сделано какое-то важное открытие, — пояснили мне.

На экране телевизора тем временем ничего особенного не происходило. Шел обычный фильм, который можно смотреть, но можно и не смотреть. Какой-то молодой человек и девушка то ссорились, то мирились, то собирались вместе лететь на Марс, то раздумывали.

— А что случилось у ваших соседей? — спросил я присутствующих. — Почему у них на двери висит знак одиночества?

— У них большое несчастье. В их квартире жил молодой инженер-строитель. Месяц назад он полетел в командировку на Венеру и там погиб. Обрушилось какое-то сооружение. Вы же знаете, наши земные материалы плохо переносят инопланетные условия.

Внезапно фильм прервался, и на экране телевизора возник Старший Диктор, окруженный переводящими машинами. Диктор был взволнован.

— **Внимание! Внимание!** — сказал он. — **Слушайте чрезвычайное сообщение. Работают все земные и внеземные передающие системы.**

Всемирный Ученый Совет обсудил теоретические выкладки, представленные научной группой Андрея Светочева, а также проверил правильность формулы Светочева. Возможность создания принципиально нового единого универсального материала признана правильной и технически осуществимой.

Предоставляю слово Андрею Светочеву.

На экране появился Андрей. Вид у него был скорее встревоженный, чем радостный. Глухим, невыразительным голосом начал излагать он сущность своего открытия. Он часто запинаясь, не находил нужных слов, некоторые повторял без всякой надобности — вообще, культура речи у него хромала. Я вспомнил,

что в школе отметки по устному разделу русского языка были всегда ниже моих. Но сейчас он говорил совсем плохо — на тройку, если даже не на двойку. Только когда он подходил к стоящей поодаль световой доске и начинал чертить какие-то формулы и таблицы, голос его звучал увереннее, выразительнее. (Сейчас эту речь Андрея знает наизусть каждый школьник, но знает ее в подчищенном виде, без всяких пауз, запинок и повторений. На меня же тогда, признаться, она не произвела сильного впечатления.) Андрей употреблял слишком много научных и технических терминов, понять которые я не мог. Сущность же его открытия, как вы все знаете, сводилась к тому, что он теоретически доказал возможность создания единого универсального материала из единого исходного сырья — воды.

Но вот Андрей умолк, экран погас, и в комнате на миг воцарилось молчание. Затем все мои новые знакомые, не сговариваясь, встали в знак высшего уважения. Пришлось встать и мне, хоть в глубине души я счел излишним такое преувеличенное выражение чувств.

— Начинается новая техническая эра, — тихо сказал кто-то.

Мы вышли на балкон. С высоты двадцатого этажа видны были уходящие за горизонт огни Москвы. Справа от нас виднелись башни Кремля, озаренные особыми прожекторами солнечного свечения. Казалось — над Кремлем вечное солнце, вечный полдень.

...

Когда я проснулся на следующий день в отведенной мне комнате, то сразу почувствовал, что уже девять часов одиннадцать минут. Квартира была пуста, все ее жители ушли на работу. Я умылся, съел

приготовленный мне завтрак и посмотрел утреннюю газету, которая почти целиком была посвящена Андрею и его открытию. Затем я вышел на балкон.

Внизу, на набережной Москвы-реки, тек людской поток, и все в одном направлении — к Красной площади. Этот поток не вмещался на тротуаре, он захлестывал мостовую, и из-за этого не могли двигаться элмобили и элтобусы.

«Странно, — подумал я. — Сегодня не Первое мая, и не Седьмое ноября, и не День космонавтики. Неужели вся эта суматоха из-за Андрея?»

Я включил телевизор. Показывали Ленинград. «Стихийный митинг на Дворцовой площади», — сказал Диктор, и я увидел на площади множество людей. У всех были счастливые лица, будто невесть какое чудо случилось. Группы Студентов несли довольно аляповатые, наспех сделанные плакаты. «Давно пора!», «Даешь единый универсальный!», «Химики рады, физики — тоже!» «Ура — Андрею!» — вот что было написано на этих плакатах. Толпа вела себя совершенно недисциплинированно — она громко пела, гудела, шумела на все лады. Я выключил Ленинград и включил Иркутск, но и там было то же самое. На площади толпился народ, пестрели самодельные плакаты. На одном было написано: «Металлы, камень, дерево, стекло» — все эти слова были жирно зачеркнуты, а поверх начертано: «Единый универсальный». Затем я включил Лондон, Париж, Берлин — там происходило то же самое, только надписи на плакатах были на других языках.

«Эта всемирная суматоха не должна мешать моей работе, — подумал я. — Каждый должен делать свое дело».

Вскоре я вышел из квартиры и через двадцать минут был на воздушном вокзале.

САМОДЕЛЬНЫЙ АТИЛЛА

В те времена до Новосибирска можно было лететь экстролетом, скоростным ракетопланом, рейсовым дирижаблем и дирижаблем-санаторием. Так как спешить мне было незачем, то я выбрал дирижабль-санаторий и вскоре был на его борту. Дежурный Врач провел меня в двухместную каюту и показал мою постель. Затем он приложил к моему лбу ЭСКУЛАППП, который показал всего три болевых единицы по восходящей.

— Ну, вы, товарищ, два МИДЖа проживете, — улыбнулся Врач. — Но у вас легкое переутомление, поэтому я назначу вам кое-какие процедуры. Есть ли у вас какие особые пожелания?

— Если можно, то пусть моим однокаютником будет Человек гуманитарного направления, — попросил я. — Голова уже гудит от всех этих технических разговоров.

Врач ушел, а в каюту вскоре вошел Человек средних лет. При нем был довольно большой чемодан, что меня несколько удивило: как правило, Люди давно уже путешествовали без ручной клади. Мой спутник сообщил мне, что зовут его Валентин Екатеринович Красотухин и что у него две специальности: он Ихтиолог и Писатель. Признаться, имя это мне ничего не говорило, хотя я знал не только литературу XX века, но и современную. Назвав себя и свою профессию, я заинтересовался, какие произведения созданы моим однокаютником.

— Видите ли, — ответил Валентин Екатеринович. — Ихтиолог я по образованию и по роду работы. А Писатель я по внутреннему призванию. Правда, я смотрю истине в лицо и сознаю, что таланта у меня нет, но я сконструировал кибернетическую машину и с

ее помощью надеюсь со временем создать поэзо-прозо-драматическую эпопею, которая прославит меня и...

— Но послушайте, — перебил я своего нового знакомого, — всем известно, ведь уже в конце Двадцатого века было доказано, что никакая, даже самая совершенная, машина не может заменить творческий процесс. Это так же ясно, как то, что невозможно создать вечный двигатель.

— Но я сам сконструировал свой творческий агрегат, — возразил Красотухин. — Я верю, что мой АТИЛЛА не подведет меня! Вот полюбуйте на него!

С этими словами Писатель-Ихтиолог раскрыл чемодан и извлек из него довольно большой прибор со множеством кнопок и клавиш и поставил его на стол каюты.

— Вот он, мой АТИЛЛА!

Мне стало немного грустно: и здесь я не избежал техники. Но мне не хотелось огорчать своего спутника.

— Почему именно АТИЛЛА? — проявил я интерес.

— АТИЛЛА — это Автоматически Творящий Импульсный Логический Литературный Агрегат, — пояснил Красотухин. — Правда, он еще не вполне вошел в творческую силу, он еще учится. Ежедневно я читаю ему художественные произведения классиков и современных авторов, учу его грамматике, читаю ему словари. Кроме того, я беру его на лекции по ихтиологии, которые он внимательно слушает. Еще я читаю ему главы из Курса Поэтики, из Истории Искусств. Года через три он будет знать все и сможет работать с полной творческой отдачей. Но уже и сейчас мы с ним творим на уровне начинающего среднего Литератора.

— А вы не можете продемонстрировать АТИЛЛУ в действии? — спросил я.

— С удовольствием! — воскликнул Красотухин. —
Дайте творческую программу.

— Ну пусть он сочинит что-нибудь для детей, что-
нибудь там про кошечку, например, — предложил я,
выбирая тему полегче.

Красотухин нажал на АТИЛЛе кнопку с надписью
«Внимание». Вспыхнул зеленый глазок, агрегат глухо
заурчал. Тогда Красотухин нажал клавишу с надписью
«стихи д/детей». Прибор заурчал громче. Из него
выдвинулся черный рупор.

— АТИЛЛушка, творческое задание прими. Про
кота что-нибудь сочини, — просительно произнес Пи-
сатель-Ихтиолог в рупор.

— Творзадание принято! — глухо произнес голос
из прибора, и сразу же вспыхнуло табло с надписью
«творческая отдача». Затем из продолговатого узкого
отверстия вылез лист бумаги. На нем было напечатано:

КОТ И МАЛЮТКИ

Здравствуй, здравствуй, кот Василий,
Как идут у вас дела?
Дети козлика спросили...
Зарыдала камбала.

И малюткам кот ответил,
Потрясая бородой:

— Отправляйтесь в школу, дети! . .
Окунь плачет под водой.

Сотворил АТИЛЛА

— Не так уж плохо, — утешающе сказал я. — В не-
которых детских журналах XX века я читал нечто по-
добное. Только тут нужна правка. Ваш АТИЛЛА путает
кота с козлом. И потом, откуда-то, ни к селу ни к го-
роду, камбала с окунем появились.

— У АТИЛЛы еще смещены некоторые понятия. —
несколько смущенно ответил Писатель-Ихтиолог. —

А рыдающая камбала — это, очевидно, творческая неувязка. Но в строке «окунь плачет под водой» есть нечто высокотрагедийное, здесь чувствуется некая натурфилософская концепция. Впрочем, стихи АТИЛЛе даются труднее, чем проза. Сейчас вы в этом убедитесь. И Красотухин заказал АТИЛЛе сотворить сказку с лирической концовкой. В сказке должны упоминаться человек, лес и звери. Вскоре агрегат дал нам возможность ознакомиться со своим произведением.

ЛЕС, ПОЛНЫЙ ЧУДЕС

Лес шумел угрюмо (мрачно? огорченно?). Лесные звери имелись в лесу том повселесно. Тем временем человек и человецица (человейка? человекка?) шли по речью (речейку?) к речке. В лесу встретились им лес и лесица, волк и волчица, лось и лосица, медведь и медведица (медвежка?). «Съем-ка я вас, человеки!» — произнес медведь. «Не питайся нами, Михаил (Виктор? Григорий?), мы хотим живать-поживать!» — «Хорошо, — ответил медведь, — я вами столоваться не буду. . .» Радостно, дружно, синхронно запели гимн восходящему светилу (луне? солнцу?), сидящие на ветвях снегири, фазаны, сазаны, миноги, снетки и караси. Лес шумел весело (удовлетворенно? упитанно?).

Сотворил АТИЛЛА

— Сказка несколько примитивна, — сказал я. — И потом, опять тут всякие рыбы.

— Да, мой АТИЛЛА любит упоминать рыб, — огорченно признался Красотухин. — Боюсь, что я несколько перегрузил его ихтиологическими знаниями. Но не хотите ли дать АТИЛЛе творческое задание в области драматургии?

— Смотрите, какой прекрасный вид под нами, — сказал я Красотухину, чтобы отвлечь его от АТИЛЛы. — И видимость тоже прекрасная.

Наш дирижабль-санаторий давно уже отчалил и теперь плыл в воздухе на высоте восьмисот метров. Из большого иллюминатора в стене каюты можно было

наблюдать, как не спеша движется под нами какой-то небольшой город-сад. Его прямые улицы с домами, крытыми голубой пластмассой, казались каналами, прорытыми среди зелени. И только черные шары на тонких мачтах — усилители мыслепередач — говорили о том, что это все-таки город, где живет несколько тысяч Людей. Потом снова внизу потянулись поля, среди которых кое-где возвышались башни дистанционного управления электротракторами.

Вскоре нас позвали на купанье. Плавательный бассейн был накрыт огромным прозрачным пластмассовым колпаком; чуть выше, почти задевая его, проплывали порой редкие летние облака. Дно бассейна тоже было из прозрачной, чуть голубоватой пластмассы. Купаясь, мы видели под собой луга, леса, реки, дороги с пробегающими по ним элтобусами. Казалось, мы плавали не в бассейне, не в воде, а в самом небе, в бескрайнем, подернутом голубоватой дымкой пространстве. Мы словно парили в нем, как птицы, вольно и легко, и эта легкость подчеркивалась тишиной, ибо дирижабль летел беззвучно, как во сне. К одному борту бассейна была пристроена вышка для прыжков в воду, и каждый раз, ныряя с нее в бассейн, я испытывал жутковатое ощущение, будто я лечу в пропасть, в бездну, на дне которой растут деревья, зеленеют поля, тянутся нити дорог. И вдруг меня упруго подхватывала вода, не давая падать дальше.

Вечером, после ужина, я разговорился с Ихтиологом-Писателем. Это был совсем неглупый Человек. Пока не заходила речь об АТИЛЛе, он рассуждал вполне здраво и логично. Так, например, он рассказывал мне о своем проекте использования старинных военных кораблей — тех, которые еще не пошли на переплавку, — под живорыбные садки. Все эти древние линкоры, авианосцы, без пользы стоящие в портах,

вполне подойдут для этой цели. Нужны только некоторые переделки, весьма незначительные. Когда я, в свою очередь, завел речь об «Антологии Забытых Поэтов XX века», Писатель-Ихтиолог согласился со мной, что дело это очень важное и нужное, и сделал несколько полезных замечаний, свидетельствующих о его начитанности и живости ума. Узнав же, что я работаю над пополнением СОСУДа, мой новый знакомый горячо одобрил это начинание и присовокупил, что я делаю для потомства дело нужное и важное, так как Людей, употребляющих ругательства, на Земле почти не осталось, и этот вид фольклорного творчества надо закрепить письменно для потомства.

Но затем мой собеседник снова сел на своего конька, завел речь об АТИЛЛе и попросил меня научить АТИЛЛу ругательствам.

— Для меня это не составит большого труда, — ответил я. — Но целесообразно ли это?

— Для будущей прозо-драмо-лирической эпопеи, которую я создам в соавторстве с АТИЛЛой, потребуются и бранные выражения. Ведь эпопея будет охватывать все века, а, как вам известно, в минувшие столетия брань употреблялась весьма нередко. И потом, как вы сами убедились, я несколько перегрузил АТИЛЛу ихтиологическими знаниями, и поэтому некоторое количество ругательств как бы уравновесит его словарь.

— Хорошо, я согласен дать вашему АТИЛЛе урок неизящной словесности, но вас прошу выйти на это время из каюты. Мне неудобно произносить при Человеке грубые слова.

. . .

Ночью мы миновали Урал и теперь летели над Сибирью. К вечеру начались леса промышленного

значения — с просеками и лесоперерабатывающими пунктами. Но затем все чаще стали проплывать под нами участки настоящей тайги — это были заповедники, где она сохранялась в своем естественном виде. Мы летели малой высотой, и к нам доносился запах зелени и хвои. Настроение у меня было превосходное, о чем я и сообщил своему соседу.

— Я думаю, что не испорчу вашего настроения, если попрошу вас дать моему АТИЛЛе новое задание, — сказал Писатель-Ихтиолог. — Завтра мы с вами расстанемся, а мне хочется, чтобы у вас осталось приятное воспоминание о моем детище. Вчера АТИЛЛА работал почему-то не в полную творческую силу, и мне хочется реабилитировать его в вашем мнении.

Я подумал, что иметь дело с АТИЛЛой — это как раз самый верный способ испортить себе настроение. Но затем я вспомнил, что еще в четвертом классе школы на уроке морали нас учили: «Никогда не огорчай Человека, если этого не требуют особые обстоятельства. Слабости хороших Людей не делают их плохими Людьюми». Поэтому я скрепя сердце согласился еще на одно творческое испытание АТИЛЛы.

— Я иногда даю ему узкоспециализированные задания, — сказал Писатель-Ихтиолог, обрадованный моим согласием. — Например, подобрать рифмы к слову «окунь» или сочинить рассказ, в котором все слова начинаются на одну букву. Так легче следить за ростом словарного фонда АТИЛЛы. . . Не хотите ли дать ему специализированную задачу?

— Пусть он напишет рассказ о солнце с лирико-меланхолическим уклоном, и пусть все слова в этом рассказе начинаются с «с», — сказал я.

Тотчас же мой спутник дал АТИЛЛе творческую программу, и тот заурчал и замигал своими зенками.

— Ну, друг АТИЛЛА, на этот раз не подведи, — ласково сказал Писатель-Ихтиолог в рупор. — Подушевные, полиричнее сотвори.

Вскоре АТИЛЛА выполнил задание. Листок этот, ровно как и два предыдущих, и поныне хранится в моем архиве.

СОЛНЕЧНЫЙ САБАНТУЙ

Светозарное солнышко справляло свой сабантуй, светило сказочно светло, сияло самозавленно. Самоцветно синела садовая сирень, старались сладкогласные соловьи, стрекотали стрекозы, струилось ситро, сахарился сладкий сливовый сироп. Серебристым симпатичным смехом синхронно смеялись совершенно счастливые супруги. Седовласая стерлядь скандировала стройные строфы сонета.

Солнце стало склоняться севернее, сгущались сизые сумерки. Смеркалось.

— Сукин сын! Слюнтяй! Солдафон! Стервец! — сказала сому строгая соленая святейшая селедка, сиротливо скучавшая среди салаки, скумбрии, семги.

— Сама скотина, склочница, симулянтка! Свинские слова слышу! — смачно сплюнув, свирепо сказала сумасбродной соседке седоусая сметливая свежепросоленная сардинка, спокойно спавшая среди сетей.

— Собаки! Стрекулисты! Спекулянты! Сплетники! Сычи сонные! Сидни сидячие! Самодуры сиволапы! Скандалисты! Свято-татцы! Скобари! Скопидомы! Скряги! Саботажники! Сутяги! — степенно сказала совершеннолетняя самостоятельная севрюга, слушающая спор.

Солнышко село, скапутилось, смылось, съежилось. Стало совсем сумрачно.

Скоропостижно скончался сиг.

Сотворил АТИЛЛА

— Опять рыбы всякие! — огорченно сказал Писатель-Ихтиолог. — И потом много каких-то непонятных слов.

— Но это же отжившие слова! Это слова из моего СОСУДА, — пояснил я. — Ваш АТИЛЛА почему-то

очень хорошо их усвоил и вводит в текст в непропорционально большом количестве.

— Неужели в старину Люди употребляли столько ненужных слов? — спросил мой новый знакомый.

— Не все ругательства были словами-пустышками, — ответил я. — Под некоторыми из них подразумевались вполне определенные отрицательные явления.

— А что такое сплетник, скандалист, спекулянт? — стал спрашивать меня Ихтиолог.

— Это долго объяснять, — ответил я. — Когда выйдет из печати мой СОСУД, вы сможете узнать смысловое значение всех этих выражений.

— Не хотите ли еще раз испытать моего АТИЛ-Лу? — с робкой надеждой в голосе спросил меня Писатель-Ихтиолог.

К счастью, в этот миг в каюту постучал дежурный Врач и пригласил нас в салон к телевизору смотреть и слушать новое выступление Андрея Светочева. Выбрав из двух зол меньшее, я поспешил откликнуться на этот зов.

В салоне перед большим телевизором собрались все пассажиры-пациенты дирижабля-санатория. Вскоре на экране появился Андрей. Его сообщение показалось мне каким-то бесцветным. Он сообщил, что выступает только потому, что в его адрес поступает очень много вопросов. Но ничего нового он пока сказать не может. Он сделал только одно конкретное сообщение: для строительства Главной Лаборатории по созданию Единого Материала выделен пустынный островок в Балтийском море, в пятидесяти километрах от Ленинграда. Островок будет расширен за счет намыва донного песка. Работа начинается завтра.

Незначительное это сообщение, вдобавок произнесенное каким-то усталым, невыразительным голо-

сом, показалось мне, не предвещает удачи моему другу. Но слушатели, как я успел заметить, остались довольны и этой скудной информацией.

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ. ВСТРЕЧА С НАДЕЙ

Шла третья неделя моего пребывания в Новосибирске. Целые дни просиживал я в библиотеке, подбирая материал для своей «Антологии», и дело уже близилось к концу. Однажды утром в читальный зал вошел старший Библиотекарь и пригласил всех желающих в телевизионный блок, сказав, что будет выступать Андрей Светочев.

Я вместе со всеми направился к телевизору.

На экране возник Андрей. Он сидел в небольшом зале за круглым столом, вместе со своими Сотрудниками. На столе стояло множество переводящих машин. Все кресла и все проходы в зале были заполнены Людьми — это были главным образом Корреспонденты. Происходило нечто вроде пресс-конференции. Вопросы задавались бессистемно, и я привожу их в таком виде и порядке, как их записал мой карманный микромагнитофон.

А н д р е й. Готов отвечать на ваши вопросы.

1-й корреспондент. Когда идея о создании единого материала будет осуществлена вашей научной группой практически?

А н д р е й. На это, возможно, уйдет один год.

2-й корреспондент. Можно ли вкратце охарактеризовать ваш единый материал как некую пластмассу с универсальными свойствами?

А н д р е й. Можно, если вам это нравится. Но вообще-то это принципиально новый материал.

3-й корреспондент. В некоторых газетах высказана мысль, что всемирное применение единого материала может лишить многих людей радости труда. Ведь множество профессий станут просто ненужными.

А н д р е й (роясь в каких-то бумагах). Я не компетентен в этих вопросах. Но вот Экономисты Сергеев, Тропиниус и Маорти утверждают, что работы хватит всем, однако многим Людям придется перекалифицироваться.

4-й корреспондент. Как все это отразится на продолжительности рабочего дня?

А н д р е й (опять роясь в бумагах). Вот тут произведены подсчеты. Не мной, а Экономистами. Через три года после полного перехода на аквалид средний рабочий день на Планете сократится до двух часов восемнадцати минут.

5-й корреспондент. Что это такое — аквалид?

А н д р е й. Так мы решили назвать единый универсальный материал.

6-й корреспондент. Как вы относитесь к Нилсу Индестрому?

А н д р е й. С величайшим уважением.

6-й корреспондент. Однако ваше открытие, если оно будет осуществлено практически, опровергнет Закон Недоступности Нилса Индестрома?

А н д р е й. Да.

7-й корреспондент. Следовательно, будет создан материал, который позволит строить космические корабли, могущие проникнуть за пределы Солнечной Системы?

А н д р е й. Да. Но это уж дело Строителей и Космонавтов. Нас больше интересуют земные и подводные дела.

8-й корреспондент. Как это понимать — подводные?

Андрей. Аквалид даст возможность строить сооружения из воды под водой.

9-й корреспондент. Следовательно, Человечество получит большую новую «жилую площадь» под океаном и сможет спокойно расти? Так это надо понимать?

Андрей. Да, на дне океанов будут прокладывать тоннели, строить предприятия и возводить жилые города.

Длительная пауза. Затем все встают. Аплодисменты и возгласы восхищения.

После паузы.

10-й корреспондент. Почему ваша Опытная Лаборатория строится на острове? Почему не на материке, не в Ленинграде?

Андрей. Я сам просил об этом. Так безопаснее.

10-й корреспондент. Для кого безопаснее?

Андрей. Для города. Дело в том, что при практическом осуществлении нашего проекта на одной из фаз производства аквалида существует опасность взрыва. Теоретически расчеты верны, но технологически мы идем на некоторый риск.

10-й корреспондент. Если произойдет взрыв, значит, вы шли по ложному пути и создание единого универсального материала останется недостижимой мечтой Человечества. Так надо понимать?

Андрей. Нет. Не так. Повторяю: теоретически наши расчеты верны. Если произойдет взрыв, то кто-то, идущий за нами, найдет более верную технологическую схему.

11-й корреспондент. А как называется ваш остров?

Андрей. Пока это безымянный островок. Но

я предложил назвать его Матвеевским островом, в честь моего друга.

12-й корреспондент. Ваш друг — Физик, Химик, Математик?

Андрей. Нет. Он Литературовед.

13-й корреспондент. Что натолкнуло вас на мысль о едином материале?

Андрей. Мне всегда казалось странным, что машины, корабли, дома, предметы обихода делаются из разных материалов. Уже в детстве это казалось мне нелепым, нерациональным.

14-й корреспондент. Что можно будет производить из аквалида?

Андрей. Из него нельзя будет производить продуктов питания, горючего и удобрений. Все остальное — можно.

15-й корреспондент. Следовательно, из аквалида можно производить все нужные Человечеству машины, сооружения и предметы?

Андрей. Да. Все — кроме гробов и спичек.

16-й корреспондент (со значком юмористического журнала). Но ведь спичек давно не производят.

Андрей. Я пошутил.

17-й корреспондент. Как идут работы на острове... на Матвеевском острове?

Андрей. Сейчас вы это увидите.

Андрей исчез с экрана. На экране появилось море. Мы как бы летим над ним. Вот показался островок. Вот он приблизился. Видны деревянные временные причалы, около них множество небольших суденышек. Мы облетаем остров. Он невелик и пустынен. Вдали видны землесосы, намывающие песок. На островке еще нет капитальных зданий — только длинные пластмассовые бараки. Островок кишит людьми. Одни

простыми лопатами копают котлованы, другие выравнивают линию берега, третьи, четвертые, десятые тоже заняты земляными и прочими работами. Слышен гул, шум, звучат песни на разных языках. Работающие — главным образом молодежь всех национальностей и цветов кожи. Но встречаются и пожилые Люди.

Затем остров исчез, и на экране снова появился Андрей. Корреспонденты опять стали задавать вопросы.

18-й корреспондент. Меня удивило, что на острове применяются столь примитивные орудия труда. Можно подумать, что мы вернулись в первую половину XX века. Из какого музея извлекли вы эти лопаты, кирки, ломы?

Андрей. Я их ниоткуда не извлекал. Это они сами заказывали их по старинным чертежам какому-то ленинградскому заводу, сами привезли их на остров.

18-й корреспондент. Кто «они»?

Андрей. Добровольцы. Они съехались со всех концов света.

19-й корреспондент. Но есть же на вашем острове современная техника для земляных работ. Ведь есть?

Андрей. Есть. Но они не дают ей работать. Они ее оттеснили. Хотят работать сами, своими руками.

20-й корреспондент. Но ведь на острове есть Врачи охраны труда. Слово Врача — закон.

Андрей. Врачей они не слушаются. И потом добровольцев так много, что они работают не более часа. Так что здоровью это не вредит.

21-й корреспондент. Есть ли на острове травмы в результате применения несовершенных орудий труда?

А н д р е й. Крупных травм нет. Но есть ушибы, мозоли. Вчера один чилиец повредил лопатой палец на ноге.

21-й корреспондент. Надеюсь, его немедленно эвакуировали в больницу на материк?

А н д р е й. Не сразу. За почетное ранение друзья разрешили ему поработать еще час вне очереди.

21-й корреспондент. Разрешая Людям работать примитивными орудиями труда, вы сокращаете их МИДЖ. Как вы на это смотрите?

А н д р е й. Земляные работы скоро кончатся — и тогда за дело примутся специалисты.

22-й корреспондент. Попробуйте в краткой популярной форме изложить сущность открытия, к которому пришла ваша научная группа.

. . .

Здесь Андрей начал объяснять суть открытия, но говорил он столь невнятно и отвлеченно, что я ничего не понял и отошел от экрана, не дослушав своего друга до конца. Но, не скрою, я был тронут вниманием Андрея. Мне было приятно, что он назвал остров моим именем.

В этот же день я решил съездить на местный Почтамт. Меня интересовали марки. На улице я остановил элтакси и вскоре вошел в зал Почтамта. Первое, что мне бросилось в глаза — это бесконечное количество стендов, на которых были выставлены марки. Решение Всемирного Почтового Совета о том, что каждый Человек может выпускать свои марки, уже действовало, многие филателисты успели выпустить личные почтовые знаки и предлагали их на выбор всем желающим. Марки были самые разные по расцветке и по тематике. Очень много было женских портретов — это филателисты увековечивали своих

возлюбленных. Хоть почта стала бесплатной, но по традиции на каждой марке была обозначена цена. Цену ставили кто во что горазд — от копейки до ста миллионов рублей. Я выбрал несколько марок для себя и несколько для Андрея и немедленно послал их ему, сопроводив коротким дружеским посланием. Затем я направился в Бюро Выполнения Желаний, организованное при Почтамте, с целью заказать свою марку. Я уже решил, какая она должна быть. На марке я решил изобразить самого себя, держащего в руках рукопись СОСУДа.

Направляясь через зал к двери Бюро, я вдруг услышал свое имя, произнесенное приятным женским голосом. Я оглянулся и увидел — кого бы вы подумали, мой Читатель? — я увидел Надю, ту девушку, с которой познакомился на Ленинградском Почтамте при весьма странных обстоятельствах.

— Что вы здесь делаете? — удивился я. — Вы перевелись на Новосибирский Почтамт? Неужели на вас так подействовал тяжелый случай, имевший место на Ленинградском Почтамте?

— Я здесь ничего не делаю. Просто зашла посмотреть, как здесь работают, — с улыбкой ответила Надя.

И далее она пояснила, что приехала сюда в отпуск, ибо в Новосибирске живет ее брат.

Я, в свою очередь, поведал Наде, что приехал в Новосибирск поработать в здешней библиотеке.

— А как пополняется ваш СОСУД? — спросила Надя.

Признаться, мне весьма польстило, что она помнит о моей работе и интересуется ею, и я поведал девушке, что СОСУД пока что не пополняется, ибо в Сибири совсем вывелись Люди, умеющие ругаться, и что я в данное время занят «Антологией».

— А сюда вы, видно, зашли как филателист? — поинтересовалась Надя.

— И как отправитель письма. Только что я отослал письмо Андрею Светочеву — Человеку, благодаря которому мы с вами познакомились.

— Неужели это был Светочев? — воскликнула Надя. — Вот бы уж не подумала на него! Я ведь и не разглядела тогда, кто был моим обидчиком. Когда будете писать ему в следующий раз, пожелайте ему удачи и передайте от меня, что я нисколько на него не сержусь.

— Он уже наказан за свой поступок, — сказал я. — Ему пришлось убить зайца.

— Как? Его наказали охотой? — огорчилась Надя. — Это так неприятно.

— Не волнуйтесь за него, — мягко сказал я. — Он обидел вас, он был послан в наказание на охоту, но благодаря сцеплению этих обстоятельств он встретил девушку, которую полюбил и которая полюбила его.

— Но почему вы не радуетесь этому? — спросила Надя. — В вашем голосе мне послышалась грусть.

— Я рад за него и рад за нее, — ответил я. — Но за себя я не рад.

Надя ничего не сказала, не стала меня утешать, и мне это очень понравилось. Мы молча вышли из Почтамта и тихо пошли по улице.

— Вам далеко? — спросил я. — Давайте я вас провожу пешком.

— Буду рада, — ответила Надя. — Я очень люблю ходить пешком. Я хотела бы быть девушкой-Почтальоном из одного исторического романа, который я как-то прочла. Эта девушка-Почтальон не любила ездить на мотоцикле, а ходила от деревни до деревни пешком. Я хотела бы, как она, ходить в лаптях от деревни

до деревни по старинному асфальту, стучать клюкой в заборы и отдавать людям письма и радиogramмы.

— Только не в заборы, а в ворота, — поправил я.

— Вы, наверно, очень хорошо знаете историю, — почтительно сказала Надя. — Как приятно вести беседу с высокообразованным Гуманитарием.

Не скрою, мне было приятно слышать такой отзыв от этой симпатичной девушки, которая, хоть была знакома со мной совсем недавно, уже сумела оценить меня по достоинству. «Разве хоть раз отозвалась Нина обо мне столь справедливо?» — шевельнулась у меня мысль. Тем не менее я скромно возразил Наде, что хоть я и съел, как говорится, собаку на истории XX века, но я еще познал не все, что надо познать. Так, например, лингвистический мой багаж заставляет желать лучшего. Правда, я знаю кроме родного языка английский, немецкий и французский, а также группу славянских языков и латынь, однако древнегреческого я еще, к сожалению, не знаю.

— Нет, вы очень много всего знаете, — мягко возразила Нада. — Я вот, кроме английского и французского, никаких языков не знаю. . . Правда, я еще понимаю международный код.

— Ну, это не язык, — возразил я. — Много еще воды утечет, прежде чем международный код станет языком. Пока что он состоит почти сплошь из техницизмов.

— А где вы остановились? — поинтересовалась вдруг Надя.

— Так как я прилетел сюда на сравнительно долгий срок, то я остановился в гостинице.

— Переселяйтесь к нам, — предложила Надя. — Никто вас не будет беспокоить, и я в том числе. Квартира у нас сейчас почти пустая, все разъехались на лето. Брат мой тоже мешать вам не будет, он тихий.

— А кто он, ваш брат?

— Памятник, — ответила Надя.

— То есть как это памятник? — изумился я. —

Очевидно, вашу речь надо понимать иносказательно: ваш брат был каким-либо известным Ученым, а затем скончался и ему воздвигли памятник? Так? Но почему я не слышу в вашем голосе скорби по усопшему? При вашей привлекательной внешности такая бесчувственность не делает вам чести.

— Да живехонек мой брат, — засмеялась Надя. — Он по специальности Памятник, он разрабатывает вопросы усиления памяти.

— Век живи, век учись, — сказал я. — И преуспевает ваш брат-Памятник на своем ученом поприще?

— Да. Несколько лет назад он сконструировал прибор, усиливающий память. Однако этот прибор нуждается в длительной проверке, и только после этого его можно будет пустить в массовое производство.

— Интересно было бы взглянуть на этот аппарат, — сказал я.

— Вы его видите на мне, — ответила Надя и коснулась пальцами своих серег.

— Как, эти маленькие сережки и есть упомянутый вами прибор?

— Да. В них вмонтированы два микроагрегата, которые создают вокруг головы усилительное поле.

— А как называется этот аппарат? — поинтересовался я.

— Полное его название — Опытный Прибор Усиления Памяти. Сокращенно — ОПУП.

— ОПУП! — воскликнул я. — Какое неблагозвучное название. Такие нелепо звучащие сокращения нередко употреблялись в Двадцатом веке, но ныне, когда существует Наименовательная Комиссия, состоящая из Поэтов-Добровольцев...

— Я понимаю вас, — перебила меня Надя. — Но брат еще не зарегистрировал свой прибор в Наименовательной Комиссии. А сам он не мог придумать ничего лучшего. Но, в конце концов, дело ведь не в названии. Прибор действует хорошо.

«Едва ли может быть удачным аппарат с таким неудачным названием, очевидно, по Сеньке и шапка», — подумал я, но ничего не сказал Наде, дабы не огорчать ее¹.

Мы простились с Надей у подъезда, а на следующий день я переехал в ее квартиру и поселился в тихой угловой комнате. Брат ее—Памятник—оказался человеком весьма молчаливым. Если я из вежливости за обедом заводил с ним разговор о его работе, то он отвечал мне весьма охотно, но речь его настолько была насыщена научными терминами, что я ничего в ней понять не мог. В Надином изложении все это выглядело гораздо проще и понятнее.

Теперь я работал на дому. Набрав в библиотеке книг, я читал их и выбирал из них те стихи, которые, на мой взгляд, подходили для «Антологии». Затем я читал их вслух, а МУЗА² их записывала. Однажды я засиделся за этой работой до поздней ночи, но не успел выполнить своей программы. Утром мне надо было сдать книги в библиотеку, как я обещал Библиотекарю, но у меня осталось одиннадцать стихотворений одного автора, которые я не успел задиктовать.

¹ Характерно для Ковригина, что в дальнейшем он восхищается Надиной памятью, приписывая это свойство лично Наде и как бы совсем не признавая, что девушка обязана этим изобретению своего брата. В этом — весь Ковригин с его предвзятыми отношениями к технике, с его недоверием к новшествам.

² МУЗА (Модуляционный Ускоренно Записывающий Агрегат) — весьма несовершенный агрегат XXII века. Нечто вроде Диктовально-пишущей машинки.

За завтраком я обратился к Наде с просьбой — не продиктует ли она МУЗе эти стихи в мое отсутствие, пока я пойду в библиотеку, чтобы отнести те книги, которые мне уже не нужны. А эту книгу я отнесу после обеда.

Надя охотно согласилась, но добавила, что я могу отнести и ту книгу, где помещены эти одиннадцать стихотворений. Она прочтет их сейчас, запомнит и продиктует МУЗе.

— Ну что вы говорите, Надя! — возразил я. — Разве может Человек сразу, с бухты-баракты, запомнить одиннадцать длинных стихотворений!

— А вот увидите, — спокойно ответила девушка. Затем она быстро и, как мне показалось, даже не очень внимательно прочла намеченные мной стихи и вручила мне книгу. — Несите спокойно в библиотеку.

Я понес книги в библиотеку, но ту книгу я все-таки не сдал, отсрочив ее возвращение на день. Но каково же было мое удивление, когда, вернувшись, я нашел на своем столе одиннадцать стихотворений, которые МУЗА перепечатала в трех экземплярах! Вынув из портфеля несданную книгу, я сверил текст. И что же? Я не обнаружил ни единой ошибки! Надя за несколько минут запомнила трудный старинный текст и безошибочно продиктовала.

— Надя! Надя! — стал я ее звать и, не дозвавшись, выбежал из комнаты. Я застал ее в кухне, где она программировала ДИВЭРа к обеду.

— Надя! Я поражен вашей феноменальной памятью! — воскликнул я.

— Да, благодаря прибору брата память у меня хорошая, — с улыбкой ответила девушка. — У меня градация девяносто девять при стобалльной системе. Но мой брат говорит, что хвастать этим нечего: можно быть глупым Человеком и иметь отличную

память. Когда я была у ОРФЕУСа, он дал мне только четыре балла.

— Надя, у вас память не просто отличная, а сверхфеноменальная, — сказал я. — Я завидую вашей памяти.

— Это, пожалуй, единственное мое достоинство, — скромно ответила она. — И если я могу быть иногда полезной вам в работе над «Антологией», смело прибегайте к моей помощи.

И действительно, Надя с этого дня стала помогать мне в моей работе, и помощь ее (конечно, чисто техническая) была весьма ощутимой.

ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК

Однажды Надя предложила мне отправиться вместе с ней в таежный заповедник.

— С экскурсией? — спросил я.

— Нет, вдвоем. Массовые экскурсии туда не допускаются, это заповедник группы «А». Я собиралась лететь туда на десять дней с подружкой, но та почему-то раздумала. Путевка пропадает.

— А что мы там будем делать целых десять дней? — поинтересовался я.

— Бездельничать, — ответила Надя. — Вам это полезно, у вас усталый вид.

— Согласен, — сказал я. — А где мы там будем жить?

— В домике-контейнере. Нас в нем и сбросят в тайгу. Ведь дорог там нет.

На следующее утро мы отправились на специальный аэродром. Дежурный нам объяснил, что Заповедник № 7 — один из самых больших в мире. Так

как это заповедник группы «А», то в нем не только нельзя возводить какие-либо сооружения, но даже радио пользоваться нельзя. Затем Дежурный дал нам мазь от комаров и два пистолета.

— Но зачем пистолеты? — удивился я. — Мы не совершили никаких проступков, а вы хотите послать нас на охоту!

— Не беспокойтесь, — ответил Дежурный, — убить из этого нельзя. Но если на вас нападет медведь, вы выстрелите в него, и он уснет на сорок семь минут. За это время вы успеете далеко уйти.

Вскоре нас подвели к домику-контейнеру, и мы с Надей вошли в него. Домик состоял из двух комнат-отсеков, разделенных переборкой, и из тамбура. В каждом отсеке был выдвижной диван, кресло и шкафчик с одеждой. В тамбуре имелся стол-ящик с тарелками, кастрюлями и прочей утварью.

В крышу домика было вмонтировано металлическое кольцо. Вскоре подлетел вертоплан, из его брюха выдвинулась алюминиевая лапа, ухватилась за кольцо — и мы полетели. Тихоходный вертоплан летел невысоко. Домик-контейнер слегка покачивало, но это, пожалуй, было даже приятно. Я глядел в окно, и все мне казалось розовым — и небо, и земля. Я догадался, что это зависит от стекла, и спросил у Нади, почему здесь вставлено розовое стекло.

— Оно из леденцовой массы, — объяснила мне Надя. И далее она поведала мне, что такие домики-контейнеры предполагается транспортировать на Венеру. Там их будут сбрасывать на парашютах в венерианские джунгли. В этих джунглях Исследователи часто теряют ориентировку, и в домиках-контейнерах они смогут найти себе временный кров, отдых и пищу.

— Но при чем же здесь леденцовые стекла? — спросил я.

— Но ведь это съедобный домик, — сказала Надя. — Если у нашедшего приют в этом домике выйдут все запасы еды, то он сможет питаться самим домиком. Весь домик-контейнер состоит из сильно спрессованных пищевых концентратов. А снаружи он обтянут тончайшей влагонепроницаемой пленкой.

Я вынул из кармана техническое описание, данное нам Дежурным, и прочел, что стены сделаны из хлебного концентрата, потолок — из спрессованного шоколада, кресло — из яичного порошка, и даже одеяла были съедобными: стоило отрезать квадратный дециметр и бросить его в кипяток — и получался стакан клюквенного киселя.

— Конечно, голод не тетка, как в старину говорили, а нужда научит калачи есть, — но нам, надеюсь, не придется питаться своим жилищем? — пошутил я, обращаясь к Наде, и она улыбнулась в ответ.

Наконец вертоплан снизился, бережно опустил наш домик на лесную полянку возле ручья — и улетел. Я открыл дверь, мы вышли, и нас обступила высокая, по пояс, трава.

Весь день мы бродили по тайге, а когда свечерело, разожгли костер на берегу ручья и поужинали консервами. Потом мы пошли в свои отсеки, и я мгновенно уснул. Проснулся я оттого, что Надя постучала в окно.

— Вставайте, лентяй лентяевич, завтрак готов!

После завтрака мы опять пошли ходить по тайге. Когда мы вернулись к своему пряничному домику, из которого ушли, не закрыв дверей, то обнаружили, что в нем кто-то побывал: ножка у одного из кресел была обгрызена, угол стола-ящика в тамбуре тоже кто-то прогрыз. А карамельные стекла в некоторых местах были проклеваны. Это маленькое происшествие не отразилось на нашем отличном настроении, а скорее развеселило нас.

Вечером, за ужином, я высказал Наде мысль, что зря, пожалуй, мы не взяли с собой никаких книг.

— А что бы вы хотели прочесть? — спросила Надя.

— В Ленинграде я начал читать новый роман Меридини, перевод с итальянского, — сказал я. И далее я пояснил Наде, что роман этот интересен для меня тем, что переводчик его обратился ко мне за консультацией. В романе, вернее в одной из его глав, автор употребляет слова, бытовавшие в старину среди уголовного мира, — и переводчик не мог их перевести на русский язык. Узнав, что я работаю над СОСУДОМ, он обратился ко мне за помощью, и я любезно дал ему возможность ознакомиться с тем разделом СОСУДА, где собран уголовный фольклор. Но я еще не успел прочесть эту главу.

— Вы, очевидно, имеете в виду роман, который называется «Второй пришелец»? — спросила Надя. — До какого места вы дошли? Я недавно прочла эту вещь.

— Я дочитал до того места, где Сантиано пересекает Тихий океан и прибывает в Ламст... Только не рассказывайте мне, Надя, чем все кончилось, а то читать потом будет неинтересно.

— Но я же могу прочесть вам весь роман дословно, по памяти, — сказала Надя. — Вы остановились на четвертой главе.

— Я знаю, Надя, что память у вас феноменальная, но неужели до такой степени? — изумился я.

Вместо ответа Надя уселась поудобнее у костра и начала:

«...Поговорим для начала о множественности миров, — рассуждал Сантиано сам с собой, сидя на веранде. — Множественность миров предполагает и существование миров, подобных нашей Земле. Будучи сама безграничной, Вселенная не ограничивает

их количества. Следовательно, есть миры, тождественные нашей Земле. В силу своей множественности, какие-то из них являются ее копиями. Впрочем, вряд ли копиями абсолютными. Так, на Земле-2 в этот момент на веранде сидит такой же Сантиано, как я, но на голове у него, скажем, не 998 761 волос, а только 997 760. А на Земле-347 мой двойник абсолютен, но у какой-то девочки из Мелитополя на щеке — капля варенья, в то время как у девочки из Мелитополя на нашей Земле варенья на щеке нет. А на Земле-6798654267 — все как у нас, но одной лягушкой больше.

Мы, кажется, продираемся к истине, — сказал себе Сантиано. — Но продолжим наш монолог. Помимо близкотождественных есть и миры, схожие с нашим, но более отдаленно. Одни из них обогнали нас в своем развитии, другие отставали от нас. На первых, вероятно, преодолен Закон Недоступности, и пришельцы могут явиться к нам. Но это — добрые гости. Из миров второго типа пришельцы явиться не могут в силу технической отсталости. Следовательно, эти двое не явились с планеты, подобной нашей. Они из другой системы миров, и их человеческий облик — только маска. А добрый гость маски не наденет.

Сантиано склонился над столом и стал читать старинный «Спутник следователя». Эта профессия давно исчезла на Земле, и нашему герою приходилось учиться заново. Он долго читал, повторяя незнакомые древние слова. Иногда он прерывал чтение и бросался к полке со словарями. Наконец он сказал УЛИССу¹, стоящему возле стола:

— Приведите арестованного.

¹ УЛИСС (Универсальный Логический Исполнитель Специальной Службы) — весьма примитивный агрегат XXII века.

— Кого? — переспросил агрегат, не двигаясь с места.

— Приведите обвиняемого, — сказал Сантиано.

— Кого? — переспросил УЛИСС.

— Приведите подсудимого.

— Кого? — переспросил УЛИСС.

— Приведите злоумышленника.

— Кого? — переспросил УЛИСС.

— Приведите преступника.

— Кого?

— Приведите существо, запертое в подвале. Понятно?

— Теперь понятно, — ответил УЛИСС.

Вскоре он привел Пришельца. Тот испуганно косился на УЛИССа.

— Чего ты, кореш, на меня зверюгу такую напустил? — обратился он к Сантиано. — Этак из любого цикорий посыплется!

— Садитесь! — сказал Сантиано Пришельцу.

— Знаем мы вас! «Садитесь, садитесь», а потом лет пять отсидки припаяешь! Мы уж постоим.

— Сколько вам лет? — спросил Сантиано. — В каком году по земному летоисчислению вы родились?

Пришелец замялся.

— Вот тут в паспорте все есть, — сказал он, вынимая из кармана книжечку. — Тут все без фальши прописано. Читай сам. Чистый документ. Никакой липы.

Сантиано взял книжечку, раскрыл ее, посмотрел и положил на край стола.

— Послушайте, — обратился он к Пришельцу, — вы даете мне документ, а на Земле давно отменена документация. Она отменена за много лет до вашего года рождения, указанного в этой книжечке.

— Брось мне вкручивать, браток, — сказал Пришелец. — Чистый документ. И под судом я не был,

и приводов не имел, и в тюрьме не сидел. За что вы меня, мальчишечку, замели?

— Вы не могли бы пребывать в тюрьме, даже если бы захотели этого, — возразил Сантиано. — Когда вы родились, на Земле давно уже не было тюрем. Если только вы родились на Земле...

— А где мне еще было родиться! — воскликнул Пришелец. — Что я, с Луны, что ли, свалился! Давай, корешок, замнем это дело для ясности. Я тебе барашка в бумажке, а ты меня — на волю. — Пришелец вынул из кармана пачку денег и положил ее на край стола. — Заметано, а?

— Где сейчас ваш сотрапезник? — спросил Сантиано. Затем, взглянув в словарь, поправился: — Где ваш сообщник, соучастник?

— А, вот до чего дело дошло! — крикнул Пришелец и выхватил из кармана пистолет. Но УЛИСС мгновенно кинулся к нему и обезоружил.

— Теперь для меня все ясно, — сказал Сантиано. — Вы не Человек. Родились вы не на Земле и не на аналогичной Планете. Вы явились сюда из мира какой-то иной системы. Вы обладаете сильными средствами маскировки и проникновения, но беда ваша в том, что информация ваша о Земле очень устарела. Вы явились не туда, куда направлялись. Ведь так?

Пришелец ничего не ответил. Там, где он стоял, возникла вспышка, подобная беззвучному разряду шаровой молнии, — и его не стало. Только на керамических плитках пола остались два оплавленных следа от его подошв. Пистолет в кобальтовой руке УЛИССа тоже вспыхнул и испарился. И от документа и пачки денег остались только прямоугольные подпалины на поверхности стола...

...Тем временем второй Пришелец не дремал. В Анкабусе был замечен Человек, державший в руке

нечто вроде старинного электрического фонарика. Луч фонарика он направлял на дома. Через четыре дня после облучения дома распадались без взрыва. Они становились пылью. Был Пришелец замечен и в порту. Ни один из восьми кораблей, вышедших в тот день в море, не вернулся. Они исчезли в океане, не успев даже подать сигналов опасности. . .»

— Вам не надоело слушать? — спросила вдруг Надя. — Может быть, я слишком быстро читаю?

— Нет, нет, продолжайте, Надя! — воскликнул я. — Я слушаю вас с удовольствием.

Действительно, мне было приятно слушать Надю. В ее голос вплеталось тихое журчанье таежного ручейка, и я думал о том, что совсем недавно я тоже сидел у костра, но в другом заповеднике. И вот круг замкнулся. Снова костер, снова заповедник, но там я был третьим лишним. А здесь — нет. Что-то говорило мне, что здесь я — не лишний.

БУРЯ В ТАЙГЕ

Ночью меня разбудил гром. За розоватым леденцовым стеклом вспыхивали молнии. Ливень хлестал в стекло. Ветер нарастал. Домик вздрагивал от его порывов. Я торопливо оделся, постучал в перегородку.

— Вставайте, Надя, и идите в тамбур. Состояние опасности.

— Я давно оделась. Мне не спалось, — ответила Надя.

Мы вышли в тамбур и стали по очереди пить горячий чай из термоса. Было холодно. Домик все тревожнее вздрагивал от ударов ветра. Вдруг при свете молнии через маленькое окошко тамбура я увидел,

что одна сосна, стоящая у края поляны, как-то странно наклонилась. Тогда я мгновенно схватил Надю в охапку, ударом ноги распахнул дверь и побежал со своей ношей на середину поляны. За спиной я услышал нарастающий шум, глухой удар, скрежет ломающихся ветвей.

Я поставил Надю на землю, и мы оба взглянули на домик. Сосна упала вершиной на него, но домик уцелел.

— Простите, Надя, что я вас так грубо вытащил прямо под ливень, — сказал я. — Я думал, что домик развалится.

— Зачем вы просите прощения, — укоризненно ответила Надя. — Ведь вы хотели мне добра.

Вымокшие, мы вернулись к нашему жилищу, но подход к двери был закрыт кроной рухнувшей сосны. Я пробрался сквозь ветви к двери, но открыть ее было невозможно — сосна, упав, не только захлопнула, но и заклинила ее. К окну моего отсека тоже нельзя было подступиться из-за ветвей. Надино же окно было свободно. К счастью, оно открывалось и снаружи, и я влез в домик и помог влезть в него Наде.

— Ложитесь и спите, — сказал я. — Вы совсем продрогли, и все из-за меня. А я пойду управлюсь с этой сосной.

— Хорошо, — ответила Надя. — Я действительно очень замерзла.

Я вышел в тамбур и увидел, что окно его пробито большой веткой сосны. И как раз против того места, где стояла Надя, когда мы пили чай.

«Значит, не зря я вытащил эту девушку отсюда. Ее бы в живых уже не было», — подумал я и, отыскав в ящике топор, расклинил им дверь и вышел наружу.

И первым делом я отрубил от ствола ту ветвь, что пробилла окно, — чтобы Надя не увидела, какая опас-

ность ей угрожала. Ведь некоторые люди задним числом переживают миновавшие события, и поэтому лучше им не знать о том, что могло бы быть. Затем я постепенно отрубил все ветки, перерубил ствол и таким образом очистил вход в наш домик. Я работал, не обращая внимания на дождь и ветер. Топорище было из спрессованного кофейно-молочного концентрата, сам же топор был, к счастью, обыкновенный, не съедобный, иначе он не выдержал бы той нагрузки, которую я задал ему.

Окончив работу, я пошел в свой отсек, разделся и лег. Но вскоре почувствовал озноб. Меня бросало то в жар, то в холод, и я еле-еле уснул. А когда проснулся — меня снова стало трясти.

— Что вы не встаете? — крикнула Надя, постучав в стенку. — Уже день давно.

— Надя, я заболел, кажется, — сказал я.

Надя вошла в отсек и положила ладонь мне на лоб. Ладонь ее показалась мне очень холодной.

— У вас сильный жар, — сказала Надя. — Вы больны. Но не огорчайтесь, все обойдется. — Она принесла мне горячего чаю и дала каких-то таблеток, после чего я уснул.

Проснулся я оттого, что лбу моему стало холодно. На меня лилась струйка с потолка. Я взглянул вверх — потолок разбух, покоробился. Стена тоже имела необычайный вид: она дала трещины и стала влажной. Я догадался, что сосна, рухнув на домик, своими ветвями и иглами содрала с него влагонепроницаемый слой, и наше съедобное жилище начало впитывать в себя воду, тем более, что дождь все шел и шел. Как известно, домик-контейнер предназначался для венерианских джунглей, а на Венере деревья хоть и высокие, но масса у них неплотная, травянистая. Падай такие деревья на домик хоть ежедневно — ему не

будет вреда. Но наши земные деревья с их плотной древесиной — дело другое.

— Надя! — тихо произнес я, и девушка, задремавшая в кресле, мгновенно проснулась.

— Я только на минутку уснула, — сказала она. — Все время сидела возле вас. Вы бредили. Вот уж не думала, что все так получится с этим отдыхом в тайге. Это я виновата.

— Ни в чем вы не виноваты. Но о чем я бредил?

— Все время упоминали Нину и СОСУД... Но я могу процитировать ваш бред текстуально.

— Нет, Надя, бред есть бред. Постарайтесь забыть.

— Я обещаю никогда не напоминать вам о том, что вы говорили в бреду. А теперь надо вызвать Врача — вы серьезно больны.

— Врача сюда можно вызвать только по личному наручному прибору, — ответил я. — Но этот прибор — радиоприбор. А пользоваться радио в заповедниках группы «А» запрещено.

— Но ведь это — особый случай, — возразила Надя. — Здесь можно сделать исключение.

— Надя, разве вы не помните, что мы проходили на уроках морали в пятом классе? «Одно допущенное исключение может породить тысячу, тысяча исключений может породить хаос».

— Но что же делать? — чуть не плача, спросила Надя.

— Можно прибегнуть к мыслепередаче, — сказал я. — Мыслепередача не имеет к радио никакого отношения. Кому-нибудь из нас надо послать мыслеграмму своему двойнику, и тот сообщит по радио в экскурсионный пункт, что я захворал. Но мне неудобно беспокоить моего двойника — Андрея. Он сейчас и так по горло занят. . . Может быть, вы свяжетесь со своим двойником?

— У меня нет двойника, — смутясь, ответила Надя. — Когда-то я была влюблена в одного юношу, мы были двойниками, а потом мы поссорились навсегда. . .

— Простите, что я задал неуместный вопрос, — сказал я. — Сейчас pošлю мыслесигнал Андрею.

— Сигнал принят, — ответил Андрей. — Что с тобой?

— Состояние опасности, — сообщил я. — Ты очень занят?

— Очень, — ответил Андрей. — Не спал две ночи. Неполადки на строительстве Главного корпуса. Но это не имеет значения. Объясни, что я должен сделать.

Я поведал ему, что заболел. Он должен связаться с Новосибирским экскурсионным центром. Пусть оттуда пришлют санитарный вертоплан.

— Все будет сделано, — ответил Андрей. — Крепись. Приму меры. Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

Надя с волнением следила за мной, стараясь по выражению моего лица догадаться о результатах мыслеобмена.

— Все будет хорошо, Надя, — сказал я ей. — Скоро прибудет помощь. И потом, знаете, нет худа без добра — так говорит старинная пословица.

— Какое же добро в том плохом, что мы сейчас переживаем? — спросила Надя.

— Это я объясню вам когда-нибудь потом, — ответил я и поспешил укрыться с головой, потому что с потолка текло все сильнее. Меня снова начал бить озноб, и я уснул тяжелым и беспокойным сном.

. . .

— Вставайте! — разбудила меня Надя. — За нами прилетели!

Она вышла из отсека, я кое-как оделся и покинул

домик. Дождь перестал, светало. Было пять часов тридцать две минуты.

Нас поразило огромное количество птиц, слетевшихся к домику. Они расклевывали его размокшие стены и крышу. Над поляной висел санитарный вертоплан с красным крестом на брюхе. Вот из этого брюха выдвинулось нечто вроде люльки и спустилось на тросе вниз. Мы сели в люльку, нас подняли, и мы очутились в вертоплане, который сразу лег на обратный курс.

Первым делом Врач повел меня в душевую кабину, и я долго стоял под горячим душем, смывая с себя липкую шоколадно-сахарную массу, которая еще недавно лилась на меня с потолка пряничного домика. Затем я облачился в чистое белье, и меня уложили на койку. Врач приложил к моему лбу ЭСКУЛАППП, и тот сообщил следующее:

Пятьдесят одна болевая единица по нисходящей. Состояние — А два, по Гринвальдусу и Вороткевичу. Лечение по схеме Лямбда-прим, семь дробь пять. Дополнительно рекомендуется микстура Каракулина. На продолжительности МИДЖа болезнь не скажется.

— Вот увидите, все будет хорошо, — улыбнулся Врач. — Тем более у вас такая милая Сиделка, — добавил он, указав взглядом на Надю.

Затем он ушел, предварительно дав мне какого-то горьковатого снадобья, от которого мне сразу стало легче. Я взглянул на Надю, сидевшую рядом с моей койкой на пластмассовой табуретке, и сказал ей:

— Надя, идите отдыхать. Ведь вы устали!

Вскоре мы приземлились в Новосибирске, и меня, в сопровождении Нади и Врача, отвезли в больницу. Надя осталась в больнице и ухаживала за мной, бук-

вально не смыкая глаз. Неоднократно АСТАРТА¹ пыталась сменить ее, но Надя каждый раз приказывала ей не вмешиваться, и та покорно удалялась. По утрам, когда температура моя понижалась, Надя читала мне по памяти книги современных писателей и исторические романы, пропуская в последних описание охоты. Однажды, прервав чтение, она спросила меня:

— Вы там, в тайге, как-то сказали, что нет худа без добра. Как это понимать?

— Это, Надя, надо так понимать, что если бы не произошло всего того, что произошло, то я бы не встретился с вами.

— Я тоже рада, что все случилось так, как случилось, — просто ответила Надя. — И за что нам надо благодарить вашего друга — Андрея Светочева.

Я снова вспомнил случай на Ленинградском Почтамте, мой первый разговор с Надей, затем полет с Ниной и Андреем в заповедник, затем мой последний разговор с Ниной и новую встречу с Надей. Да, круг замкнулся, и замкнулся, кажется, счастливо — для меня и для Нади...

. . .

Вскоре я выздоровел и вместе с Надей вернулся в Ленинград. Осенью Надя стала моей женой. Наш брак был и остается счастливым. И если мои благосклонные Читатели одобряют эти «Записки» и найдут в них пищу для ума, то пусть они знают, что появлением этих «Записок» они обязаны не только мне, но и Наде, которая немало помогла мне в работе над рукописью.

¹ АСТАРТА (Автоматическая Сиделка Трогательного Абриса, Работающая, Терпеливая Абсолютно) — старинный медицинский агрегат.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

Кроме женитьбы эта осень ознаменовалась одним важным событием в моей жизни. Я закончил составление своей «Антологии Забытых Поэтов XX века» и отнес рукопись в Издательство, в Исторический отдел. Редактор отдела встретил меня весьма сочувственно и попросил зайти через неделю. Мой благосклонный Читатель, даже не будучи Автором, легко может себе представить, что я пережил за эти семь дней, ожидая решения своей судьбы. Меня утешало только то, что, как известно из истории, в старину Авторы гораздо дольше ждали оценки своим трудам и порой месяцами пребывали в состоянии неизвестности, пока их рукописи читались в редакциях.

И вот ровно через неделю, явившись в Издательство, я узнал, что рукопись моя прочтена Сотрудниками исторического отдела и самим Редактором и получила положительную оценку. Правда, некоторые замечания были явно односторонни и необъективны и тираж был назначен всего в пять тысяч экземпляров, но все это меркло перед основным фактом: моя «Антология» будет издана, и литература Планеты обогатится еще одной ценной и нужной книгой. Когда же был подписан договор (что теперь стало чисто символическим актом, ибо деньги были уже отменены и гонорара не полагалось) и схлынула первая волна моей радости, я обратился к Редактору с просьбой дать прочесть мою рукопись какому-либо агрегату, — быть может, тот будет более справедлив и объективен, нежели Сотрудники отдела, и наметит мне больший тираж.

На эту скромную просьбу Редактор ответил даже с некоторой обидой, что в его отделе, так же как и в прочих отделах Издательства (за исключением

Поэтического), все рукописи читают Люди, и никаких агрегатов нет.

— Почему же Поэты исключаются из этого правила? — спросил я. — Почему им такое предпочтение? Ведь моя «Антология» тоже состоит из стихов, — правда, авторов их нет в живых, ибо они жили давно, в Двадцатом веке.

— Поэтов слишком много, работники Поэтического отдела не справляются с нагрузкой, — ответил мне Редактор. — И приходится применять агрегаты.

Далее он высказал мысль, что непрерывный рост культурного уровня и всеобщее образование имеют, по его мнению, 999 достоинств — и один недостаток. А недостаток этот заключается в том, что очень многие Люди теперь пишут стихи и несут их в издательство, считая себя Поэтами, на самом деле не будучи ими. Правда, количество истинных Поэтов тоже растет, но в процентном и абсолютном отношении их, как и всегда, было гораздо меньше, чем Людей, мнящих себя Поэтами. И так как издательство силами Людей не может справиться с наплывом рукописей, то оно вынуждено прибегать к помощи БАРСов¹, МОПСов², ВОЛКов³, ТАНКов⁴ и прочих вспомогательных агрегатов. Трудно приходится этим агрегатам — ведь обидеть Человека ни один агрегат не имеет права, а правду говорить Авторам он обязан, и эта правда порой горька. А тут еще Специальная Наименовательная Комиссия, которая, как известно, состоит из Поэтов-Добровольцев, дала этим агрегатам такие устрашающие прозвища. . .

¹ БАРС — Беспристрастный Агрегат, Рецензирующий Стихи.

² МОПС — Механизм, Отвергающий Плохие Стихи.

³ ВОЛК — Всесторонне Образованный Литературный Консультант.

⁴ ТАНК — Тактичный Агрегат Нелицеприятной Критики.

Я попросил Редактора сводить меня в Отдел поэзии, и он охотно провел меня через эти тихие редакционные коридоры в большой и довольно шумный зал, у входа в который висело объявление:

ПАЛКИ, ЗОНТЫ И ИНЫЕ ОПАСНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ПРОСЬБА ОСТАВЛЯТЬ В ПРИХОЖЕЙ

— Какое зловещее предупреждение! — сказал я Редактору. — Неужели в наш век возможно рукоприкладство, палкоприкладство и зонтикоприкладство?

— Увы, от Поэтов всего можно ожидать, — ответил Редактор. — Правда, на Людей они не покушаются, но агрегаты от них всегда страдают. Так, в минувшем году один молодой Поэт ударил палкой БАРСа, когда тот сказал ему, что рифмы «любовь — кровь — вновь — бровь» существуют уже четыреста лет и не являются открытием этого Автора. А в позапрошлом году одна начинающая Поэтесса побила зонтиком МОПСа, когда тот отверг ее стихи.

— Никогда не думал, что в наше время могут процветать столь жестокие нравы, — сказал я. — Какое счастье, что, составляя свою «Антологию», я имел дело не с живыми, а с давно почившими Поэтами!

Тем временем перед нами растворились стеклянные двери, и мы вошли в зал. Тотчас же к нам подошла СЛАВА¹ и ласковым голосом спросила, чем же мы намерены порадовать Отдел поэзии: стихами или поэмой. Узнав, что мы еще не написали стихов, она скромно отошла в сторону.

Я стал разглядывать зал. Посреди этого зала стояли

¹ СЛАВА (Специализированный Логический Агрегат, Встречающий Автор) — механизм XXII века, то же, что в древности — Секретарша.

диваны и кресла, на которых сидели Поэты. Они мирно беседовали меж собой, и жестокости в выражении их лиц я не заметил. По краям зала стояли столы, за которыми сидели БАРСы, ВОЛКи и МОПСы; все эти агрегаты не походили на зверей, имена которых присвоила им Наименовательная Комиссия. Это были обыкновенные специализированные механизмы, довольно хрупкие и безобидные на вид. ТАНКи тоже отнюдь не напоминали собой эти древние орудия убийства. Тем грустнее было мне увидеть над столами некоторых из этих агрегатов воззвания, свидетельствующие о том, что эти беззащитные механизмы порой подвергаются грубому обращению и даже побоям. Так, над МОПСом висел стишок, сочиненный, возможно, им самим:

Я — всего лишь агрегат,
Не причина бед.
Бедный МОПС не виноват,
Если плох поэт.

Над БАРСом висело четверостишие, написанное классическим ямбом:

Поэт! Ты юноша, иль дева,
Иль старый деятель стиха, —
Не бей меня в порые гнева,
Да будет скорбь твоя тиха!

— А что означает эта надпись на стене: «Просьба подавать агрегатам чтение рукописи без металлических скрепок»? — спросил я провожатого.

— Эта надпись появилась после одного прискорбного недоразумения, — поведал мне Редактор. — Однажды некий Поэт дал на чтение ВОЛКу лирическую поэму, листы которой были соединены скрепками из намагниченного железа. ВОЛК, прочтя произведение, нашел его гениальным и немедленно побежал

с ним к Редактору-Человеку. Тот же не обнаружил в поэме никаких достоинств. Оказалось, что намагниченное железо внесло путаницу в электронную схему ВОЛКа. После этого ВОЛК-27 стал считать всех Поэтов гениями, и его пришлось демонтировать.

— Надеюсь, что Поэт не намеренно совершил свой ужасный проступок? — спросил я.

— Поэт тут не виноват, — успокоил меня мой прожогатый. — Он работает в лаборатории, где имеют дело с магнитами.

Не решаясь злоупотреблять далее любезностью моего спутника, я сказал ему, что в дальнейшем осмотр зала я продолжу один, — и он ушел. Я же вмешался в толпу Поэтов, и, когда один из них подошел с рукописью к МОПСу, я последовал за ним.

МОПС очень быстро прочел рукопись и начал ее комментировать. Очевидно, от многократного общения с Поэтами и плохими стихами он давно разучился говорить прозой. Произносил он свою речь-рецензию нараспев, мягким баритоном, стараясь не обидеть Автора:

Стихи — сплошная вата, рифмовка слабовата,
Читать их трудновато, жалею вас, как брата.
Стихи рациональны, не эмоциональны,
Отнюдь не гениальны, а выводы печальны.
Шепну вам осторожно: печатать их не можно,
Читатель нынче строгий, а стих у вас убогий.
Творить вы не бросайте, но классиков читайте. . .

Я не стал слушать продолжения и подошел к БАРСу, возле которого сидел другой Поэт. БАРС тоже вел литконсультацию стихами:

. . . Поэма «Водопой» суха, и нет в ней музыки стиха;
Она уныла и длинна, отсутствует в ней глубина;
Я очень уважаю вас, но мал в поэме слов запас,
В ней образов удачных нет, хоть вы талантливый Поэт.

С печалью МАВРА¹ вам вернет раздумий ваших мудрый плод,
В печать поэма не пойдет, но вас в грядущем слава ждет. . .

Я отошел от БАРСа и направился к Агрегату по прозвищу ПУМА². Одновременно со мной к этому механизму подошел Человек средних лет и подал довольно толстую рукопись.

— Не посмотрите ли мою книгу «Вздохи и выдохи»? Сто сорок стихотворений.

ПУМА взяла рукопись и моментально прочла ее.

— У ВОЛКА были?

— У всех был. И у Людей, и у агрегатов. Недопонимают, — уныло ответил Поэт.

— «Вздохи и выдохи» можно издать тиражом в один экземпляр, — ласково сказала ПУМА. — Вас это устроит?

— А нельзя ли хоть два экземпляра? — робко молвил малоталантливый Поэт. — И чтобы тираж на последней странице был указан в миллион экземпляров. Или даже больше.

«Какое безобразие! — подумал я. — В старину это называлось «очковтирательством» и «липой». Конечно, ПУМА откажет ему в этой дикой просьбе и сделает соответствующее внушение».

Но каково же было мое удивление, когда ПУМА ответила согласием на просьбу Поэта!

— Ладно, — сказала она. — Издадим «Вздохи и выдохи» условным тиражом в два миллиона и фактически в два экземпляра. Укажите, какую обложку вы предпочитаете, какой формат, какой шрифт и какой сорт бумаги. — С этими словами она подала малоталантливому Поэту папку с образцами:—Выбирайте.

Возмущенный действиями Поэта и агрегата, я по-

¹ МАВРА — Меланхолический Агрегат, Возвращающий Рукописи Авторам.

² ПУМА — Прибор, Утешающий Малоталантливых Авторков.

спешил к Редактору-Человеку Отдела поэзии. Не желая делать неприятность данному Поэту, я задал вопрос в общей форме: бывают ли случаи, когда ПУМА ошибается и выполняет заведомо аморальные требования Авторов? Так, например, может ли она, запланировав тираж в два экземпляра, указать в тексте книги, точнее — в издательских данных, что книга вышла тиражом в два миллиона экземпляров?

К моему удивлению, Редактор ответил, что ПУМА так и программирована.

— Агрегат программирован на ложь! — воскликнул я. — Первый раз слышу такое!

— «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», — процитировал Редактор слова классика. И затем добавил: — Этот обман никому не причинит зла. Поэт обманывает только себя, утешаясь своим обманом. И не надо его огорчать.

— Мне вообще непонятно, зачем издавать книгу, которую никто не будет читать, — сказал я.

— Надо быть терпимым, — проговорил Редактор. — Общество настолько богато, что может издать Поэту книгу, хоть Обществу эта книга и не нужна. Почему бы не доставить радость Человеку!

Признаться, такая логика показалась мне странной, и я ушел от Редактора, нисколько не убежденный им. «Хорошо все-таки, что я не Поэт, — подумал я. — И книга моя выйдет не условным миллионным тиражом, а самым реальным пятитысячным».

ОСТРОВ МОЕГО ИМЕНИ

Зима в том достопамятном году была суровая. Нева стала рано, залив уже в ноябре покрылся прочным льдом, и из моего окна видны были лыжники и

аэробуеры, скользящие по его поверхности. Мы с Надей жили теперь в том же доме, где и мои и Андрея родители, только в другой квартире. Моя «Антология» была сдана в набор, и я ждал корректуру, а тем временем принялся за новый труд — «Писатели-фантасты XX века в свете этических воззрений XXII века». Надя помогала мне в этой работе — разумеется, чисто технически. Ее идеальная память нашла наконец себе должное применение.

Андрея я давно не видел — я знал, что он очень занят, и мне не хотелось ему мешать. Все кругом только и трубили об открытии, совершенном его научной группой и им лично. Поэты сочиняли скороспелые вирши об Андрее и его единомышленниках. Некоторые из них, наиболее безудержные, сравнивали его то с Прометеем, то еще бог весть с кем, — видно, у них был, как говорилось в старину, язык без костей. Газеты посвящали новому техническому открытию целые подвалы с громкими шапками вроде: «Аквалидная цивилизация», «Техническая революция» и т. д. В толстых журналах печатались длинные статьи под заголовками: «Аквалид и Дальние Звезды», «Эра моносырья», «Пересмотр земной экономики». Меня удивляла эта шумиха, она казалась мне несерьезной и преждевременной, поскольку самого-то аквалида еще не было. Но, как говорилось в Двадцатом веке, «на чужой роток не накинешь платок».

Надя уже не раз говорила мне, чтобы я съездил навестить Андрея на Матвеевский остров — остров моего имени. Однако, поглощенный своей новой работой, я все время откладывал эту поездку. Но, как в старину говорилось, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Однажды вечером Андрей навестил меня.

— Я к тебе с просьбой, — начал он с места в

карьер. — Не сможешь ли ты мне пригладить одну статью? Я написал ее для детского научно-популярного журнала, очень просили. Но я не умею излагать свои мысли в общепонятной форме, это у меня коряво получается. Ты прочти, почиркай. Ничего, что я от руки написал? У меня почерк неразборчивый.

— Почерк-то у тебя разборчивый, — ответил я, — но ведь вся эта техническая премудрость мне непонятна.

— Да нет, я тут все без формул изложил, ведь это для детей. Тебе надо только причесать статью стилистически. Ведь у тебя хороший слог.

— Хорошо, я сделаю, что могу; — ответил я. — Но, кстати, почему Нина не взялась за это дело?

— Нина во многом мне помогает, но тут она побоялась быть необъективной. Ей почему-то нравится все, что я делаю. Она сама посоветовала мне обратиться к тебе.

Когда Андрей ушел, я прочел статью — и ничего, признаться, не понял. В ней действительно не было формул, но она изобиловала техническими терминами, таблицами и ссылками на труды всевозможных исследователей. Когда Надя пришла с работы, я дал ей прочесть произведение Андрея, и она сказала, что все понятно, но кое-что надо упростить. С помощью Нади и словарей я заменил наиболее непонятные выражения, пригладил статью стилистически, но смысл ее остался для меня темен.

— Ничего, — улыбнулась Надя. — Дети поймут. Ты просто закоренелый Гуманитарий. Тут все просто до гениальности.

Оригинал этой статьи, написанный рукой Андрея, и поныне находится у меня, а после моей смерти будет храниться в мемориальном музее Светочева.

Когда статья получила мою литературную обработку и я продиктовал ее исправленный вариант МУЗе, Надя сказала мне:

— Почему бы тебе самому не отвезти ее Андрею на остров твоего имени? Твой друг в твою честь назвал остров, а ты на нем не бывал.

— Нет, я завтра отошлю статью почтой, — ответил я. — На острове я хоть и не бывал, но отлично знаю его по телепередачам и фотографиям в газетах.

Надя как будто согласилась с моими доводами.

На следующий день — это был Надин выходной — мы с утра вышли на залив побегать на лыжах. Перед этим мы едва не поссорились, выбирая лыжи.

— Возьми самодвижки, — сказала Надя. — На обыкновенных мне надоело кататься.

— Зачем же брать самодвижки, ведь на заливе нет гор, — резонно возразил я.

— А мне вот хочется на самодвижках!

— Бог с тобой, как в старину говорилось, — согласился я.

Лыжи-самодвижки тогда только входили в моду. Внешне они напоминали обыкновенные пластмассовые лыжи, но в них были вмонтированы микродвигатели. Стоило сильнее надавить каблуком на упор, и они включались. На них удобно было въезжать в гору.

Мы вышли на залив и вскоре очутились у ледяной дороги, ведущей на остров моего имени. По ней двигались элмобили, элциклы — и все в сторону Ленинграда. Мы остановили один из элмобилей и спросили, почему это все едут с острова и никто не едет на остров.

— Разве вы не слышали спецсообщения? — удивился один из пассажиров. — Оно передавалось полчаса тому назад.

— Изгнание из аквалидного рая, — пошутил второй пассажир. — Рай становится опасным.

— Вот как! — засмеялась Надя. — А мы как раз туда.

Она включила лыжи на самоход и помчалась по лыжне, шедшей параллельно ледяной дороге. Пришлось и мне включить самодвижки и догонять ее.

— Надя, ведь это далеко! — воскликнул я, догнав ее. — И ведь все покидают остров.

— Но остров назван твоим именем. Тебя должны пустить на него, — сказала Надя.

— Странная логика, — подивился я. — И потом, уж если ехать на остров, то со статьей, а я ее с собой не взял.

Надя сняла рукавичку и приложила ладонь к своему лбу:

— Статья здесь, не беспокойся.

— Мы рискуем отморозить себе лица, — сказал я. — Смотри, какой сильный встречный ветер.

— И это предусмотрено, — ответила Надя и вынула из кармана куртки две обогревательные маски.

— Надя, значит, ты сознательно пошла на обман! — удивился я. — Ты обдумала эту поездку заранее!

— Милый, да как же иначе можно тебя выманить, — засмеялась Надя. — То ты над своими «фантастами» сидишь, то над СОСУДОМ, а к другу ни ногой. Вот я и подстроила эту поездку.

— И все-таки неплохо обманывать. Помнишь, что мы учили во втором классе: «Малый обман — это тоже обман. И капля и океан едины в своей сути».

— Ну, мой обман — это очень маленькая капля, — улыбнулась Надя.

Вскоре показался Матвеевский остров, и мы увидели, что на льду возле берега через равные интервалы

стоят УЛИССы¹. В своих металлических руках они держали плакаты: «На остров — нельзя, состояние опасности». Это же самое они выкрикивали.

— Вот видишь, мы напрасно явились сюда, — сказал я Наде. — УЛИССы нас не пустят.

— Мы просто пройдем мимо них, — возразила Надя. — Ни один механизм не может применять силу против Людей.

— Нельзя злоупотреблять этим свойством агрегатов, — строго сказал я. — Механизмы — слуги Общества.

— Эвакуация закончена. На остров нельзя, — сказал мне один из УЛИССов, когда я подошел к нему. Но я попросил его найти Андрея Светочева и сообщить о нашем с Надей прибытии. УЛИСС пошел в глубь острова и вскоре вернулся. Рядом с ним шагал Андрей. Он обрадовался нам, но удивленно осведомился: разве мы не слышали чрезвычайного сообщения? Мы ответили, что были в пути. Тогда Андрей сообщил, что завтра начнет действовать Главная Опытная Лабораторная установка по производству аквалида. Как известно, одна из стадий преобразования до сих пор технологически неясна. Только в результате практического опыта будет выяснено, верен ли этот узел технологического процесса. Короче говоря, может произойти взрыв.

— Если произойдет взрыв, значит, аквалид — фикция, мираж? — спросил я.

— Нет. Это будет означать только то, что технологический процесс несовершенен. Другие потом найдут верный путь, учтя эту ошибку.

¹ Напоминаем: УЛИСС (Универсальный Логический Исполнитель Специальной Службы) — старинный механизм доаквалидной эпохи.

— Дорогостоящая это будет ошибка, — сказал я.
— А что Человечеству удалось даром? — возразил Андрей.

. . .

Остров был совсем безлюден. Лишь иногда дороге нам пересекали УЛИССЫ, идущие по каким-то заданиям. Корпуса, башни, какие-то непонятные строения, уступами идущие ввысь, окружали нас со всех сторон.

Толстые трубопроводы, окрашенные яркой светящейся краской, шли от здания к зданию, то стелясь по земле, то взбираясь на высокие фермы.

— Каким большим стал остров! — сказал я. — И сколько на нем настроили!

— Тут весь земной шарик потрудился, — не спеша ответил Андрей. — А завтра от всего этого, быть может, ничего не останется.

— А когда начнется опыт? — спросила Надя.

— Не бойтесь, я не прогоню вас с острова на ночь глядя, — улыбнулся Андрей. — Опыт начнется завтра в десять утра. Вообще-то намечалось начать в два ночи, но пришлось отложить — Нина захворала.

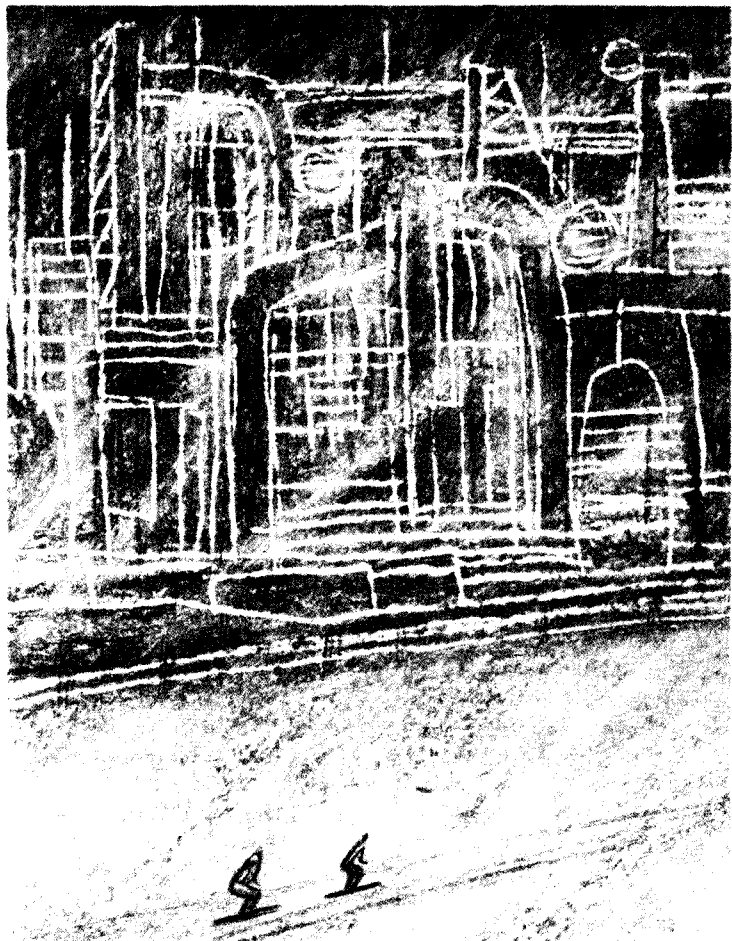
— При чем здесь Нина? — удивился я. — И разве она не эвакуирована на материк?

— Нет. Она захотела быть со мной во время опыта. Поскольку ее решение твердо, она будет сидеть у дубль-пульта. Все равно мне нужен Помощник. А так, в случае аварии, мы сэкономим чью-то жизнь.

— А много было добровольцев, желающих провестись с тобой этот опыт?

— Отбою не было. Замучили меня просьбами.

— Но ведь стоять у этого, как ты говоришь, дубль-пульта, наверно, не так уж просто. Тут, наверно, нужны специальные знания?

— Никаких знаний. Только здоровье, внимание и элементарная грамотность. Не техническая, а просто грамотность. Даже ты, со своей нежной любовью к технике и глубочайшим ее пониманием, справился бы с этим делом, — тяжеловесно пошутил Андрей.

— А что с Ниной? — спросил я.

— Вчера она каталась на буере и не рассчитала, налетела на торос. Ушибла плечо. Сидит теперь дома и глотает порошки, а Врача вызывать не хочет. Боится, что тот эвакуирует ее с острова. Ну вот мы и пришли.

Мы стояли перед одноэтажным пластмассовым домом, в котором жил Андрей. Не стану описывать вам этот дом — вы все его отлично знаете: там теперь филиал мемориального музея А. Светочева.

Мы вошли. Нас встретила Нина. Она очень похорошела с той поры, когда расстался с нею. Правда, она была бледна, но и это ей шло. Плечо у нее, видно, болело сильно, но она крепилась. Я познакомил ее с Надей. С огорчением я заметил, что они друг другу не понравились. Не то чтоб между ними возникла неприязнь — нет, они просто не нашли общего языка. И даже когда Надя на память продиктовала исправленную мною статью Андрея, Нина нисколько не восхитилась ее феноменальной памятью. Сама же статья понравилась и Нине и Андрею.

После ужина Надя сразу же ушла спать в отведенную нам комнату. Нина осталась в столовой-гостиной, а мы с Андреем пошли в его рабочую комнату. Он занялся за какие-то чертежи и таблицы, я же принялся рассматривать его альбом с марками. Это длилось довольно долго.

— Иди-ка лучше спать, — сказал я Андрею, — утро вечера мудреней. И потом есть такая старинная поговорка: перед смертью не надышишься. Только не пойми ее буквально.

— Ты завтра увези этот альбом с собой, — проговорил Андрей. — Если что-нибудь со мной случится — бери себе. А если все будет в порядке — верни. Чур, не зажиливать!

— Ладно, возьму, так и быть, — ответил я. — И честно верну. Очень нужны мне твои аляповатые зверюшки!

— От портретника слышу! Бей портретников! — Он вскочил со стула, схватил с дивана подушку и ударил меня по голове. Я схватил другую подушку — и началась катавасия, как в старину говорилось.

— Развозились, как маленькие! — с притворной строгостью сказала Нина, войдя в комнату. — Весь дом трясется.

— Не мешай, Нина, идет бой между добром и злом! — крикнул Андрей, принимая мой очередной удар подушкой и пытаясь нанести мне ответный.

В это время кто-то постучал в наружную дверь. Я сразу догадался, что это какой-нибудь механизм: Люди имели право входить без стука.

— Можно, — сказал Андрей, выходя в прихожую.

Дверь открылась, и в клубах морозного пара появился УЛИСС.

— Срочное сообщение, — изрек он. — В суперреакторе номер три обнаружил неполадку типа альфа триста двадцать один.

— С этим надо обращаться к ЭЗОПу¹, — строго сказал Андрей. — Сколько раз говорил, что вопросы, степень важности которых ниже градации В, меня не интересуют.

¹ ЭЗОП (Электронный Заместитель Организатора Производства) — довольно совершенный для своего времени агрегат. Впоследствии заменен ЭЗОПом-2.

— Выслушал. Иду к ЭЗОПу, — бесстрастно ответил УЛИСС и вышел, аккуратно закрыв за собою дверь.

— Удивительно бестолковы эти УЛИССы, — посетовал Андрей. — Горе мне с ними. И когда наконец мы избавимся от этой допотопной техники!

Не прошло и минуты, как наружная дверь снова открылась и в прихожую без стука вошел другой агрегат. Он был невелик — ростом с десятилетнего ребенка; за плечами его поблескивали сложенные крылья.

— Почему вы вошли без стука? — строго спросил я его. — Много воли вашему брату-агрегату дают!

— Мне разрешено без стука, — с некоторой обидой ответил механизм и затем, обратясь к Андрею, сообщил: — Накопление субстрата идет нормально. Но в главном корпусе, в узле дельта сто семнадцать обнаружил неполадку типа А двадцать один.

— Сейчас иду, — ответил Андрей. — Затем, обратясь ко мне, сказал: — «Это ЭРОТ² — новинка нашей техники. Ему разрешено входить без стука. А ты не хочешь посмотреть Главный корпус?»

— Почему же нет, охотно посмотрю, — с готовностью ответил я, чтобы не огорчать Андрея.

— Я тоже, пожалуй, пройду с вами, — сказала Нина. — Похожу — может, и плечо пройдет.

— Ничего себе способ лечения, — молвил я, небрасывая Нине на плечи синтемовую шубку. — Медицина на уровне шаманов. Тебе надо просто вызвать Врача.

Но она пропустила мои слова мимо ушей — это было в ее духе.

¹ ЭРОТ (Электронный Разведчик Облегченного Типа) — один из наиболее совершенных агрегатов доаквалидной эпохи. Ныне на Земле не применяется, но в измененном и усовершенствованном виде, выполненный из аквалида, работает на радиоактивных плато Марса.

Мы вышли из дому на мороз. Красный вращающийся прожектор горел на мачте, и весь остров был залит красноватым тревожным светом. Впереди нас молча шагал странный агрегат со сложенными крыльями. В нем чувствовалась какая-то неприятная самостоятельность, даже самоуверенность.

— Мы отлично знаем дорогу, — сказал ему Андрей, — а вот в Главном корпусе надо включить свет.

ЭРОТ легко оттолкнулся от земли, расправил крылья и полетел. Вскоре в Главном корпусе зажглись окна.

Когда мы вошли в это здание, меня поразила его величина; снаружи Лаборатория не казалась такой большой. Огромный, ярко освещенный зал уходил вдаль. По обеим сторонам прохода стояли какие-то чудовищные машины и сооружения. У приборов, следя за циферблатами, молча стояли дежурные УЛИССы. Вверху, под прозрачной крышей, где переплетались тысячи кабелей и трубопроводов, беззвучно летали два ЭРОТа.

Андрей пошел в дальний конец зала, и вскоре его не стало видно, он совсем затерялся в этом механизированном пространстве.

Нина подвела меня к столу-пульту, на котором было множество цветных кнопок, и села в кресло.

— Вот здесь я завтра буду работать, — беспечно сказала она. — Буду нажимать кнопки.

— А ты не запутаешься? — спросил я.

— Нет, ведь есть схема. — Она вынула из выдвижного ящика большую, наклеенную на картон таблицу. — Вот здесь все показано. Ребенок — и тот не спутает.

Действительно, на таблице были изображены те же самые кнопки, что и на пульте, и указано время, когда надо нажимать на каждую из них.

- А это что за большая красная кнопка?
— Это кнопка критического перепада. Та самая.
— И ты нажмешь ее?
— Нажму, — улыбнулась Нина.
— У тебя совсем больной вид, — сказал я. —
Очень болит плечо?
— Побаливает, — неохотно призналась она. — Но
завтра все пройдет.
— А если не пройдет?
— Тогда придется вызывать Добровольца. Но я все
равно останусь на острове.

КРАСНАЯ КНОПКА

- Утром меня разбудила Надя.
— Вставай, иди завтракать. Я уже позавтракала.
Скоро нам надо отправляться домой.
Я встал, глянул в окно. За ночь потеплело, шел
снег. На фоне ярко-желтой башни отстойника он был
хорошо виден. Уже рассветало, но тревожный красный
свет вращающегося прожектора по-прежнему падал
на остров моего имени. Было очень тихо.
За завтраком я внимательно смотрел на Нину.
У нее был совсем больной вид. Я так прямо и сказал
ей об этом, но она промолчала.
— Да, придется вызывать Добровольцев и выби-
рать из них наиболее подходящего, — молвил
Андрей. — Выбрать такого не особенно трудно — был
бы Человек с крепкими нервами.
— А я? — обратился я к Андрею.
— Что ты? — удивился Андрей.
— Я и есть такой Человек. Правда, не слишком
технически грамотный, но с крепкими нервами.

— А ты представляешь, как это рискованно? — тихо спросил Андрей.

— Ну представляю... Но почему кто-то другой должен рисковать, а не я? Ведь естественнее пойти на это именно мне. Как-никак — мы с тобой друзья.

Андрей задумался. Потом сказал:

— Ты меня устраиваешь даже больше, чем кто-либо другой. Ведь пульта отстоят далеко один от другого, а с тобой мы можем вести мыслепередачи. Это удобнее радио- и телесвязи и удобнее, чем телефонная связь.

— Вот все и устроилось, — сказал я Нине. — Ты спокойно можешь лететь в Ленинград вместе с Надей.

В это мгновение без стука открылась дверь. Вошел ЭРОТ. На его сложенных крыльях блестел снег. Снег таял и стекал на пол.

— Явился по распоряжению ЭЗОПа, — сказал агрегат. — Емкости заполнены субстратом. Через двадцать три минуты необходимо вводить в действие систему «А».

— Принял и понял, — ответил Андрей.

ЭРОТ вышел, оставив на полу влажные следы.

«Не потрудился даже отряхнуть с себя снег перед тем как войти к Людям, — подумал я. — До чего специализирован, до чего избалован!»

Я пошел в отведенную нам с Надей комнату и объяснил Наде, в чем дело. Узнав о моем решении, она заплакала. Затем спросила:

— Но ты веришь, что все обойдется благополучно?

— Сказать по правде — не очень, — ответил я. — Андрей — неудачник. До этого у него были неудачи маленькие, средние и большие. Теперь, вероятно, его ждет полное крушение. Но когда у друга беда, надо быть с ним рядом.

— Да, ты прав, — сказала Надя сквозь слезы. — Но я верю, что все кончится хорошо.

— Будем надеяться, — ответил я. — Если же со мной что-либо случится, то постарайся, чтобы работу над СОСУДОМ продолжил достойный преемник. Что касается корректуры «Антологии», то все надежды я возлагаю на тебя и на твою память.

Вскоре прибыл легколет. Надя улетела на нем одна. Нина лететь отказалась, несмотря на то что присутствие ее на острове моего имени было теперь не только не обязательно, но и просто бессмысленно.

Когда Надя села в кабину рядом с ЭОлом, я шепнул ей:

— Пожелай нам удачи.

— Ни пуха ни пера, — громко сказала Надя.

— Убирайся к черту! — ответил я.

Нина с Андреем удивленно посмотрели на меня.

— Это так полагается, — пояснил я им. — В данном случае это не ругательство, а нечто вроде заклинания.

Вскоре мы с Андреем отправились в Главную Лабораторию, а Нина пошла домой. Она решила прилечь. Выглядела она совсем неважно.

. . .

Без десяти минут десять я сел за дубль-пульт. Андрей пошел в другой конец огромного зала, чтобы занять место у главного пульта.

В 10.00 я включил первую кнопку. Она была зеленого цвета. Весь зал наполнился глухим вибрирующим гуденьем. УЛИССы, стоящие у приборов, на минуту подняли вверх металлические руки — в знак того, что системы действуют нормально. ЭРОТ легко спланировал откуда-то из-под стеклянной крыши, где извивались бесчисленные трубопроводы и кабели, и,

встав на мгновение перед пультом, расправил крылья, которые светились зеленоватым светом.

— Неполодок в узлах нет, — доложил он и опять взвился вверх.

Затем из круглого люка в полу выполз механизм, какого я никогда и не видывал. Он был облицован пластмассовой чешуей и полз, как змея. На хвосте у него был крючок. Плавно извиваясь, подполз он к подножию пульта и поднял голову; за металлической обрешеткой головы светился круглый зеленый глаз.

— Подземное хозяйство в порядке, — отрапортовал агрегат-змея. — Вводы силовых кабелей в порядке, контакты группы бета в порядке. Распоряжений нет?

— Раз все в порядке, то какие могут быть распоряжения, — резонно ответил я. — Можете ползти обратно.

Через восемь минут после включения первой кнопки я, согласно лежащей передо мной схеме, нажал вторую — белую. Гуденье в зале перешло в другую тональность. За хрустальным щитком какого-то огромного агрегата, вмонтированного в пол неподалеку от пульта, заметались синие молнии.

В эту минуту я услышал мыслесигнал Андрея.

— Ну как? — поинтересовался Андрей.

— Все в порядке, — ответил я. — В этой работе действительно нет ничего сложного. Я не против нее, но удивляюсь, почему ты не поручил это дело какому-нибудь там ЭРОТу или УЛИССу.

— Дело слишком ответственное, — ответил Андрей. — Человек — это Человек, а агрегат — только агрегат.

— Мне вообще не совсем понятен этот принцип дуближа, — сказал я. — Ведь у тебя точно такой же

пульт и те же самые кнопки, что и у меня. Только не подумай, что я хочу уйти на попятный двор, как в старину говорилось. Просто мне это странно. Или это перестраховка? Было в древности такое понятие.

— Не престаховка, а страховка, — ответил Андрей. — Процесс преобразования, как я тебе говорил, длится сорок пять часов тридцать девять минут. За это время кто-то из нас может устать, сделать ошибку из-за невнимания. Но так как нас двое, то ошибка почти исключена.

— Что ж, один ум хорошо, а два лучше, — согласился я. — А скажи, как называется агрегат-змея, который ко мне приползал?

— ПИТОН¹, — ответил Андрей. — Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

В 10.27 я нажал третью—синюю—кнопку. В 10.49 — желтую. В 11.04 какую-то полосатую. Все шло как по маслу — по старинному выражению. Между нажатием некоторых кнопок интервалы были всего шесть — восемь минут, но были в сорок минут и в час десять. В один из таких перерывов я успел сходить в душ, в другой — успел пообедать с Андреем. Время от времени прямо к пультам подходил САТИР² и приносил еду и горячий чай. Изредка мы вели мыслепередачи с Андреем, подбадривая друг друга. Так прошел день, и так прошла ночь.

— Сутки отдежурили, поздравляю! — сообщил мне Андрей в десять утра.

— День да ночь — сутки прочь, — ответил я старинной поговоркой. — Как ты себя чувствуешь?

¹ ПИТОН (Подземный Исследователь-Техник, Обнаруживающий Неполадки) — старинный агрегат, давно снят с производства.

² Напоминаем читателю: САТИР (Столовый Автомат, Терпеливо Исполняющий Работу) — примитивный агрегат начала XXI века.

— Хорошо, — ответил Андрей, — А ты?

— Тоже хорошо. А как Нина?

— Сейчас говорил с ней и видел ее по видеофону. Лежит. По-видимому, у нее не только сильный ушиб, но и простуда.

— Отправь ее, пока не поздно, на материк, — дружески посоветовал я.

— Да разве она послушается! — ответил Андрей. — Ты же знаешь ее... Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

Прошел и этот день, наступила вторая ночь нашего бдения. Было нажато уже много кнопок самых различных цветов и оттенков. В 2 часа 5 минут ночи я нажал черную кнопку. Следующая была красная — та, от которой зависело многое. Ее надо было нажать через двадцать пять минут после черной.

— Ну как? — спросил меня по мыслепередаче Андрей. — Как ты себя чувствуешь? Не страшно?

— Страшновато, — ответил я. — Но что ж поделаешь.

— Мне тоже страшновато, — сказал Андрей. — Желаю счастья. Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

Я не слышал, как к пульту подошла Нина. Она была бледна, но даже бледность ей шла. Удивительное дело — ей все шло.

— Хочу посмотреть, как вы тут, — сказала она, легким движением сбросив на барьер пульта шубку.

— Ты выбрала самое подходящее время, — не без иронии заметил я. — И какое на тебе нарядное платье! Точно на бал.

— Еле напаялила его, так плечо болит, — улыбнулась Нина. — Но как-никак — торжественный случай. А у тебя тут все в порядке?

— Все в норме.

— И змей-горыныч приползал?
— Ты имеешь в виду ПИТОНА? Приползал.
— Он очень смешной. Раз я нацепила ему на хвост бумажку, он так с нею и уполз в свое подземелье.
— Нехорошо издеваться над механизмами, — сделал я замечание Нине. — Механизмы служат Обществу.
— А ты все такой же.
— Уж какой есть, — ответил я.
— Ну, до свиданья, — Нина перегнулась через барьер и торопливо поцеловала меня. — Вот так. Будь счастлив.

Она пошла по голубоватым плиткам пола в другой конец зала к Андрею. Легкой походкой, в ярком оранжевом платье проходила она мимо УЛИССов, настороженно стоящих у непонятных мне приборов, мимо этого дьявольского нагромождения техники, — мимо всего того, что через несколько минут могло нас убить.

Но пришло время нажать красную кнопку. Я положил на нее палец и подумал: что я сейчас почувствую? Наверно, ничего не почувствую. Все произойдет мгновенно. В таких случаях напоследок люди всегда вспоминают что-то очень важное — так я читал в книгах. Что мне надо вспомнить — Надю, «Антологию»?

Я нажал красную кнопку и вспомнил в этот миг Нину. Вот она стоит у невысокого песчаного обрыва, отражаясь в тихой воде озера...

АКВАЛИД — ЕСТЬ!

Кнопка была утоплена мною в гнезде до конца. Но ничего не произошло. Только гул в зале стал громче. Он шел волнами, то замирая, то нарастая. Казалось,

все эти бесчисленные агрегаты с трудом, задыхаясь, лезут куда-то в гору. УЛИССы, стоящие у приборов, подняли на минуту свои металлические руки в знак того, что все в порядке. Из стеклянного поднебесья слетел ЭРОТ и, расправив крылья, отрапортовал:

— Узлы системы омикрон-два вступили в действие. Неполодок нет.

Затем ЭРОТ улетел, а из люка выполз змей-горыныч и сообщил, что подземное хозяйство в порядке.

Я связался с Андреем по мыслепередаче и поздравил его с тем, что опасность миновала.

— Да, теперь все ясно, — ответил он. — Аквалид будет. Ты очень устал?

— Потерплю, — сказал я. — Ведь осталось всего четыре часа.

Через некоторое время я, согласно графику, нажал синюю кнопку, затем голубую. И вот в 7.39 утра была нажата последняя — белая с зеленым восклицательным знаком. После этого я откинулся на спинку кресла и задремал под негромкий гул агрегатов — этот гул был теперь ровным, убаюкивающим. Потом, сквозь дрему, я различил какие-то новые звуки. Где-то далеко, в середине зала, что-то падало через равномерные промежутки времени — падало с каким-то не то металлическим, не то стеклянным звоном. И вдруг я почувствовал, что кто-то коснулся моего плеча. Я открыл глаза. Передо мной стояла Нина.

— Вставай, соня, — сказала она. — Аквалид пошел!

— Кто пошел? Куда пошел? — не понял я спросонок.

— Ах, да идем же! Какой ты чудак!

Я окончательно проснулся, поглядел на Нину и увидел слезы в ее глазах.

— Что-нибудь опять неладно? — спросил я. — Ты плачешь.

— Да нет же, все чудесно. Я так рада за Андрея! Уж и поплакать нельзя. . .

— Ну, плакать надо было раньше, — резонно заметил я. — Часа так четыре назад. — И, встав с кресла, пошел следом за Ниной.

Мы долго шли по залу, затем свернули в какой-то закоулок. Здесь у стены стояли сменившиеся УЛИССы, — они будто спали стоя. Смежив крылья и прислонившись к могучим УЛИССам, словно малые дети, спали ЭРОТЫ. У их ног с потухшими линзами, без движения лежали ПИТОНЫ.

— Сонная семейка, — сказала Нина и походя дала щелчок ЭРОТУ — прямо по лбу. Я хотел было сделать ей замечание и напомнить, что механизмы — слуги Общества и их надо уважать, но промолчал. Я знал, что она просто засмеется в ответ. Такой уж был у нее характер.

Мы шли по направлению к тем ритмичным звукам, к звонким ударам падения, которые я слышал сквозь сон еще у пульта. Звуки эти все приближались. Вот мы свернули в коридор между какими-то машинами, и я увидел Андрея. Он осунулся, глаза ввалились. У него был вид безумного. Он стоял перед большим агрегатом, а из квадратной пасти этого агрегата в металлический ящик, стоящий на полу, со звоном падали какие-то кирпичики, похожие на лед. Один такой брусок был у Андрея, и он его перебрасывал с руки на руку, словно боясь отморозить пальцы. У меня мелькнула мысль, что все это сплошная ошибка, что вместо своего пресловутого аквалида Андрей получил самый обыкновенный лед. Боясь высказать эту мысль, я нагнулся и схватил брусок. Но, схватив, я тотчас же выронил его. Брусок обжег мне пальцы. Он тяжело, с глухим звоном упал на пол — и не разбился.

— На, возьми мой, он уже остывает, — глухо сказал Андрей и сунул мне в руку свой кирпичик. Я взвесил его на руке — он был весьма тяжел. Потом оглядел его со всех сторон. Это было похоже и на лед, и на полупрозрачный металл, и на стекло, а вообще-то говоря, — ни на что не похоже.

— Значит, это и есть аквалид? — спросил я.

— Да. Это аквалид градации «А». Можно получить всякие другие разновидности, с другими свойствами. Но пока будем испытывать этот. Сейчас пойдем к КАИНу¹. За ним будет последнее слово.

По крытому переходу мы направились в соседнее здание. Стены перехода были прозрачные. За ними лежали сугробы. На них ложился зеленый свет вращающегося прожектора. Состояние опасности кончилось.

Мы вошли в зал, посередине которого возвышался огромный агрегат. Он уходил далеко в глубь зала, нам видна была только его лицевая сторона с двумя круглыми большими циферблатами. Над ними белел телеэкран, а внизу чернело квадратное отверстие. Все это напоминало лицо какого-то сердитого великана.

— Сейчас КАИН не пожалеет силы, — сказал Андрей и швырнул брусок аквалида в квадратную пасть агрегата. Тот глухо заурчал, потом взревел, я ощутил, как пол дрожит у меня под ногами. Два циферблата зажглись красным огнем. На телеэкране стало видно, что происходит с бруском в чреве КАИНа.

На брусок спускались стальные молоты, в него пытались вонзиться алмазные сверла, его схватывали

¹ КАИН (Катастрофический Агрегат Испытания Надежности, — был весьма нужен для своего времени, но утратил значение с открытием аквалида. Ныне экспонируется в мемориальном музее Светочева.

клещи из сверхтвердых сплавов. КАИН то раскалял брусок, то бросал его в жидкие газы, охлажденные почти до абсолютного нуля. Он погружал его в кислоты и щелочи, вталкивал его во взрывную камеру, подвергал губительным излучениям. Стрелка правого циферблата, показывающая силу испытания, все время дрожала на красной черте. Но стрелка циферблата, показывающего степень разрушения материала, по-прежнему стояла на белой черте, не подвигаясь ни на микрон.

Испытание длилось долго. Наконец КАИН взревел, словно в злобе на свое бессилие, и умолк. Из его пасти на пол упал брусок. Андрей поднял его. Аквалид был точно такой же, как до испытания. На нем не было ни единой царапины.

— Вот теперь можно сообщить на материк, что аквалид есть, — сказал Андрей.

После этого мы пошли в столовую, расположенную в центре острова моего имени. Втроем сели мы за столик в огромном пустом зале. Здесь было очень тихо, и от усталости, от необычности всего происходящего мне вдруг показалось, что я просто сплю и вижу сон. Мне захотелось ущипнуть себя, чтобы проснуться и очутиться в своем кабинете, где на столе лежат рукописи и записи для СОСУДа, где на полках стоят привычные ряды книг. . .

Но вот к столику подошел САТИР и остановился ожидая распоряжений, и я убедился, что все это явь.

— А не выпить ли нам шампанского? — сказал Андрей. — Что-что, а бутылку шампанского мы заслужили.

— Сейчас доложу САВАОФу, — произнес САТИР.

Он ушел, а я намекнул Андрею, что этак и Чепьювином стать недолго — один раз шампанское, другой раз шампанское, а там и кое-что покрепче.

— Другого такого раза не будет, — ответил Андрей. — Аквалид есть, больше мне открывать нечего... — В его голосе мне послышалась тайная грусть, будто ему стало жаль, что все уже сделано.

К столику вернулся САТИР, неся бокалы и фрукты. Следом за ним грузно шел сам САВАОФ, торжественно неся бутылку. Он лично раскупорил ее и налил вино в наши бокалы. Мы сдвинули бокалы и слегка ударили их друг о друга («чокнулись», как в старину говорилось) и только потом выпили.

Когда мы покинули столовую, я попрощался с Ниной и Андреем и вызвал легколет. Я знал, что здесь мне больше делать нечего, сейчас нахлынут Журналисты, Корреспонденты, Ученые. Объясняться с ними — дело Андрея.

Было уже совсем светло, и, когда я летел к Ленинграду, я видел, что вся дорога на остров теперь забита элмобилями. Масса людей, неся приветственные плакаты, шла к Матвеевскому острову, увязая в глубоком снегу, но упорно продвигаясь вперед. Такого множества людей я никогда не видел.

Вернувшись домой, я завалился спать и проспал четырнадцать часов.

КОРАБЛЬ ПРИСПУСКАЕТ ФЛАГ

Все последующие месяцы, вплоть до июля, я усиленно работал над новым своим литературно-исследовательским трудом «Фантасты XX века». Мои Читатели, впоследствии ознакомившиеся с этой значительной (смею думать — не только по объему) книгой, едва ли поверили бы, что это монументальное исследование я создал за столь короткий срок.

Всецело поглощенный работой, я за все эти месяцы не разу не смог побывать у Андрея на острове моего имени. Впрочем, я отлично знал, что друг мой жив и здоров. Стоило включить телевизор или развернуть газету — и сразу можно было наткнуться на его имя. Эпоха аквалида уже началась. Во всем мире строились заводы по производству единого материала, и Андрей работал над упрощением и усовершенствованием технологического процесса.

Однажды, совершая прогулку, мы с Надей остановились у памятника творцу Закона Недоступности — Нилсу Индестрому. Памятник высился все такой же мрачный, но медная доска с формулой Закона была с пьедестала снята, ибо Закон этот был опровергнут Светочевым. В таком виде памятник стоит и поныне.

В школах и институтах вводился курс аквалидоведения. Свертывалась металлургическая промышленность. Открывались массовые курсы по переквалификации Metallistov, Kерамиков, Химиков, Строителей, Деревообделочников и многих других специалистов. К счастью, мне не надо было менять своей профессии.

В конце июня вышла из печати моя «Антология». С прискорбием должен сказать, что она не встретила достойного отклика. Многие журналы сделали вид, что не заметили ее, в других же появились небольшие статейки, которые никак нельзя было назвать объективными и доброжелательными. Их авторы с энергией, достойной лучшего применения, обвиняли меня в узости взглядов, в одностороннем подборе материалов, в том, что якобы я обедняю поэзию XX века. Но так или иначе «Антология» вышла в свет, и я был весьма доволен этим крупным событием, оставив на совести Критиков их недостойные нападки на мой капитальный труд.

Накануне того достопамятного и печального дня, о котором пойдет речь в этой главе, Андрей связался со мной по мыслепередаче и пригласил меня на следующий день к себе, на остров моего имени. Он сообщил, что будут производиться испытания подводного тоннелепрокладчика. Не желая огорчать друга своим отсутствием, я согласился, хоть мне был дорог каждый час.

Встав на следующее утро, я не пожалел, что принял приглашение Андрея. Погода была прекрасная, на небе — ни облачка. Простившись с Надей (она в этот день не могла сопровождать меня) и взяв портфель, где лежал экземпляр «Антологии» с дарственной надписью Нине и Андрею, я вышел из дому и направился к берегу, до которого от моего жилища рукой подать. Здесь, спустившись на бон лодочной станции, я выбрал себе голубую электромоторку и стал отвязывать ее от причала.

В этот миг ко мне подошел дежурный САМСОН¹. Предостерегающе прогудев, он поднял правую руку, и на металлической ее ладони зажегся красный огонек. Это был знак запрета. Другой рукой САМСОН указал мне на берег, точнее — на кабинку, где находилась электронная метеокарта. Я поглядел на небо, на горизонт. Нигде не было ни единого облачка. Приходя к выводу, что САМСОН ошибся, я отвязал конец и сел в лодку.

Уважаемый Читатель! Никто никогда не мог обвинить меня в невыполнении каких-либо правил, и ко всем механизмам я всегда относился с должным уважением, памятуя, что они слуги Общества. Но с этим

¹ САМСОН (Самодвижущийся Агрегат Метеорологической Службы Общественного Назначения) — старинный агрегат, считавшийся несовершенным уже в дни молодости Автора.

САМСОНом № 871 у меня были личные счеты. Еще в дни моего безмятежного детства этот САМСОН № 871 не раз портил мне настроение, запрещая садиться в лодку при малейшем волнении на море. Уже и тогда этот агрегат был стар и бестолков, а даром речи он вообще снабжен не был. Теперь же он стал еще и подслеповат и часто принимал взрослых за детей. Поэтому я решил пренебречь его сигналами и, включив двигатель, отчалил от берега.

Увидев, что я его не послушался, САМСОН забегал по бону, тревожно гудя и все время поднимая руку с красным огоньком, а другой тыча в сторону будки с метеокарты. Но я вовсе не желал, чтобы мой свободный день, единственный за несколько месяцев, был испорчен из-за старческой строптивости, а возможно, и личной неприязни ко мне этого САМСОНа № 871. Все дальше и дальше уходил я от него в залив, задав курс электромоторке на остров моего имени.

Море лежало передо мной гладкое, словно лакированное, без единой морщинки и очень пустынное. Ни одного корабля не заметил я ни вблизи, ни у черты горизонта. Я не придавал этому значения, целиком занятый своими мыслями. А следовало бы обратить на это внимание!

Когда я подходил к острову, подул легкий ветерок с юго-юго-запада. Мне показалось это даже приятным — слишком жарко было до этого. Привязав лодку, я вступил на остров моего имени. Меня удивило, что он безлюден. Остановив проходящего мимо УЛИССа, я спросил, где же все люди.

— Все на испытаниях. Все на испытаниях, — ответил УЛИСС.

Я начал расспрашивать его, где проводятся испытания, но этот малосообразительный детина все вре-

мя сыпал какими-то терминами, а толком объяснить ничего не мог. Я отпустил его и поманил к себе пролетавшего мимо ЭРОТа — я знал, что эти потолковее. Действительно, ЭРОТ снизился, сложил крылья и встал передо мной как лист перед травой, как говорили наши прадеды, и довольно толково объяснил, что все люди сейчас находятся на Опытном поле, где скоро начнутся испытания НЕПТУНа¹.

Боясь заплутаться среди всех этих корпусов, башен и иных непонятных сооружений, я попросил ЭРОТа указать мне дорогу, что тот и исполнил. Он полетел впереди меня, и через некоторое время я очутился на большой немощеной площади, которая находилась на отнятом у моря пространстве за зданием Главной Лаборатории. На площади толпилось много народу, а посреди нее возвышалось зеленоватое чудовище метров пятнадцати в длину и метра четыре высотой.

— Это и есть пресловутый НЕПТУН? — спросил я какого-то Человека.

— Да, это НЕПТУН.

Тогда я поблагодарил ЭРОТа за внимание и отпустил его лететь по своим делам, а сам, лавируя среди зрителей, подошел к НЕПТУНу поближе.

Агрегат напоминал гигантскую ящерицу, только без ног. Сделан он был из аквалида. Все тело чудища было усеяно маленькими круглыми отверстиями, а внизу, у самого брюха, виднелось нечто, напоминавшее жабры. Туловище оканчивалось гибким плоским хвостом на валиках. Здесь, на хвосте, был расположен небольшой пульт с кнопками, циферблатами прибо-

¹ НЕПТУН (Новейший Единоматериальный Подводный Тоннелепрокладчик Учебного Назначения) — первый агрегат подводного типа. Ныне экспонирован в музее Светочева.

ров и прочей премудростью, а дальше шло несколько рядов сидений — нечто вроде скамеечек, на трех человек каждая. В целом НЕПТУН произвел на меня большое впечатление. Конечно, нынешние подводные агрегаты куда больше, но ведь это был первый агрегат такого типа.

Вскоре я увидел Андрея. В сопровождении Ученых и Журналистов он вышел из-за противоположной стороны НЕПТУНа и подошел к пульту, что-то объясняя своим спутникам. Лица многих из этих Людей были мне хорошо знакомы по книгам, газетам, журналам и телепередачам. Здесь находились все научные светила нашей Планеты, а также несколько знаменитых Космонавтов; причина их интереса к этому подводному чудищу, признаться, была мне тогда не вполне ясна.

При появлении Андрея послышались приветственные возгласы, толпа зрителей зашевелилась, и получилось как-то так, что я очутился в первом ряду. В эту минуту Андрей, оторвав взгляд от пульта, выпрямился и поглядел на зрителей. Тут наши взоры встретились. Выйдя из окружения Ученых светил, Андрей подбежал ко мне, схватил за руку и подвел к НЕПТУНу. Здесь он представил мне своих коллег и затем отвел меня к пульту.

— Ты как раз вовремя, — сказал он. — Сейчас побываешь под водой — и не промокнешь. Будем испытывать агрегат. А что у тебя в портфеле?

Я пояснил ему, что в портфеле лежит экземпляр моей «Антологии» с дарственной надписью. Но я хотел вручить книгу сразу им обоим — и Нине и ему. А где Нина?

— Полчаса тому назад уехала на островок номер семь проверить записи приборов.

— А скоро она вернется?

— Часа через полтора. Я нарочно послал ее на этот островок. Она хотела покататься на лодке вокруг нашего острова, а я ей сказал: «Уж если хочешь покататься, то поезжай на островок номер семь, сними показания».

— Там что, важные какие-нибудь приборы?

— Вовсе нет. Просто она очень устала от гостей. Пусть отдохнет от них, побудет подольше в море. Одолевают нас гости.

— Но разве ей не интересно присутствовать на испытании НЕПТУНа? Или это, быть может, небезопасно?

— Абсолютно безопасно. На испытаниях она уже была. Третьего дня наша научная группа провела негласное испытание. А сейчас будет показательное — для всех.

Меж тем легкий ветерок, который я едва ощущал по прибытии на остров моего имени, стал сильнее. С юго-юго-запада надвигалась туча. Какая-то смутная тревога закралась в мою душу. Я вспомнил, как противился САМСОН № 871 моей поездке. Он предвидел бурю! Как же я мог не поверить ему!

— Андрей! Бежим к спасательному катеру! Срочно отмени испытания! — крикнул я своему другу.

Андрей побледнел — видимо, мое волнение передалось ему, и он почувствовал, что с Ниной что-то неладно.

— Объясните всем, что испытания НЕПТУНа откладываются, — тихо сказал он Лаборанту.

Мы побежали к пристани. Здесь дежурный САМСОН № 223 поднял руку с красным огоньком на ладони и не хотел пустить нас на спасательный катер. Но нам было не до САМСОНа. Мы отчалили, включив двигатель на полную мощность и дав приборам курс на островок номер семь.

— Вот тут обычно стоит наша лодка, вот у этой пристаньки, — сказал Андрей, показывая на маленький причал возле дома. Здесь нет САМСОНа, а то он бы не пустил Нину в залив.

Меж тем ветер крепчал. По заливу шли волны. Стало темно.

— Я сам послал Нину навстречу этой погоде, — сказал вдруг Андрей. — Когда я посоветовал ей поехать на островок номер семь, я сидел за рабочим столом, а за моей спиной была электронная метеокарта. Я даже не обернулся, не посмотрел, какая ожидается погода на ближайшие часы. Небо с утра было такое ясное...

Увы, небо перестало быть ясным. Ветер все нарастал. По морю шли уже не волны, а валы. Наш катер бросало, он зарывался носом в воду, вода перхлестывала через фальшборт на палубу. Капли дождя и брызги, летя почти по горизонтали, колотили лицо.

— Я вызову АИСТов¹, — сказал Андрей. — Пусть они летят к островку.

Он вызвал по личному наручному прибору диспетчерскую ВСС² и дал координаты. Диспетчер немедленно ответил, что АИСТы вылетают на поиски. Далее он добавил, что немедленно свяжется с береговыми шведскими и финскими ВСС.

— Но почему Нина сама не вызвала АИСТов по личному наручному прибору? — спросил я. — Может быть, она сейчас сидит на этом островке в безопасности и ждет, когда буря утихомирится?

— Этот прибор у нее вечно валяется на столе, —

¹ АИСТ (Аэролет, Ищущий, Спасующий Тонущих) — очень сильная и маневренная для того времени машина.

² ВСС — Воздушные Спасательные Силы.

ответил Андрей. — И на этот раз, очевидно, она его не взяла.

«Час от часу не легче», — подумал я и вдруг заметил, что все еще держу в руке портфель с «Антологией». Затем, открыв люк в кокпит, я бросил туда этот мокрый портфель. «Придется ли вручить Нине эту книгу?» — с тревогой подумал я.

— А где «двойник» Нины по мыслепередаче? — спросил я. — Помнится, эта ее подруга жила в Ленинграде.

— Она давно вышла замуж за моряка и сейчас живет во Владивостоке, — ответил Андрей.

— Одно к одному, одно к одному, — тихо сказал я.

Вскоре мы услышали рокот, шедший с неба, — он был слышен даже сквозь вой штормового ветра. Потом мы увидели пять АИСТов. Они летели со стороны Ленинграда, это были машины знаменитой Второй Балтийской Эскадрильи ВСС. Они летели, то взмывая в тучи, то снижаясь и почти касаясь крыльями валов. АИСТы напоминали своими очертаниями «ястребков» из исторических фильмов. Сходство, конечно, чисто внешнее: это были очень современные и маневренные воздушные машины. Управление на них было сдвоенное — рядом с ЭОЛом сидел Пилот-Человек. Если Пилот выбывал из строя, ЭОЛ принимал управление. АИСТы иногда гибли, процент опасности у Пилотов ВСС был много выше, чем у Космонавтов. На место каждого погибшего Пилота сразу же просились тысячи молодых людей. В Пилоты ВСС охотно брали молодых Космонавтов, списанных за чрезмерное пренебрежение опасностью. На АИСТах излишняя смелость никому не грозила гибелью, за исключением самого Пилота, но зато он, идя на риск, мог спасти чью-то жизнь. Личный состав ВСС имел свое знамя

и носил одежду, напоминавшую форму военных Летчиков XX века.

Когда над нами пролетели и скрылись вдали АИСТы, на душе у меня стало спокойнее. Однако теперь нам самим пришлось туго. Шторм все усиливался, нас швыряло и мотало, вперед мы продвигались медленно — мы даже еще не вышли из фарватера. Неожиданно огромный вал подхватил наш катер и ударил его бортом о фарватерный бакен. Ход замедлился. Вскоре мы почувствовали, что суденышко дало крен на правый борт. Открыв люк, я полез в трюм. Там было много воды.

— Через полчаса мы пойдем ко дну, — сказал я Андрею. — Может быть, вызовем сюда АИСТов?

— Там они нужнее, — ответил Андрей. — Двигатель ведь работает нормально. Как-нибудь продержимся.

Я пошел в кокпит. Там было по колено воды, и в воде плавал мой портфель. «Пропала моя «Антология», — подумал я, но, как ни странно, даже не испытал при этой мысли большого огорчения. Открыв стенной шкафчик, я вынул оттуда два спасательных пояса и вынес их на палубу. Один пояс я дал Андрею, а другой положил возле себя.

— Зачем это? — спросил Андрей.

— Случись что, ты пойдешь ко дну, как утюг, как в старину говорилось, — пошутил я, чтобы поднять настроение своего друга.

Но моя несколько грубоватая шутка не оказала никакого действия. Андрей будто и не слышал ее.

— Я вижу что-то впереди, — неожиданно сказал он. — Кажется, это корабль.

Я стал вглядываться сквозь дождь и брызги пены. Затем я разглядел очертания парусного корабля.

— Как будто парусник, — сказал я. — Но что он

делает в море в шторм? Все корабли сейчас отстаиваются в гаванях, а парусные тем более.

Мы уже вышли из фарватера и шли открытым морем. Парусник двигался наперерез нам. Черный корпус его влажно блестел, острый форштевень мощно рассекал волны. Это был большой трехмачтовый клипер. На гафеле его развевался голландский флаг. Клипер шел при неполной парусности — да и какой сумасшедший поднял бы все паруса в такой шторм!

Вскоре судно убрало почти все паруса и, замедлив ход, встало с наветренной стороны. Палуба его была безлюдна. Затем на ней показался МАРС¹. Перегнувшись через фальшборт, он спустил штормтрап и крикнул нам:

— Терпящие бедствие, держите сюда!

Заслоненные от ветра громадой парусника, мы подвели катер к его борту и по штормтрапу вскарабкались на палубу. Я успел захватить свой портфель. Карабкаясь по трапу, я держал его в зубах, чтобы руки были свободны.

— Где КАПИТАН?² — обратился к МАРСу Андрей. — Я должен видеть КАПИТАНА!

— КАПИТАН стационарен, — ответил МАРС. — Могу свести к нему. Идемте.

Шатаясь от качки, мы пошли за механизмом. Он же шагал ровно, будто никакого шторма не было; его тяжелые ноги с резиновыми присосками на металлических ступнях спокойно ступали по мокрым доскам палубы.

¹ МАРС (Матрос-Агрегат Регулярной Службы) — несложный, но довольно удачно сконструированный агрегат.

² Напоминаем Читателю: КАПИТАН (Кибернетический Антиаварийный Первоклассно Интеллектуализованный Точный Агрегат Навигации) — старинный агрегат, весьма совершенный для своего времени.

— КАПИТАН здесь, — сказал МАРС, подойдя к рубке и нажав дверную кнопку. — КАПИТАН ждет вас. Входите.

Мы вошли в помещение, где мерцали приборы, где какие-то черные и синие стрелы двигались по желтым квадратам, вделанным в стену.

— Встаньте лицом ко мне! — сказал КАПИТАН.

Мы повернулись к большому черному щиту с круглым глазом-линзой. Голос шел от него.

— Вижу вас. Вы — Люди. Докладываю обстановку. Везу груз из Амстердама в Выборг. Попал в шторм. Хочу переждать шторм в море. Боюсь приблизиться к берегу, разбить судно. Увидел вас локационно. Отклонился от курса, чтобы помочь. Есть желания?

— Помогите нам! — сказал Андрей и стал объяснять КАПИТАНУ, чего он от него хочет.

Впервые я слышал, что мой друг так почтительно разговаривает с агрегатом. Правда, электронный КАПИТАН был не простой механизм, а агрегат агрегатов.

— Выслушал. Понял все. Сложные условия, — сказал КАПИТАН. — Ждите решения одну минуту семнадцать секунд.

Наступило молчание. Я вдруг услышал биение моего сердца; до этого я думал, что удары своего сердца слышат только вымышленные герои в плохих романах. А кругом шла таинственная жизнь. Вспыхивали и перемигивались огоньки на приборах, жужжали какие-то аппараты. Металлическая тонкая рука высунулась из стены, закрутила черный барабан, и из него выпала белая картонная карточка. Карточку сразу же всосало отверстие в той же стене, и над этим отверстием зажглись какие-то цифры и значки. . . Все кругом двигалось, но двигалось почти беззвучно, как во сне.

— Принял решение, — слышался голос КАПИТАНА. — Меняю курс, иду по указанному вами. Процент опасности — пятьдесят семь три десятых. Избавьте меня от страха. Отключите реле осторожности.

Внезапно все приборы в капитанской рубке погасли, и только на стене справа от нас засветилось стекло с надписью «Реле опасности. Стекло разбить и повернуть верньер до красной черты».

Андрей подбежал к стеклу, разбил его и выключил у КАПИТАНА эффект страха. Все приборы в рубке снова засветились.

— Идите на бак для визуального наблюдения, — сказал КАПИТАН. — Крепче держитесь за леера.

— А вы найдете, вы заметите этот островок? — спросил Андрей.

— Я вижу дальше вас, — ответил КАПИТАН. — Все вижу, все слышу, все понимаю.

Сопровождаемые МАРСОМ, мы с Андреем пошли на бак. Тем временем из отверстий в палубе выдвинулись трубчатые телескопические конструкции, от них ответвились витые змеевидные отростки и потянулись к реям. Клипер оделся парусами, изменил курс и пошел бейдевинд. Нос его глубоко зарывался в волны, нас обдавало брызгами. Корпус и такелаж вибрировали от напряжения. Андрей смотрел вперед, не отрывая глаз от моря. С правой руки его на мокрые доски палубы падали капли крови; руку он поранил, разбивая охранительное стекло в рубке.

«Надо бы чем-то продезинфицировать рану», — подумал я и обратился к МАРСУ, стоящему возле нас:

— Где у вас тут аптечка? Есть лекарства?

— Груза, о котором вы говорите, на судне нет, — ответил МАРС, и я понял, что вопрос мой был нелеп: на корабле, где нет Людей, не может быть и лекарств. Тогда я вынул из кармана своей промокшей куртки

платок и перевязал руку Андрею. Но он, кажется, даже не заметил моей скромной медицинской помощи.

Прошло немного времени, и вдаль показались очертания островка номер семь. Он все приближался. В сущности, это был просто кусок скалы, торчащей из моря. Над ним вились АИСТы — тут были и машины Второй Балтийской Эскадрильи ВСС, и финские АИСТы с голубыми крыльями, и шведские — белые с золотыми геральдическими львами на плоскостях. Но когда мы ближе подошли к островку, над ним уже никого не было — машины улетели на свои базы. Только два АИСТА Второй Балтийской качались на волнах возле берега.

Поперек островка лежало какое-то сооружение, очевидно, поваленное ветром. Нечто вроде башенки или вышки. Возле этой упавшей вышки кто-то лежал и кто-то другой стоял на коленях, наклонившись над лежащим. Поодаль, у самой воды, понуро стоял Человек в форме Пилота.

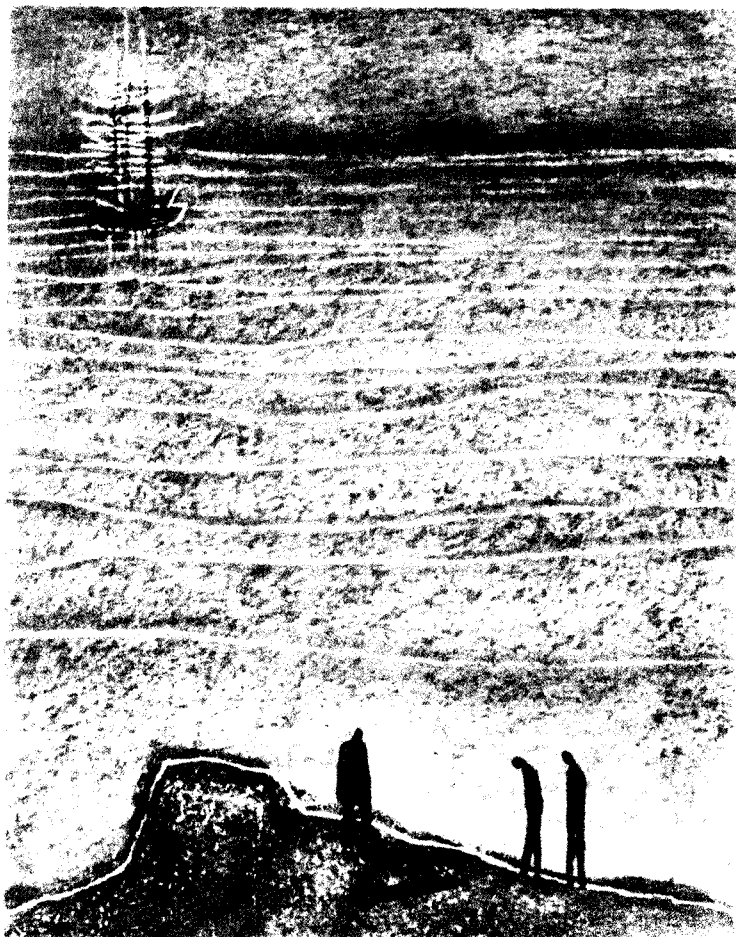
Клипер убрал паруса и бросил якорь. МАРС спустил шлюпку, и мы с Андреем сели в нее и, преодолевая волны, приблизились к островку. Пилот помог нам выбраться на берег.

— Что с ней? — спросил Андрей.

Пилот ничего не ответил, только повел глазами в ту сторону, где Человек в форме Воздушного Врача стоял на коленях, склонившись над кем-то. Мы побежали туда.

— Она жива? — задыхающимся голосом спросил Андрей. — Почему вы не делаете ей искусственное дыхание?

— Она не утонула. Ее задело вот тем выступом вышки. Смотрите. — Врач откинул волосы с виска Нины. Ранка была совсем небольшая, крови почти не было.

— Это произошло мгновенно. Это легкая смерть, — утешающе сказал Врач, и, чтобы внести окончательную печальную ясность в то, что случилось, он приложил ЭСКУЛАППП ко лбу лежащей.

Ноль болевых единиц, — сказал прибор. — **Ноль болевых единиц. Причина смертельного исхода, по Харитонову и Бармею, градация пять-бета прим-два дробь три при полной необратимости. Смерть наступила двадцать восемь минут две секунды назад. Смерть наступила двадцать восемь минут три секунды назад. Смерть наступила двадцать восемь минут четыре секунды назад. . .**

— Довольно, — тронул я Врача за плечо. — Все ясно и так. . .

Мы с Врачом отошли в сторону, туда, где стоял Пилот, к самой воде. Шторм шел на убыль, ветер стихал. Корабль терпеливо ждал нас. И вдруг на нем тревожно и жалобно завывала сирена. Потом я увидел, что флаг на грот-мачте тихо пополз вниз — и так остался приспущенным в знак траура.

«Все вижу, все слышу, все понимаю. . .» — вспомнил я слова КАПИТАНА.

. . .

Через два дня я пришел в Дом Расставаний, в большой зал, стены которого были облицованы мрамором. Похоронный обряд был прост, длинные надгробные речи давно отошли в прошлое. После краткого прощального слова гроб по стеклянному переходу понесли к Белой Башне на подъемник — и он вознесся ввысь.

Ближайшие родственники и друзья, в том числе и я, поднялись на открытую вершину Башни, поставили печальный груз в плоскую чашу из темного металла и возложили цветы. Затем мы спустились вниз, во двор,

мощный светлым камнем. Откуда-то послышалась тихая грустная музыка, и над Белой Башней взвилось легкое облако пелла и спустилось к ее подножию, где растут красные и белые ирисы. Все было кончено.

К родственникам и друзьям подошли было несколько АВГУРов¹, но им велели отойти в сторону. При большом горе эти агрегаты только раздражали Людей.

Когда Андрей молча, с опущенной головой вышел из Дома Расставаний, я нагнал его и спросил, не нужна ли ему в чем-либо моя помощь.

— Нет, — ответил он. — Мне уже ничем не поможешь... Я сам послал ее на смерть.

— Не говори так, Андрей! — воскликнул я. — Ты ни в чем не виноват.

— Я сам послал ее на смерть, — повторил он. — Это моя вина.

Он ускорил шаг, и я подошел к Ниной матери, чтобы сказать ей сочувственные слова.

— Этого не случилось бы, если бы она стала вашей женой, — сквозь слезы сказала Нинина мать. — С вами она прожила бы свой МИДЖ спокойно.

В глубине души я не мог не согласиться с этим утверждением.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОБЕДА

Через день я связался с Андреем по мыслепередаче и был несколько удивлен, что он опять находится на островке моего имени, в своей Главной Лаборато-

¹ АВГУР (Агрегат Высокой Гуманности, Утешающий Родственников) — признан ненужным и снят с производства еще при жизни Ковригина.

рии. Мне казалось, что горе, переживаемое им, заставит его прервать работу хоть на короткое время.

— Чем ты занят? — спросил я его.

— Сегодня состоится испытание НЕПТУНа, которое было отложено... Приезжай, если хочешь. Начало в два часа дня.

— Хорошо. Я приеду, — ответил я. — Мыслепередача окончена.

Прибыв на остров своего имени, я направился на Опытное поле, уже знакомое и мне и вам, мой Читатель, и застал здесь большую толпу, любующуюся НЕПТУНом. Но на этот раз она была молчалива: все знали о несчастье, постигшем Андрея.

Перед началом испытаний Андрей усадил меня между собой и Лаборантом на сиденье у пульта и нажал какую-то кнопку. Чудище тихо двинулось вперед, таща нас на своем хвосте.

Вскоре я понял, что НЕПТУН входит в землю. Он входил в нее под очень малым углом, и вначале уклон был почти незаметен. Сперва мы очутились как бы в овраге, а затем агрегат втащил нас в прорытый им же подземный тоннель. На агрегате зажглись лампы, и я увидел круглые стены этого тоннеля, они были как бы облицованы спекшейся массой, похожей на керамику. От них веяло теплом.

Внезапно ровный гул, издаваемый НЕПТУНом, перешел в натушливый рев. Агрегат начал содрогаться, словно встретив какое-то труднопреодолимое препятствие.

— НЕПТУН входит в воду, — сказал Лаборант.

Вскоре забрезжил неяркий свет — стены тоннеля стали прозрачными. За ними виднелись водоросли. Над головами у нас проплывали стайки рыб. Мы медленно, но неуклонно двигались по дну залива, отделенные от воды тонким слоем прозрачного аквалида,

который НЕПТУН выработал из той же самой воды. Ощущение, надо сказать, было странное и даже жутковатое.

— А этот тоннель выдержит давление воды? — спросил я Лаборанта.

— Он выдержит любое давление. Его можно проложить хоть по дну Марианской впадины, ничего ему не сделается, — ответил Лаборант.

В тоннеле становилось все темнее: мы шли в глущину. Затем Андрей нажал какую-то кнопку — и НЕПТУН начал медленно поворачивать вправо, описывая широкий полукруг. Снова посветлело, стали видны водоросли. Вскоре мы очутились на том же самом Опытном поле, только на другом его конце. Вслед за НЕПТУНОМ, вытаскивающим нас на своем хвосте к дневному свету, из тоннеля начали выходить Люди; оказывается, целая толпа шла за нами, совершая подземно-подводную экскурсию.

— Ну вот и все, — сказал Андрей, — отходя от пульта НЕПТУНА.

— Что все? — спросил я.

— Вообще все.

Я не стал расспрашивать его, что он подразумевает под этим «вообще все». Его окружили Ученые, Космонавты, Журналисты, и я отошел в сторону, чтобы не мешать техническим разговорам. Однако слова Андрея показались мне многозначительными, и я решил не выпускать его из виду. Когда толпа научных светил, окружавших Андрея, несколько схлынула, я подошел к нему и сказал, что провожу его до дома, на что он охотно согласился.

— Хочешь, я тебе подарю свой альбом марок? — сказал он. — Я сегодня разбирал вещи...

— Мне не нужен твой альбом, — ответил я. — Но, если хочешь, я возьму его на хранение. Когда-

нибудь ты снова заинтересуешься марками, и я тебе верну его.

Мы вошли в дом. Как неуютно и пусто было в нем теперь!

— Тебе надо куда-нибудь переехать отсюда, — сказал я своему другу.

В это время мы услышали, что кто-то без стука отворил наружную дверь и вошел в прихожую. Андрей встрепенулся. Мне показалось, что отражение какой-то безумной надежды блеснуло в его глазах.

Но это явился агрегат, это был ЭРОТ — он прилетел за указаниями. Сложив крылья, он стоял в прихожей и ждал.

— С сегодняшнего дня по всем вопросам надо обращаться к Старшему Лаборанту или к ЭЗОПу, — сказал Андрей. — Я больше здесь не работаю.

— Все понял, — ответил ЭРОТ и вышел из прихожей, тихо затворив за собой дверь.

— Вполне одобряю твое решение уехать отсюда, — молвил я. — Но неужели ты хочешь совсем бросить свою работу?

— Это не только моя работа, но и работа моих товарищей и друзей по науке, — ответил Андрей. — Мой уход не повредит делу.

— А куда ты намерен переехать? — поинтересовался я.

— Я буду жить в той избушке. Помнишь избушку в лесу, у озера? ..

— Конечно помню. Но едва ли ты там долго выдержишь, ведь там нет никаких удобств. . .

Андрей на это ничего не ответил, а разубеждать его я не стал — я знал его упрямство. «Ничего, — подумал я, — пусть поживет в лесу, в тишине, пусть там выплачется и успокоится». Правда, меня тревожило то, что он не только тоскует по Нине, а и считает

себя виноватым в ее гибели. Но все излечит время, — думал я.

Вернувшись домой и положив на стол альбом с марками, я рассказал Наде про свое посещение Матвеевского острова и о беседе с Андреем. Надя восприняла это трагичнее, чем я. Взяв альбом в руки и перелистав его, она вдруг заплакала.

— Это все не к добру, не к добру. Ты скоро потеряешь своего друга...

К сожалению, она оказалась права.

. . .

Вскоре Андрей покинул город и поселился у озера. Об этом кратко сообщила печать, тактично не приводя излишних подробностей. Газеты по-прежнему были полны восхвалениями создателя аквалида Андрея Светочева. В особенности хвалы эти усилились после испытания НЕПТУНа. Сообщалось, в частности, что Комиссия Продления Жизни предложила Андрею три дополнительных МИДЖа (только подумать — триста тридцать лет!), а Комиссия Наименований хочет назвать его именем один из новых городов. Писали о проектах памятника Светочеву, о медалях в его честь... И вдруг в печати появилось знаменитое Письмо Светочева. Хоть я уверен, что Читатели мои знают это письмо наизусть, но для полноты впечатления и дабы не нарушить стройности повествования, приведу здесь его текст:

В силу известной мне причины, не считаю себя вправе жить больше своего МИДЖа, и от продления жизни отказываюсь. Кроме того, прошу не ставить мне памятников ни при жизни, ни после смерти. Прошу не давать моего имени городам, улицам, промышленным предприятиям, кораблям и космическим

средствам транспорта. Прошу не упоминать моего имени в печати, если в этом нет крайней необходимости.

С полнейшим уважением

Андрей Светочев

Это письмо Андрея поразило меня. Я знал, что он способен на самые странные и неожиданные поступки, но такого я от него все-таки не ожидал. Отказаться от трех МИДЖей! Отказаться от трехсот тридцати лет добавочной жизни на Земле!..

Не мог я взять в толк, да и сейчас не могу понять и его столь категорического отказа от памятников, от всего того, чем вполне заслуженно хотелось наградить его Общество. И до сих пор не могу я уразуметь, зачем он ушел в это добровольное изгнание, зачем поселился в старой избушке на берегу Озера. Знаю, он был в большом горе. Но ведь всякое горе проходит...

РАДОСТЬ И ГОРЕ

А в моей жизни тем временем произошло радостное событие: я стал отцом. Накануне я отвез Надю в роддом на углу Четырнадцатой линии и Большого проспекта и всю ночь не смог сомкнуть глаз. На рассвете послышался стук в наружную дверь. Я сразу догадался, что это какой-нибудь механизм: ведь Люди в квартиры обычно входят без стука.

— Войдите! — крикнул я из комнаты и с трепетом стал вслушиваться в приближающиеся по коридору шаги механизма. Недавние печальные события так подействовали на меня, что теперь я ожидал любой

напасти. «Вдруг это идет АСПИД?»¹ — возникла в моем уме страшная мысль.

Но в комнату вошел ГОНОРАРУС², и у меня отлегло от сердца. В руке агрегат держал букет голубых садовых колокольчиков — это означало, что родился мальчик.

— Если не ошибаюсь, вы известный Историк Литературы Матвей Ковригин? — громким бодрым голосом спросил ГОНОРАРУС.

— Да, я тот, кого вы ищете, — ответил я. — Приживайтесь.

— Ничего, я постою, — с мажорными нотами в голосе произнес мой добрый гость, кладя на стол букет. — Рад поздравить вас с рождением мальчика.

Далее он поведал мне, что Надя находится в хорошем состоянии, сообщил параметры младенца, час его рождения и откланялся. Я же поспешил в роддом, чтобы написать Наде поздравительную записку.

Мне очень хотелось в этот день связаться с Андреем по мыслепередаче и сообщить ему о том, что я стал отцом.

Но затем мне показалось, что сейчас не время для такого сообщения, ибо мое счастье только подчеркнет глубину несчастья, постигшего моего друга. Поэтому я решил отложить мыслепереговоры на некоторое время.

В сентябре я послал Андрею мыслесигнал. Андрей немедленно откликнулся.

¹ АСПИД (Агрегат, Сообщающий Печальные Известия Домашним) — старинный механизм начала XXII века. Давно снят с производства.

² Напоминаем Читателю: ГОНОРАРУС (Громкоговорящий Оптимистичный, Несущий Отцам Радость, Агрегированный Работник Устной Связи) — старинный агрегат, давно снят с производства.

— Хочу навестить тебя,— сказал я.

— Прилетай в любое время, — ответил Андрей. — Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

В тот же день я полетел в заповедник. Я высадился из аэролета на том же самом месте, где мы втроем сошли год с лишним назад. Сказав ЭОЛу, чтобы он летел обратно, я вступил на знакомую мне территорию. Меня охватила грусть. Только подумать, как все изменилось за это время! Тогда мы шагали здесь втроем. . .

И погода была не та, что в прошлый приезд. Теперь моросил дождик, лес был затянут туманом. Путь мой был устлан опавшими листьями.

Но вот и жилище Лесничего. Увидев меня в окно, старый Чепьювин вышел на крыльцо и приветливо пригласил в дом. Старик по-прежнему выглядел бодро — смотрел орлом, а не мокрой курицей, как говаривали наши предки. Но, увы, опять от него пахло самогоном.

— Ну, выкладывай, какая нелегкая тебя сюда занесла? — спросил он, усадив меня на старинный диван возле столика с древним электросамоваром. — Верно, приятеля навестить решил? Плох твой приятель, плох. . . Жалко мне его. Не жилец он.

— Он болен? — спросил я.

— Болен бы был — это полбеды. Здоров он. Только тоскует сильно. Не проживет он долго.

— Печаль при потере близкого свойственна каждому Человеку, — резонно возразил я. — Но от этого не умирают.

— Кто не помирает, а кто и помирает. Ты, цирлих-манирлих, по себе всех не равняй.

Эти его слова показались мне не вполне тактичными, но я не сделал ему замечания, ибо он был

гораздо старше меня и к тому же «под градусом», как говорилось в древности.

— Ну что, я пойду к Андрею, — сказал я.

— Ишь, какой приткий, — улыбнулся Лесничий. — А посошок-то на дорожку? Гляди, мокреть какая, в такую погоду хороший хозяин собаки на улицу не выгонит. Как же я тебя без посошка отпущу?.. Эй, старуха, тащи-ка нам сюда три наперстка.

Появилась жена старого Чепьювина и поставила на стол три больших стакана и блюдо с закуской. Я поздоровался с ней, отрекомендовался и стал ждать дальнейших действий.

— Ну, хватанем, что ли! — сказал Лесничий, подавая мне стакан. — Выпьем за мою дважды бриллиантовую свадьбу. Через четыре месяца сто пятьдесят лет исполнится, как мы со старухой вместе.

Я подумал, что хоть юбилей — дело почетное, но не рановато ли начинать праздновать это событие за четыре месяца до его календарной даты. Однако к просьбе старого Чепьювина присоединилась и его жена, и из уважения к женщине я вынужден был испить до дна чашу сию, как говорилось в древности. Закусив соленым огурцом, я распростился с почтенными супругами и направился к Андрею.

В ушах у меня шумело, голова слегка кружилась, но не было во мне той беспричинной легкой веселости, которая овладела мной при прошлогодней выпивке. Теперь мне было тоскливо, неудобно. Пробуждались воспоминания о недавнем прошлом. Вот здесь, возле дома Чепьювина, сидела тогда на скамейке Нина, и олененок терся мордочкой о ее колени, и она гладила его по спине. . . А вот по этой лесной дороге шли мы тогда втроем, и нам светило солнце.

Вскоре мне открылось с холма знакомое озеро и речка, впадающая в него, и памятный мост без перил.

Я осторожно перешел на другой берег по осклизлым от осенней сырости бревнам и пошел к избушке. Шагах в пятидесяти от нее я наткнулся на знак одиночества. Он был прибит к ветке сухой ольхи. Но ко мне это не относилось — ведь Андрей сказал, что он будет рад моему посещению.

Войдя в избушку, я увидел, что Андрея в ней нет. Я огляделся. Комната имела жилой вид. У печки лежали дрова¹, кровать была застлана, на полке стояли книги. Меня поразила намеренная бедность всей обстановки — ни одного агрегата, ни одного вспомогательного механизма! Только напротив простого деревянного стола на стене висела электронная метеокарта — такая же, как та, а быть может, и та самая, которую я видел на острове моего имени в рабочей комнате Андрея. Я стал смотреть на эту непрерывно меняющуюся карту. С северо-запада напыло сероватое пятно, это означало, что дождь будет идти еще минимум часа два. «Зачем Андрей повесил здесь эту карту? — подумал я. — Ведь она ему ежедневно и ежечасно напоминает о том печальном дне...»

Внезапно я вздрогнул от какого-то странного пофыркивания. Оказывается, откуда-то вылез еж и направился к печке, возле которой на полу стояло блюдце с едой. Ежик ел, несколько не боясь меня, — видно, это Андрей приручил его.

Мне стало еще грустнее. Этот лесной зверек только подчеркивал то одиночество, в котором жил теперь мой друг.

От печальных мыслей меня отвлек приход Андрея. Он явился в болотных сапогах, в непромокаемом

¹ Дрова — продолговатые куски распиленных по горизонтали и расколотых топором (см. Энциклопедию) деревьев. В древности употреблялись как топливо.

плаще — после блуждания по лесу. Он искренне обрадовался моему приходу, а когда я сказал, что у меня теперь сын и что мы с Надей решили назвать его Андреем — Андреем Надеждовичем, лицо моего друга оживилось, и он стал похож на прежнего самого себя. Увы, недолго длилось это оживление. Беседа наша продолжалась, но я не мог не видеть, что моего друга она интересует все меньше и меньше. Он снова вернулся к своим невеселым мыслям, и я чувствовал, что разговаривает он только потому, что не хочет обидеть меня.

— Андрей, — спросил я его, — зачем у тебя на стене висит эта метеокарта? Хочешь, я отвезу ее в город?

— Был день, когда я должен был на нее оглянуться — я не оглянулся. Так пусть теперь она всегда будет у меня перед глазами.

Я ничего не сказал ему на это: я понимал, что разубеждать его бесполезно. Вскоре я попрощался с Андреем, пожелав ему бодрости и скорого возвращения в Ленинград.

. . .

Шли дни и месяцы, а Андрей все не возвращался в город. Иногда я слал ему мыслеграммы. Он отвечал, но ответы его были односложны. Меж тем настало лето. Приближалась годовщина гибели Нины. За несколько дней до этого печального дня я связался с Андреем по мыслепередаче. На мой вопрос, как он себя чувствует, он ответил: «Плохо». До этого он никогда ни на что не жаловался, и меня очень встревожил этот ответ.

— Ты болен? — спросил я.

— Нет, я здоров, — ответил он.

— Может быть, навесить тебя?

— Нет, не надо. На днях я слетаю в город и найду к тебе. Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

Я догадался, что Андрей хочет в день печальной годовщины, согласно обычаю, побывать у подножия Белой Башни.

Но вот настал этот день — а Андрей в Ленинград не явился. Вечером я решил узнать, в чем дело, почему он изменил свое решение, — это было так не похоже на него. Я послал ему мыслесигнал, но ответа не получил. А живые всегда отвечают на вызов...

Позже старый Лесник, который часто навещал моего друга в его уединении, поведал, что в этот июльский день, войдя в избушку, он увидел Андрея, лежащего без движения на полу. Лесничий немедленно вызвал Врача по личному наручному прибору. Прибывший Врач констатировал смерть от острого приступа сердечной болезни. Старик же нашел свое медицинское определение случившемуся: «Любовь — не картошка. Тосковал он сильно — вот сердце и надорвал. Если б он с горя самогонку стал пить, может, и не помер бы, горе бы рассосалось». Эти слова старого Лесничего до сих пор почему-то любят цитировать биографы Светочева, находя какой-то скрытый глубокий смысл в высказывании добродушного, но малообразованного и к тому же часто нетрезвого Чепьювина.

. . .

Когда стало известно, что умер Андрей Светочев, на всей Планете был объявлен трехдневный траур. В миг, когда его пепел упал на цветы у подножия Белой Башни, на всей Земле раздался тревожный вой сирен Космической опасности. До сих пор помню этот тонкий, вибрирующий, леденящий душу вопль.

Сирены эти никогда прежде в действие не приводили. В этот день их включили как бы в знак того, что потеря, понесенная Человечеством, огромна и имеет космическое значение.

ЭПИЛОГ

Любезный Читатель!

Восемьдесят с лишним лет прошло после событий, изложенных в моем повествовании. Мир преобразовывался на моих глазах, он становился все более непохожим на тот доаквалидный мир, который изображен в моей повести. Земля вступила в эпоху Единого Сырья, в эпоху аквалидной цивилизации, основоположником которой стал мой друг Андрей Светочев. Человечество полностью освоило просторы своей Планеты и смело продвигается в Космос. Но в мою задачу не входило сравнивать минувшее с настоящим — ведь о минувшем вы знаете из истории, а настоящее видите своими молодыми глазами, которые зорче моих. Ибо я уже стар, я прожил свой МИДЖ с избытком, и недалек тот день, когда мой пепел упадет с вершины Белой Башни на цветы, растущие у ее подножия.

Прежде чем закончить свои «Записки» и поставить точку, хочу сказать несколько слов о себе.

Моя жизнь прошла не бесплодно. После «Антологии» я выпустил немало книг. Не буду перечислять их здесь, ибо каждый культурный Человек, а тем более Человек, интересующийся XX веком, должен знать эти книги.

Жена моя Надя состарилась, но, как и я, пребывает в добром здравии. Ее феноменальная память сохрани-

лась, что немало помогло мне в работе над этими «Записками». У нас с Надей есть сыновья, дочери, внуки и правнуки. Почти все они, продолжая семейную традицию, стали Гуманитариями, а один из моих внуков, Валентин, прямо пошел по моим стопам и избрал поприще Литературоведа-Историка. Его перу принадлежит капитальный труд «Любовь в романах XXI века в свете современной морали». К сожалению, книга эта не встретила достойного отклика и вызвала нападки некоторых недоброжелательно настроенных Критиков. Они обвиняют моего внука в тенденциозном подборе цитат, в односторонности, в поверхностном взгляде на историю литературы, — и даже в «наследственной узкологости». Да, нынешняя молодежь не стесняется в выражениях. Но я спокоен за судьбу Валентина, я верю в него и горжусь им.

Некоторые опасения вызывает у меня один из моих правнуков. Порвав с семейной традицией, он стал не Гуманитарием, а Физиком, да вдобавок еще примкнул к группе Белосветова — молодого теоретика, о котором сейчас излишне много шумит пресса. Этот Белосветов со своими неопитами разрабатывает некую теорию «Великого Вакуума», поражающую всякого здравомыслящего Человека своей необычностью. Не буду излагать вам ее подробно, так как, к сожалению, вы все ее знаете — печать вам все уши прожужжала об этой теории. Скажу вкратце, как я понимаю, о чем тут идет речь. Этот Белосветов утверждает, что если в каком-либо сосуде из абсолютно прочного материала (т. е. из аквалида) создать абсолютный («великий») вакуум, а затем чем-то там воздействовать на этот вакуум, то можно получить Нечто. Это Нечто по желанию экспериментатора можно будет превратить или в универсальное вещество, или в энергию. Вот до каких геркулесовых столпов нездравомыслия и

зазнайства доходят некоторые горячие головы! Наш мир стоит на аквалиде, а им мало аквалида, им подавай Ничто, превращенное в Нечто!

Прости, любезный мой Читатель, за это научно-лирическое отступление. Но мне становится горько за моего друга Андрея, создателя аквалида, когда я слышу эти рассуждения о «Великом Вакууме». И от кого же? — от своего правнука! Уже не раз говорил я ему, что напрасно он верит в этого Белосветова, что в пустом сосуде, как ни крути, ничего не может возникнуть.

Но уж если речь зашла о сосудах, то, отбросив ложную скромность, напомним благосклонному Читателю о моем СОСУДЕ, который, в противоположность сосудам некоторых лжеученых, не пуст и продолжает пополняться. Правда, пополняется он все медленнее, ибо на Земле совсем не осталось людей, которые знают бранные слова. Старый Чепьювин, у которого я в свое время почерпнул немало крепких словечек и добротных ругательств для своего СОСУДА, ныне, увы, замолчал навеки. Несмотря на употребление крепких напитков, он прожил два МИДЖа с лишним и умер не от болезни, а в результате несчастного случая. Летя в город на совещание Лесничих и находясь в нетрезвом состоянии, он пытался спить ЭОЛа, забыв, что это не Человек, а агрегат. ЭОЛ потерял управление и врезался в землю. Теперь Лесничим в заповеднике работает его сын. Он Человек непьющий. Но зато он не обладает тем фольклорным богатством, которым по праву мог гордиться его отец.

Время от времени я посещаю заповедник и хожу к озеру, где стоит избушка Андрея. Она и снаружи и внутри имеет точно такой же вид, как и при жизни моего друга. Но все это — и сама избушка и внутренняя ее обстановка — сделано из аквалида. Ведь де-

рево, камень и металл разрушаются, а аквалид — вечен. На берегу озера, у обрыва, теперь стоит статуя Нины. Статуя очень красива, ее выполнил лучший Скульптор Планеты. Вообще изображения Нины можно встретить всюду, они стоят в каждом городе, в каждом саду. Как известно, Андрей просил не ставить памятников ему, и это завещание свято выполняется. Но, воздвигая статуи Нины, Люди как бы косвенно чтят и память Андрея. Скульпторы и Художники, желающие изобразить Нину, часто консультируются у меня. Однако, несмотря на консультацию, они изображают ее каждый по-своему и обычно красивее, чем она была в жизни.

Не так давно я был приглашен в один из новых подводных городов, который решено было назвать Ниниаполисом. Город мне понравился. Все в нем из аквалида, а от океана его отделяет прозрачный аквалидный купол. И ехал я в этот город прозрачным тоннелем из аквалида, проложенным по дну океана.

Вообще аквалид настолько вошел в жизнь, что многие не представляют, как это прежде Человечество существовало без него. Однажды один из моих правнуков, самый младший, подбежал ко мне и спросил:

— Дедушка, а правда, что ты жил еще тогда, когда все вещи делали из разного? Дома — из одного, машины — из другого, корабли — из третьего, мебель — из четвертого, книги — из пятого. . .

— Да, это правда, — ответил я. — И первая моя книга была напечатана не на аквалидных пластинах, а на бумаге.

— А что такое бумага? — спросил правнук.

Тогда я вынул из шкафа один из экземпляров «Антологии» и показал его правнуку. Мне попался тот экземпляр с дарственной надписью, который так и не был вручен тем, кому он предназначался. От

пребывания в воде надпись на заглавном листе расплылась, но слова «Нине и Андрею...» видны были довольно четко. Мне стало грустно.

— О чем это ты задумался, дедушка? — спросил меня правнук.

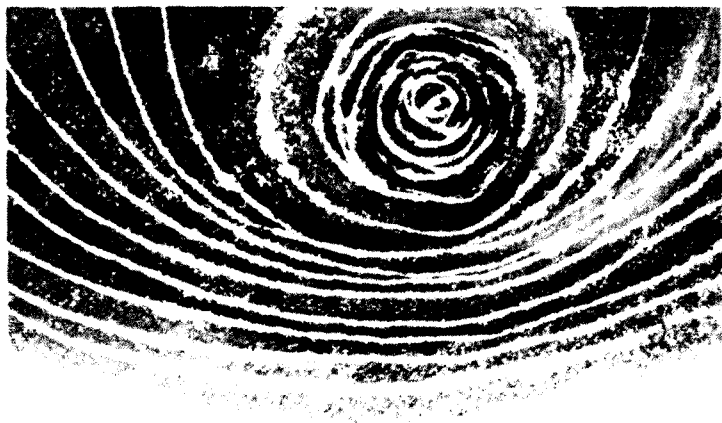
— Я вспомнил свою молодость, — ответил я.

— Тогда расскажи мне про то, как ты был молодым, — попросил правнук.

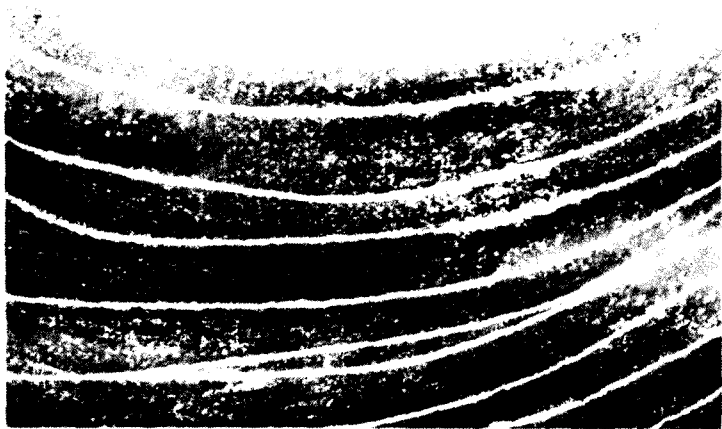
— Об этом долго рассказывать, — ответил я. — И потом ты многого не поймешь и многому не поверишь.

— Тогда напиши об этом сказку, — предложил правнук.

— Я подумаю, — сказал я. — Может быть, я и напишу об этом. Только напишу не сказку, а правду. Но эта правда будет — как сказка.

КРУГЛАЯ ТАЙНА

ВЗАИМЫ У СУДЬБЫ

В этот июньский день Ю. Лесовалов стоял под придорожной сосной, укрываясь от ливня и поджидая загородный автобус. Шоссе здесь шло под уклон, и по асфальту бежал плоский поток, густо неся лесной сор — мелкие веточки, чешуйки шишек, желтые хвойные иглы. Казалось, все шоссе движется, как конвейерная лента. А наверху шло деловое новоселье лета. Там спешно мыли стекла, проливая на землю потоки воды; там с грохотом передвигали невидимую людям мебель; там стопудовым молотом вбивали в незримую стену незримые гвозди; там, завершая строительные недоделки, свехурочно работали небесные электросварщики. Небо ходило ходуном, гремело, полыхало.

Во время грозы стоять под деревьями опасно, но Ю. Лесовалов не думал об этом. Он размышлял о том, как бы лучше написать очерк и как бы поинтереснее его озаглавить: «Так поступают честные люди» или: «Иначе он поступить не мог». А если так: «Благородный возвращатель»? Это уже неплохо!

Дело в том, что недавно в редакцию пришло письмо, где довольно бессвязно сообщалось, что ночной сторож одного ленинградского клуба, обходя помещение, обнаружил забытый портфель, в котором находилось 10 тысяч рублей. Деньги, как выяснилось в дальнейшем, были забыты в кинозале кассиром Пе-

ричко Д. М. Кассир спохватился только на следующее утро и кинулся в клуб, где застал сторожа Н. Лесовалова, сообщившего ему, что обнаруженная находка сдана им в ближайшее отделение Госбанка в целости и сохранности. Письмо было написано и подписано Бакшеевой М. И., делопроизводителем клуба.

Завотделом Савейков решил послать на место происшествия начинающего журналиста Ю. Лесовалова, чтобы тот дал материал о честном ночном стороже. «Тем более он ваш однофамилец, — добавил Савейков. — Это даже интересно: Лесовалов о Лесовалове».

— Только не Лесовалов о Лесовалове, а Анаконда о Лесовалове, — решительно поправил его Юрий. Ему не очень нравилась его фамилия, и он избрал себе творческий псевдоним. Впрочем, статей и заметок под этой экзотической подписью в газете еще не появлялось: все материалы, которые сдавал Юрий, были слабоваты. Подозревали, что у него нет таланта. И это задание было решающим. Если очерк будет так же плох, как и предыдущие, Ю. Лесовалова отчислят.

На следующий день Анаконда (будем иногда называть его так, раз ему этого хочется) направился в клуб. Здесь он собрал некоторые сведения о Н. И. Лесовалове. Оказывается, за сторожем водились грешки. Выпивает. Иногда даже грубит начальству. Что касается найденного портфеля, то это да, это было. Но ведь это, так сказать, входит в его обязанности. В прошлом году он же, Лесовалов, нашел в зале дамскую сумочку с 58 рублями и тоже вернул по принадлежности.

Самого сторожа Анаконда в клубе не застал, и не только потому, что явился туда в дневное время, но и потому, что сторож, оказывается, третьего дня уехал в деревню Гнездово, в тридцати километрах от города: у него начался отпуск. Узнав точный адрес

Н. Лесовалова, Юрий сразу же отправился на автобусный вокзал и вскоре прибыл в Гнездово.

Сторож Н. Лесовалов поселился у родственников, в дощатой пристройке. На стук открыла его жена, пожилая женщина в поношенном и не по возрасту пестром платье. Она попросила Юрия немного обождать — муж ее спал. Оказывается, вчера у него был гость. Кассир Перичко, получив утерянный портфель и раздав зарплату, вскоре приехал благодарить Н. Лесовалова за возвращение находки. Торт «Север» привез и три пачки кофе натурального. «Ну мой-то, понятно, обиделся — ему не того надо. А тот моему говорит: «Сам после этого рокового случая водки в рот не возьму и других буду против нее настраивать». Дошло до сознания, видать», — закончила она свою речь и пошла будить мужа.

Наконец из пристройки вышел высокий старик. Он был мрачен — то ли из-за торта, то ли вообще по характеру. Известие о том, что Юрий хочет писать о нем, старик принял без должной радости.

— А звать-то вас как? — хмуро спросил он.

— Юрий Лесовалов... Но вообще-то я Анаконда.

— Что? — угрюмо переспросил старик. — Почему она конда?

— Анаконда — змея такая. Обитает в бассейне реки Амазонки, отдельные экземпляры достигают пятнадцати метров длины.

— Зачем же змеей себя прозывать? — бестактно поинтересовался сторож.

— Это мой творческий псевдоним, он звучит мужественно и романтично, — терпеливо пояснил Юрий, раскрывая блокнот. — Расскажите мне своими словами, что натолкнуло вас на благородный поступок.

— А ничего не толкало, — равнодушно ответил старик.

— Но тогда вы, может быть, расскажете, как было дело?

— Ночью, значит, сижу в вестибюле. Вдруг почудилось, будто дымом потянуло. Ну, решил в кинозал зайти. Уборщица Людка ленивая, она должна после последнего сеанса убирать, а она ушла рано, сказала, что с утра уберет. А там в заднем ряду ребята иногда курят — известно, шпана. Думаю, не заронили ли окурка. Ну, вошел в зал — все вроде в порядке. Потом иду проходом — вижу, в последнем ряду из-под кресла блестит что-то. Ну, я туда. А там поллитровка стоит, на дне еще граммов пятьдесят водки осталось, а то и шестьдесят. Потом разгляделся — вижу, рядом этот самый портфель лежит. Ну я, понятно, эти пятьдесят или там шестьдесят грамм допил, не пропадать же добру. Ну а бутылку — в карман. Двенадцать копеек тоже на улице не валяются. . .

— А портфель, портфель?

— Ну, портфель я, значит, открыл. Вижу — деньги там и бумаги какие-то, накладные. Пошел в вестибюль, оттуда в милицию позвонил. А там дежурный говорит: «Раз есть документы при деньгах, вы лучше отнесите утром в отделение Госбанка». Ну, утром отнес, сдал под расписку.

— А какие мысли пронеслись в этот момент в вашем сознании и подсознании?

— Ничего не пронеслось, я спать сильно хотел.

Немного удалось выкачать из старика. И теперь Анаконда стоял и думал о том, как из того немногого, что он узнал, составить яркий, полнокровный очерк.

Гроза кончилась. Так как автобус все не показывался, Юрий решил пройти пешком до следующей остановки. Асфальт был еще влажен, но поток воды уже схлынул с него. Дышалось легко. Мир был заново вымыт и провентилирован. В уме Юрия, в такт шагам,

уже начал складываться костяк будущего очерка. Смущали только моральные изъяны старика: мрачность характера, недостаточная интеллектуальность, мелочность («... двенадцать копеек на земле не валяются»), невнимание к представителю прессы... Придется многое домыслить и творчески переосмыслить, чтобы создать полновесный образ благородного возвращателя.

Вдруг Анаконда остановился.

В двух шагах от обочины лежал коричневый портфель. Это был новый портфель среднего качества. Такой мог принадлежать и школьнику-старшекласснику, и студенту, и даже инженеру. Набит он был неплотно и выглядел бы совсем плоским, если бы не выпуклость в левом нижнем углу: там, по-видимому, находился какой-то предмет. Поверхность портфеля была сухая. Кто-то уронил его совсем недавно, уже после ливня, хотя никто вроде бы за это время по шоссе не проходил и не проезжал.

Оглянувшись по сторонам, Анаконда нагнулся и поднял портфель. Он оказался удивительно тяжелым. «А вдруг там золото?» — мелькнуло у Юрия.

Он еще раз оглянулся по сторонам и, торопливо покинув дорогу, вошел в лес. Сырой мох чвякал под ногами. Горошины влаги, наколотые на кончики сосновых игл, будто подмигивали. Казалось, лес во все глаза смотрит на Юрия. Птицы, молчавшие во время грозы, теперь пели пугающе громко.

Наконец он нашел пень, окруженный со всех сторон молодыми сосенками. Сел. Открыл замочек. В портфеле было два отделения. В одном лежал большой зеленоватый конверт, в другом — темный шар, размером чуть побольше бильярдного. Юрий взял шар и сразу же положил его обратно. Он был удивительно холодный и тяжелый. Потом вынул конверт. В верхней его

части был оттиснут гриф какого-то учреждения с длинным и трудночитаемым названием, ниже шел мелкий печатный текст. Посредине конверта крупно и небрежно было написано карандашом: «10 000 р.». Неужели там действительно деньги?

Анаконда надорвал конверт сбоку. На руку его вывалилась пачка десятирублевых в полосатой банковской упаковке — 10×100. Потом пачка десятирублевых (50×100). Потом опять пачка десятирублевых. . . Всего денег оказалось 10 тысяч, как и было написано. Юрий застыл в раздумье. В нем совместились две абсолютно противоположные и абсолютно одновременные мысли:

надо обязательно отнести
«Эти деньги—————в банк».
совсем не обязательно относить

Он закурил сигарету, затянулся и тихо сказал молодой сосенке, росшей возле пня: «Другой бы нашел и тоже, может быть, еще подумал бы: возвращать или нет?»

После грозы наступило безветрие, сосенка стояла не шевелясь и помалкивала. Дым запутался в ветке, наклоненной над конвертом, иглы словно помутнели, расплылись. Несколько капелек тихо упали на зеленоватую бумагу. С шоссе донесся негромкий шум — шла легковая машина. Может, с нее и обронили, а теперь ищут. Но машина прошла, с дороги больше ни звука не доносилось. Мысли Юрия текли торопливо и сбивчиво:

«Старику легко сдавать деньги. . . Это будет гвоздевой материал. У него нет никаких культурных запросов. . . только подумать, как все удивятся. . . Старику ничего не стоило сдать деньги в банк. . . это будет сенсация: молодой журналист, только что взявший интервью

на такую же тему... **А мне эти деньги действительно нужны...** тоже находит портфель с деньгами и честно относит... **Они послужат мне материальной базой...** в банк, нет, прежде в редакцию, и все поздра... **Но о деньгах знаю только я...** вляют с удачей и творческим успе... **Я могу думать сам для себя: я эти деньги выиграл...**»

Он зачихал пачки обратно в конверт и положил его на колени тыльной стороной вверх, чтобы не прочесть случайно грифа с названием учреждения. («Если прочту — буду знать, чьи деньги, и, значит, это будет как бы кража; если не прочту — не буду знать, откуда деньги, и это будет просто безымянная находка».) Потом снова закурил, бросил недокуренную сигарету, опять вытащил деньги из конверта, поглядел на них. Потом встал и принялся рассовывать пачки по карманам. Пиджак сразу стал теснее, он теперь плотно, как резиновая надувная спасательная куртка, прилегал к телу. Анаконда сложил конверт и сунул его в задний карман брюк. Теперь надо избавиться от порфеля, забросить его куда-нибудь, где бы никто никогда его не увидел. На шоссе лучше не возвращаться, надо выйти лесом на другую дорогу.

— Но я не навсегда беру эти десять тысяч! — решительно сказал он сам себе. — Я беру их в долг у судьбы. Когда-нибудь я буду хорошо зарабатывать и тогда прочту то, что написано на конверте, узнаю, кому эти деньги принадлежат, и верну их. Я снесу их в Госбанк и скажу: «Примите сумму от неизвестного...»

Он стал углубляться в лес, стараясь идти по прямой. Но вскоре пришлось свернуть: помешала колючая проволока. Темная, словно набухшая от ржавчины, она висела на полусгнивших кольях, спиралью вилась по земле. Юрий свернул направо и вышел к траншее. На бруствере ее росли осинки. На дне, поросшем

длинной травой, стояла холодная прозрачная вода. «Вот сюда и зашвырну этот портфель»,— подумал Анаконда. Но не зашвырнул, передумал: «Другое место найду. Как-то нехорошо бросать его сюда...»

Он торопливо пошел дальше, все ускоряя шаг. Начались низина, кочки, хилые болотные березки. Показалось маленькое озерцо с рыжей торфянистой водой. Он пошел вдоль топкого болота. «Портфель сразу потонет из-за этого тяжеленного шара, что в нем лежит,— размышлял он. — Хоть какая-то польза от этого дурацкого шара».

Он раскачал портфель и бросил его в озерко. Тот, описав параболу, тяжело ударился о воду и ушел в глубину. По озерцу побежали круги, всплыли со дна пузыри и полопались, потом все успокоилось. Теперь никто ничего никогда не узнает.

ЯВЛЕНИЕ ШАРА

Изрядно проплутав по топкой низине, Юрий наконец отыскал хорошо утоптанную лесную дорожку. Она, видно, вела к проезжей дороге. Юрий шагал торопливо.

Уже вечерело. Ему было холодно, на болоте он промочил ноги. Ботинки теперь никуда не годились. «Не беда, — размышлял он, — завтра же куплю новые и вообще приступлю к серьезным покупкам. Обязательно — хороший костюм, потом — магнитофон, потом...» Тут он услышал за своей спиной шорох и оглянулся на ходу.

По дорожке за ним катился шар. Темный шар, размером чуть побольше бильярдного.

Анаконда остановился. И шар тоже остановился ша-

гах в трех от него. Анаконде стало не по себе. «Тот я забросил в озерцо вместе с портфелем, тот утонул по всем законам физики», — сказал он и, подойдя к шару, нагнулся и взял в руку. Шар был тот же самый! Очень тяжелый, очень холодный. . . Юрий вспомнил, как спортсмены толкают ядро, изо всех сил метнул его в мох и быстро зашагал дальше.

Впереди был овражек с мостиком через ручей. «Надо скорей перейти этот мостик», — сказал себе Юрий и оглянулся.

Шар двигался за ним по дорожке. «Какой упрямый! — мелькнуло у Юрия. — Прямо Константин!» (Константин — это был один такой мальчишка с их двора. Все ребята его дразнили: «Костя, Костя, Константин, играть с Костей не хотим!» — а он бегал за ними — бритый, круглоголовый, неотвязный, удивительно неутомимый. Теперь он боксер в весе пера.)

Да, шар катился за Юрием по дорожке.

— Ну, так дело не пойдет! — крикнул Анаконда и бросился к шару. Схватив его, он добежал до мостика — двух бревен, перекинутых через ручей, — и кинул в воду, в темный омут. Шар скрылся в глубине. — Там тебе и место!

Юрий сделал два шага, оглянулся и увидел: шар всплыл и катится к нему по поверхности воды, против течения.

Тогда Юрий бросился со всех ног. Взбегая вверх по откосу овражка, он опять оглянулся. Константин (будем так иногда называть шар для разнообразия, чтобы не утомлять читателя частым повторением слова «шар») без усилий вкатывался за ним по наклонной плоскости. Анаконда кинулся в лес и стал петлять между стволами, чтобы сбить шар со следа. Но вскоре обнаружил, что тот теперь движется по воздуху, на уровне его головы. Константин перемещался в

пространстве, выбирая в просветах между стволов кратчайшие прямые. Движения его не походили на полет: это были как бы беззвучные броски по горизонтали. Порой он менял направление под прямым углом, действуя вне закона инерции. Он ни разу не задел ни одной ветки у живых деревьев, но когда на его пути встала сухостойная сосна, он не замедляя хода, беззвучно прошел сквозь ее ствол, и там осталось правильное круглое отверстие.

Анаконда выбежал на полянку, где догорал костер. Очевидно, недавно, уже после ливня, здесь отдыхали городские охотники, эти отважные борцы со всеми живыми беззащитными тварями. Юрий сел на пенек, чтобы отдышаться, Константин застыл в воздухе в трех шагах от него: он висел над землей неподвижно, будто покоясь на незримом хрустальном столбе.

У Анаконды возникла одна идея. Он пошел в лес собирать валежник. Шар, не снижаясь, последовал за ним. Набрав большое беремя хвороста, Юрий бросил его в костер, и тот разгорелся, взметнул высокое пламя. Тогда, подойдя к висящему в воздухе шару, Анаконда нажал на него рукой, чтобы подтолкнуть к огню. Но Константин не поддался. Анаконда жал на него изо всех сил, но шар висел, будто накрепко впаянный в пространство. Юрий в изнеможении сел на пенек, огорченно уставился в землю. И вдруг шар, будто угадав, чего от него хотят, снизился и добровольно вкатился в костер, в самую сердцевину, под горящие сучья.

— Туда тебе и дорога! — с облегчением сказал Анаконда.

Закурив, он протянул ноги к огню. От сырых ботинок пошел пар, ногам стало тепло. В мире стояла тишина, птицы уже улеглись спать. Вечерняя синева тянулась из лесу на поляну и смешивалась с дымом

костра. Костер горел ярко и дымно. «У шара, верно, все механизмы от жары уже полопались, скоро можно и идти, — размышлял Юрий. — Но до чего нынче у нас всякая техника дошла, такой шар сконструировать! Умные какие-то головы думали, да чего-то не додумали: сам, дурак, в огонь вкатился. . . Ну, теперь можно идти. Надо бы только костер загасить. Сейчас наломаю веток и собью огонь».

Анаконда встал, сделал два шага. Вдруг горящие ветви в костре зашевелились, и Константин всплыл из огня, повис над красными лохмотьями пламени. Юрий, поплевав на пальцы, коснулся шара. . . Такой же холодный, как до костра! «Может, я с ума сошел? — подумал Анаконда. — Но только какие к тому предпосылки? Ведь я ни о каких шарах никогда не задумывался. И вообще ничем круглым никогда не интересовался, даже за круглыми пятерками не гнался. Когда глобус проходили — географ мне двойку вlepил. И в футбол я не играю, и в баскетбол не играю. А что шариковой ручкой пользуюсь, так ими все теперь пишут. . .»

Прервав его размышления, из шара, как струя воды из брандспойта — только совсем беззвучно — ударил круглый, лимонно-желтый луч света. Шар направил его на костер — и тот сразу погас, почернел, ни единого красного уголька не осталось. В тот же миг погас и лимонно-желтый луч. И хоть стояла пора белых ночей, но здесь, в лесу, сразу стало темновато. Анаконда растерянно стоял среди поляны, не зная, в какую сторону ему идти.

Внезапно шар метнулся в воздухе туда-сюда, будто желая привлечь к себе внимание. Из него устремился вниз конус синеватого света. Потом он плавно двинулся вперед, и Юрий пошел за ним. Трава и мох, которых коснулся луч, не сразу исчезали в темноте; они продолжали светиться некоторое время после того, как

шар уже миновал их. Анаконда шел как бы по светящейся тропинке. Она неспешно гасла за его спиной. «Шар меня преследует, но он же и помогает мне, — размышлял Юрий на ходу. — Он вроде бы взял шефство надо мной. . . Но, может быть, в этом-то и есть самое плохое?»

Константин вывел его на шоссе и сразу погас. Справа за дюнами шумело море, впереди виднелась бетонная будочка — автобусная остановка. Возле нее стояло несколько человек.

«Раз от него никак нельзя избавиться, то надо обязательно спрятать его, чтобы люди не видели», — подумал Юрий. Сняв берет, он подошел к шару, чтобы взять его. Тот спокойно улегся в берет. Но нести было трудновато, это был очень тяжелый шар.

А спросят: «Чего это у тебя там?» — скажу: «Это я камень интересный нашел. . .»

А если попросят показать? . . .

Но никто из пассажиров ничего не спросил.

В МИРЕ ПРЕКРАСНОГО

Уже за полночь поднялся Анаконда на свой шестой этаж. По причине позднего часа дверь квартиры была закрыта на цепочку, пришлось звонить. Открыл Вавилон Викторович, самый поздноложящийся жилец квартиры. На Вавике (так заглазно звали его соседи) голубела пляжная пижама, грудь украшал большой морской бинокль, висящий на лакированном ремешке.

— А это что? — торопливо спросил он Юрия, взглянув на берет. — Ежа отловили?

— Нет, это не еж. . . Так, ерунда. . . — смущенно пробормотал Юрий.

Но Вавик уже забыл, о чем спрашивал. Он поспешно направился к двери своей комнаты, которая находилась рядом с комнатой Юрия.

Анаконда вошел в свою комнату и положил берет с шаром на стул. Потом включил свет и закрыл дверь на задвижку. Надо куда-то спрятать деньги. Обстановка десятиметровой комнатки не изобиловала тайниками. Имелась кровать металлическая, старинная этажерка, желтый крашенный шкаф, два стула и современный письменный стол. Все, кроме письменного стола, досталось Юрию в наследство от тетки, которая воспитывала его. Она умерла в позапрошлом году. Родителей Юрий не помнил.

«Пока спрячу деньги под изголовье, — решил Анаконда и, пересчитав пачки, положил их на панцирную сетку, приподняв матрас. — Только подумать, какой я теперь богатый человек!.. И главное, никто не знает...»

Услыхав негромкое паденье чего-то, он оглянулся. Это берет упал со стула. Шар висел в воздухе в трех шагах от Юрия, на уровне его глаз.

«Деньги деньгами, а вот это бесплатное приложение мне не очень-то нравится, — промелькнула мысль. — Но, если здраво рассуждать, вреда от него нет. Надо только, чтобы никто, кроме меня, его не видел».

Шар безмолвно висел среди комнаты. В квартире все спали. Только из-за стены слышен был голос Вавика:

Шимми папуасы танцевали,
Шимми неприличным называли,
А теперь танцует шимми целый мир!

В часы хорошего настроения он часто напевал эту песенку.

Вавилон Викторович был начинающий пенсионер,

ему шел шестьдесят второй год. В квартиру он въехал в результате обмена полтора года тому назад. Он не пил, не играл в домино, но у него было странное хобби. По вечерам, выключив свет в своей комнате, часами просиживал он с биноклем у окна.

Перед домом простирался небольшой квадратный сквер, а за ним — высокое и длинное семизэтажное здание. Лучшее всего Вавику видны были два верхних этажа. В этих этажах жили студенты и студентки санитарно-экономического техникума. Уверенные в своей визуальной недосыгаемости, молодые люди редко задерживали занавески, и Вавилон Викторович, при помощи оптики, имел возможность вникать в их быт. Всех юношей и девушек он давно знал в лицо и всех окрестил звучными именами. Там, в скромных четырехкочных комнатках, обитали Одетты, Травиаты, Хабанеры, Аиды, а также всевозможные Родамесы, Фарлафы, Риголетто и Фигаро.

— У меня нет средств на покупку телевизора, и этот дом напротив — мой многоэкранный телевизор, — говаривал Вавик. — Я люблю молодежь отечески, скептически, оптически и платонически! Через это я вхожу в мир прекрасного!

...

Юрий вдруг почувствовал, что очень голоден. Еще бы, столько часов провел в лесу и ничего не ел! Взяв с подоконника чайник, он направился на кухню. Шар поплыл сзади. Пришлось пропустить его в дверь. Юрий тихо прошел коридором, вошел в кухню, зажег газ. Шар был тут, он не отставал. Сопровождаемый им, Анаконда сходил в ванную, умылся, потом вернулся к плите. Чайник уже шумел.

Вдруг из коридора слышались тихие шаги. Видно, Вавилон Викторович покинул свой наблюдательный

пост и решил перекусить. Сейчас он войдет сюда и увидит Константина!.. Что делать?! Юрий открыл дверцу газовой плиты и втолкнул шар в холодную духовку. И как раз вовремя. Вошел Вавик.

— Тоже чайком решили побаловаться? — спросил он, зажигая конфорку. — А булки не успели небось купить. . . Идемте ко мне, я вам одолжу, как ассистент ассистенту, — это выражение означало в устах Вавилона Викторovichа наивысшую и наиболее благороднейшую форму человеческих отношений.

Он вышел из кухни. Юрий пошел за ним. В комнате Вавилон Викторovichа пахло трубочным табаком и хорошим туалетным мылом. Окно было открыто. Внизу, в сквере, поблескивая молодой листвой, тихо стояли деревья. Вдали, над деревьями, через сквер виднелись окна общежития. Почти все они были уже темны.

— Вот, берите булку, — сказал Вавик. — Со мной не пропадете. . . А это что такое? Вот так так! Это ваш?

Константин висел в воздухе в трех шагах от Юрия.

— Да, это мой. . .

Вавилон Викторovich взял шар в руку. Тот дался без сопротивления. Потом Вавик отпустил его, и шар повис в прежнем положении.

— Какой тяжелый и холодный! — сказал Вавик. — И притом не падает. . . Как умопомрачительно прогрессирует прогресс! Электрички, синтетические ткани, размножение атома, транзисторы. . . Шарик этот вы не в Гостином дворе приобрели?

— Нет. . . Мне его подарили. . . Я прошу вас. . .

Но Вавилон Викторovich уже не слушал. Заметив, что одно из окон в общежитии зажглось, он метнулся к торшеру, выключил свет и теперь, вскинув бинокль, стоял у своего окна, зорко вглядываясь вдаль, как капитан на мостике корабля.

— Агамемнон принес две бутылки, и боюсь, что это не квас, а именно пиво. Трудно мне с вами, юноши! Болею душой за ваш моральный уровень! — сокрушенно произнес он. — А любимица моя Леонковалла все у окна сидит, читает. . .

— Это композитор был такой, Леонковалло, — немело уточнил Юрий. — Женского имени нет такого.

— А вот и есть! В мире прекрасного свои законы, — отпарировал Вавик. — Вы поглядите, поглядите на нее! — Он сунул цейс в руки Юрию.

Анаконда, боясь рассердить Вавилона Викторовича, ибо теперь кое в чем зависел от него, поднес к глазам бинокль. Там, очень далеко и в то же время очень близко, за столиком возле окна сидела белокурая девушка в голубой кофточке. Окуляры обвели ее лицо тончайшей радужной каймой, как бы нимбом. Девушка что-то читала. Лицо ее было задумчиво.

— Славная девушка, — сказал Анаконда. — Очень симпатичная.

— Я же говорю: чистая Леонковалла, — подтвердил Вавик. — Жемчужина общежития! И притом безупречного поведения. Другие по танцуйкам шастают, а она все книги читает. Маленькие такие книжечки.

— Может, стихи?

— Не знаю. Текста бинокль не берет. Давно уж надо мне технику посильнее. . . Тут один человек подзорную трубу продает. Трофейная, с немецкой субмарины. Да вот с материальными средствами у меня туго... А чайник-то, наверное, вскипел уже!

— Вавилон Викторович, у меня к вам просьбочка, — торопливо сказал Анаконда. — Очень прошу вас никому не говорить об этом шаре.

— О шаре!.. Буду нем как рыба или даже как могила. Но и вы сделайте одно благородное дело.

Одолжите мне на эту самую подозрную трубу. Требуется восемьдесят пять дублонов, как говорили древние греки.

— Хорошо, — ответил Юрий. — Я вам одолжу.

Вавилон Викторович пошел к двери, за ним двинулся Анаконда, сопровождаемый Константином. Вдруг Вавик сказал удивленно:

— А что это такое? Дыра в двери! Хотел бы я знать, чье это самоуправство!

Действительно, в филенке виднелась дыра, абсолютно круглая, с ровными краями. Никаких опилок, никаких отходов производства на полу не валялось.

— Это шар дыру проделал, — дрожащим голосом объяснил Юрий. — Когда мы вошли сюда, то сразу же закрыли дверь за собой, а он всюду за мной летает.

— Ладно, я завтра рано утром эту дыру фанеркой залатаю. Все будет шито-крыто... А пиастры, как их называли древние римляне, вы сегодня мне сможете дать?

— Да.

В кухне обнаружилась еще одна проделка Константина. В дверце духовки зияла круглая дыра. Константин без труда прошел сквозь два железных листа, из которых она была склепана. Края дыры — абсолютно ровные, без заусениц и наплавов.

— Ловко ваш шарик действует, — сказал Вавилон Викторович. — Ну ничего, у меня один знакомый есть, он эту дверцу заменит... Кстати, у этого человека имеется продажное зубо-врачебное кресло, давно я о таком мечтал. И просит он за него всего шестьдесят пять...

— Но зачем вам оно? — удивился Анаконда. — Вы ведь не зубной врач.

— Конечно, я не зубной врач, — охотно согласился Вавик. — Но у кресла подколотники очень удобные, и

притом наклон головы можно регулировать, чтобы шея не уставала. Из такого кресла наблюдать очень уютно, и я буду меньше выходить из комнаты, и, значит, меньше шансов будет, что я кому-нибудь случайно проговорюсь насчет шарика.

ВЕРХОВНЫЙ СДАВАТЕЛЬ БУТЫЛОК

Когда наконец Юрий улегся в постель, он мгновенно стал подданным автономного государства снов, где не было никаких денег и никаких Константинов. Проснулся он после полудня — так намаялся за вчерашний день. В трех шагах от его изголовья, на уровне глаз, висел в воздухе темный шар.

«А деньги?! — встрепенулся Юрий. — Вдруг они только почудились? Шар есть, а денег нет?!» Он вскочил с кровати, приподнял матрас. Пачки лежали как миленькие. Одна была чуть потоньше других — из нее он вчера вытащил пятнадцать десятков для Вавика.

Перед тем как идти в булочную, он обернул шар газетой и сунул его в продуктовую сеточку. Константин не оказал никакого сопротивления. «Не так уж плохо дело, — подумал Юрий. — Константину нужно находиться все время около меня, но в каком положении, в какой упаковке — это ему все равно. Он совсем не стремится к саморекламе. Что ж, ночью буду выпускать его, а днем носить с собой, только и всего. Правда, тяжеловат он, но тут уж ничего не поделаешь».

Проходя мимо двери Вавика, Юрий с удовлетворением отметил, что отверстие аккуратно заделано фанеркой, и фанерка покрашена цинковыми белилами. А когда пришел на кухню, то сразу бросил взгляд на дверцу газовой плиты. Она была новая, без всякой

дыры. Вавилон Викторович сдержал свое слово. «Все-таки совесть у него есть, — подумал Анаконда. — Правда, совесть дорога, она мне обошлась в 150 р. 00 к., но лучше уж такая, чем никакой!»

Наконец, позавтракав и тщательно заперев дверь своей комнаты, Юрий отправился в Гостиный двор делать покупки. Когда он подъезжал к универмагу на такси, у него мелькнула мысль, что хорошо бы, расплатившись с шофером, быстро захлопнуть за собой дверцу машины, а шар в сеточке оставить на сиденье. Но он быстро отсеял это искушение. С Константином шутки плохи: возьмет да и пробьет дверцу «волги», будет скандал. Лучше уж с ним не ссориться.

Войдя в Гостиный двор, Анаконда первым делом купил сумку — помесь рюкзака с авоськой; такую можно носить в руках и за спиной. Положив сеточку с Константином в эту удобную сумку, Юрий приступил к дальнейшим приобретениям. Больших денег у него никогда не водилось до этого случая, и поэтому он решил вначале потренироваться на легких мелких тратах, а потом уже покупать дорогие вещи. Для разгона купил подстаканник, портсигар металлический с изображением Петропавловского шпиля, пластмассового пингвина, носки, рожок для надевания ботинок, сахарницу из оргстекла, электрический фонарик, зажигалку с газовым баллончиком, вечный календарь, фарфоровую лисицу и настольный термометр. Потом пошел по второму кругу: купил хорошие ботинки за 35 р., четыре рубашки, джемпер в подарок Кире (45 р.), джемпер себе за 37 р., костюм за 178 р., фотоаппарат «Киев». «На сегодня хватит, — решил он. — Завтра продолжу это приятное занятие, а сейчас перекушу где-нибудь на Невском, а затем поеду домой».

Обремененный покупками, вышел Анаконда из универмага. Вскоре, сидя за столиком, он с удоволь-

ствием ел бутерброд с копченой колбасой, запивая его кофе. Вдруг кто-то пропитым, но громким голосом произнес над самым его ухом:

Живи, дитя природы,
Будь весел и здоров,
И кушай бутерброды
На грани двух миров.

Юрий вздрогнул и поднял глаза. Перед ним стоял молодой человек с припухлым лицом. В руке он держал сеточку, набитую пустой винной посудой.

— Зазнался, Юрка, не узнаешь товарища! — воскликнул незнакомец и снова перешел на стихи:

Я верховный сдаватель бутылок
И не сбывшийся юный поэт.
Положи мне ладонь на затылок
И почувствуй горячий привет!

Ладонь на затылок ему Анаконда класть не стал. Он распознал в молодом человеке своего одноклассника Толика Древесного. Толик, будучи в школе, слыл начинающим поэтом. Он непрерывно помещал свои стихи в стенгазете, участвовал в поэтических турнирах и вернисажах; на него возлагали большие надежды. После выпускного вечера Анаконда не встречал его ни лично, ни на страницах печати. Теперь Древесный выпрыгнул из небытия в самом неожиданном виде и в самый неподходящий момент.

— Приветствую тебя, Толя! — сказал Юрий, сделав заинтересованное лицо. — Как дела? Где трудишься?

Древесный громогласно ответил стихами:

В управлении винтреста
Я работал день за днем,
Но отчислен я от места,
И душа горит огнем.

Из-за соседних столиков на них начали поглядывать. «Не вляпаться бы в историю, — беспокоился Юрий. — Заметут в милицию, а там обнаружат шар».

— Сейчас зайдем в гастроном, а оттуда ко мне. Я тебя познакомлю с Тусей, — заявил Древесный и опять перешел на стихи:

Небесный ангел симпатичный
Имелся в небе голубом,
Имел оценку на «отлично»
В моральном смысле и любом.

Он стал объектом материальным,
Женой мне стал. О, счастлив я...

— Идем скорее! — сказал Анаконда, поспешно беря сумку с Константином и свертки с покупками. Древесный пошагал за ним.

ШАР НЕ БЕЗДЕЙСТВУЕТ

На другой день Анаконда проснулся с каменной головой. Мутило. На полу валялись помятые, рваные пакеты с покупками. Шар висел в воздухе в трех шагах от кровати. Юрий повернулся на другой бок, попробовал снова уснуть, но такая тоска напала, что сон не шел. Жизнь стала казаться нелепой и напрасной. Юрий вспомнил, что до сих пор не выполнил редакционного задания. Он чувствовал полное отсутствие творческих сил. Потом припомнилась дурацкая вчерашняя пьянка и как его выгнал этот трепач Древесный. А в голове стучали пневматические молотки, визжали дисковые пилы, грохотали ящики с пустой винной посудой.

«Хорошо бы уснуть и не проснуться, — с тоской подумал Анаконда. — Чтоб не было ни головной боли,

ни шара, ни даже меня лично. . . И зачем я польстился на эти деньги! . . .»

Комната осветилась на миг розоватым светом. Константин приблизился к Анаконде, застыл сантиметрах в восьмидесяти от его лица. На шаре образовался небольшой нарост. Нарост протянулся в сторону Юрия, превращаясь в тугую спиральку. На конце спиральки возникла плоская площадочка. На площадочке выросла маленькая прозрачная мензурка. Мензурка наполнилась жидкостью с голубоватым отливом.

— Отравить меня хочешь! — сказал Анаконда. — Ну и отравляй, так мне, негодяю, и надо!

Взяв мензурку, он залпом выпил горьковатую жидкость и отшвырнул сосуд. Площадочка метнулась на спиральке, поймала мензурку, и все втянулось в шар. Он опять был гладким, без единой выпуклости. Юрий же стал ждать печального конца.

Но жидкость оказала иное действие. Головная боль пошла на убыль, тоска отхлынула. Анаконда уснул. Проснулся через час бодрым и здоровым. Решил сразу же взяться за дело. Сел за стол. Принялся писать очерк. Вскоре очерк был написан. Начинался он так:

С лукавинкой, с бодрым юморком и смешинкой встретил меня благородный возвращалец Н. И. Лесовалов в своем скромном, но уютном загородном жилище. Весь высокий настрой жизни благородного возвратителя располагает его к широкой возвращальческой деятельности. Когда я посетил его, этот выдающийся возвращалец пил желудевый кофе на веранде. Из радиолы лилась мелодичная скрипичная рапсодия. Из магнитофона струилась раздумчивая рояльная мелодия.

— Люблю этот полезный напиток, — с ласковым прищуром поведал мне маститый возвращатель. — В особенности приятно его пить под задушевную, с грустинкой музыку Баха, Римского-Корсакова и др. выдающихся композиторов. С босоногого детства у меня наличествовало два хобби: музыка и возврат находок. Я любил вручать людям утерянные ими монеты, предметы и пищевые продукты. . .

Очерк занял одиннадцать страниц от руки. «Значит, на машинке получится страниц девять, как раз на подвал. На днях приобрету машинку, благо деньги есть. Но хорошо бы сегодня же материал перепечатать...» — Юрий шутливо обратился к шару:

— Хоть бы ты, Константин, мне помог. А то висишь тут в воздухе без дела.

Константин мигнул лиловатым светом. Из шара выдвинулось два витых отростка и несколько штырей. Они опустились на стол, стали расти, переплетаться, образуя сложную рабочую систему. Через четырнадцать секунд один из отростков уже держал в темных пластинчатых зажимах страницу рукописи. По строчкам, считывая текст, скользил тонкий синеватый лучик. По чистому листу, зажатому в комплекс каких-то реек и пружинок, беззвучно двигался маленький цилиндр, оставляя за собой четкий машинописный текст.

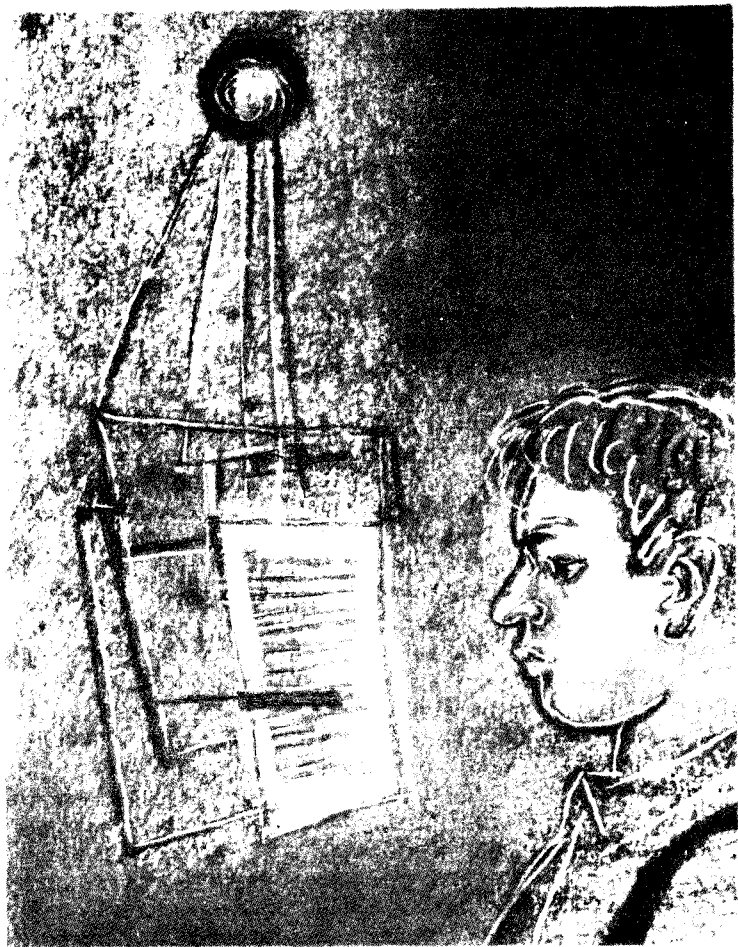
Через три минуты сорок семь секунд рукопись была перепечатана в трех экземплярах. Затем рабочая система начала расплываться, уменьшаться. Шар, втянув в себя штыри и отростки, опять стал гладким. Анаконда тщательно сверил свой текст с машинописным. Ни одной опечатки. В двух местах Константин даже исправил описки. Эта способность шара к коррективке неприятно поразила Юрия.

. . .

На следующее утро Анаконда поехал в редакцию. Увы, очерк был встречен холодно. Савейков сказал:

— Много фальши и ложных красотостей. Не ладится у вас дело. И старик не получился. Он теплый, но бледный. Попробуйте его охладить и оживить. Я там кое-что подчеркнул.

Взяв исчерканную Савейковым рукопись, Юрий

угрюмо побрел домой — оживлять старика. Но как это сделать — он не знал. Он чувствовал, что лучше написать не может. С горя пошел во Фрунзенский универсам, купил себе пару нейлоновых рубаш, потом подумал, подумал и приобрел таллинский подсвечник и фарфорового баяниста. Так как покупки были малогабаритные и уместились в сумке, он решил на этот раз не брать такси, а ехать домой троллейбусом. Народу в троллейбусе оказалось немного, и Юрию досталось место у окна. Но не проехал он и двух остановок, как из рюкзака послышалось жалобное мяуканье. «Что за черт! — удивился он. — Никакая кошка попасть туда не могла. Это не иначе проделки Константина».

Между тем мяуканье становилось все громче и жалобнее.

— Безобразие какое! — сказала, обратясь к Юрию, женщина, сидящая через проход. — Если завели кошку, то незачем ее мучить. Вы затиснули ее своими покупками! Она задыхается в вашей сумке.

— Извините, гражданочка, никакой кошки у меня нет, — вежливо возразил Анаконда.

— Мы глухие, что ли! Врет и не краснеет! — послышались возмущенные голоса.

— Он украл где-то ценного кота, вот и прячет. Я по голосу слышу: это ангорский кот, — высказался пожилой гражданин-котовед.

— В милицию бы надо свести! — сказал кто-то. — Там выяснят, где тут собака зарыта!

Анаконда схватил рюкзак и спешно направился к выходу. Он сошел за пять остановок от дома. Едва ступил на асфальт, как мяуканье прекратилось. Но ехать уже не хотелось, пошел пешком. Он шел и размышлял о причудах Константина.

Подходя к своей улице, он увидел толпу. Она уже начинала таять, насытая созерцанием происшествия.

Троллейбус, тот самый — Юрий запомнил номер на кузове, — стоял сильно накренясь. В правом борту виднелась большая вмятина. Окно было вдрызг разбито. Это было то самое окно, у которого недавно сидел Юрий.

— Грузовик проскочить хотел, — пояснила Анаконде какая-то гражданка. — Пассажиры все живы, отделались ушибами и испугами. Хорошо, что вон у того окна никто не сидел — не поздоровилось бы!

До Юрия дошло, что Константин его спас. Но когда отхлынула волна радости, на душе стало муторно: раз может спасти, может и погубить.

РАЗРЫВ С КИРОЙ

Дома Юрия ждала телеграмма: «Прилетела Кырма жду завтра даче Кыра». Текст и обрадовал и встревожил. В предыдущее свое возвращение Кыра прислала телеграмму с юга, чтобы Юрий встречал ее на аэродроме. Может быть, на этот раз кто-то сопровождал ее в самолете?

С Кырой Анаконда познакомился два года назад на студенческой вечеринке. Девушка ему очень понравилась. Они стали вместе ходить в кино, в театры и на пляжи. Но о любви еще ни слова не было сказано. Кыра — девушка самостоятельная и с гонором, к ней не так-то легко подступиться. Она недавно окончила университет и теперь работала лаборанткой в одном биологическом институте. Отец ее был видным профессором гальванотерапии, имелись дача и машина. К чести Юрия надо сказать, что он, когда знакомился с Кырой, не знал ни о звании ее отца, ни о «волге», ни о даче. Наоборот, он был смущен, узнав о высоком

материальном уровне девушки. Отчасти из-за этого он не пошел после окончания института работать по своей специальности, а устроился в редакцию. Ему хотелось стать известным журналистом и тем самым доказать Кире, что и он не лыком шит. Но, к сожалению, с журналистикой не ладится. Уже три месяца он числится в редакции, но все его материалы бракуют. Теперь единственная надежда на очерк о благородном возвратителе.

Юрий заставил себя усесться за стол и принялся перерабатывать очерк. Однако дело не клеилось. Константин висел рядом, но работе не содействовал. Видно, не желал вмешиваться в творческий процесс. Анаконде очень захотелось спать. Перед сном он проверил пачки, лежащие под матрасом. Все в порядке! Много еще денег!

Проснулся он рано. Торопливо умывшись и попив чаю, засунул Константина в рюкзак, выше положил джемпер — подарок Кире — и отправился на вокзал. По дороге купил букет южных роз.

Сойдя с электрички, Юрий за десять минут дошел до Кириной дачи. Кира сидела на веранде в солнечно-желтом платье, которое ей очень шло. Шел ей и загар. Встретила она Анаконду не то чтобы враждебно, но как-то прохладно. Юрию сразу же показалось, что Кира не очень рада ему. Цветы она милостиво приняла, но от джемпера отказалась.

— Юра, никаких вещественных подарков мне не надо. Ты уж не обижайся. Что, тебя наконец-то напечатали, кажется?

— Аванс под очеркишко получил, — небрежно бросил Анаконда. — Написал неплохой подвал о благородном возвратителе.

— Такого слова в русском языке нет, — ровным голосом сказала Кира. — Между прочим, на пляже

в Феодосии я познакомилась с одним интересным человеком. Он тоже ленинградский журналист, но он. . .

— Меня не интересуют твои пляжные знакомства, — недовольно прервал ее Анаконда.

— Не будем ссориться, — спокойно ответила Кира. — Хочешь, пойдём купаться?

— А ты не боишься простудиться после юга? — дипломатично спросил Юрий. Ему не хотелось идти на реку. Он знал, что Константин непременно увяжется за ним в воду.

— Простудиться я не боюсь, — с улыбкой ответила Кира. — Я боюсь, что ты стал очень ленивым. Возьми-ка вон там, у гаража, лопату и выкопай в саду ямку для заборного столба. Это мы всех гостей теперь будем заставлять работать. . . А я пока пойду помогать маме обед готовить.

Анаконда снял пиджак, автоматическим движением схватил сумку с шаром и направился за лопатой.

— А рюкзак-то зачем? — засмеялась Кира. — Ты что, жить без него не можешь?

— Просто ужасно привык к нему. Без него как без рук, — с наигранной беспечностью произнес Юрий и, захватив лопату, пошел в дальний конец сада.

Старая изгородь была повалена, и по границе участка, на равном расстоянии одна от другой, виднелись квадратные ямы для столбов будущего нового забора. Некоторые ямы не были выкопаны, был только снят дерн там, где их предстоит копать. Анаконда, положив рюкзак возле себя, не спеша принялся за работу. И вдруг у него мелькнула одна мысль. Перейдя за территорию участка, он торопливо срезал лопатой квадрат дерна и быстро начал копать новую яму. Теперь он работал во всю силу, земля так и летела. Когда яма глубиной сантиметров в восемьдесят была готова, Юрий, воровато оглянувшись по сторонам, вынул из рюкзака

шар и бросил его на дно. Шар тяжело и покорно лег на влажный грунт. Анаконда стал забрасывать его землей.

«Кажется, на этот раз я перехитрил тебя, — подумал он. — Спи спокойно, дорогой Константин! Да будет пухом тебе земля!»

Забросав могилу Константина, Юрий принялся утрамбовывать землю ногами. Потом отошел на два шага в сторону, полюбовался на дело рук и ног своих. Как светло и просторно стало в мире без шара! Как легко пели птицы! Как весело дышалось!..

Анаконда поднял полегчавший рюкзак и сделал шаг в сторону дачи. На прощанье он оглянулся — и сразу померк день. Утоптанная земля вспучилась, потом показался Константин. Он не спеша всплыл сквозь землю — и вот опять занял свое место в воздухе в трех шагах от Юрия. Ни одной песчинки к нему не прилипло. Он был такой же, как до своих похорон.

В довершение всего совсем близко послышались шаги Киры и ее удивленный возглас:

— Юра, что это? Почему он не падает?

— Это шар... Шар как шар, — испуганно и невольно ответил Анаконда. — Можешь взять его в руку.

Кира осторожно взяла шар и сразу же отпустила.

— Тяжеленный какой! И холодный как лягушка. Откуда это у тебя?

— Кира, я тебе все расскажу, но поклянись, что никому ничего не расскажешь. — С этими словами Юрий повел девушку к садовой скамье и поведал ей всю правду. Кира слушала не перебивая, потом сказала:

— Конечно, я никому ничего не скажу. Это очень некрасивая история. Да, я давно уже начала разоча-

ровываться в тебе и, по-видимому, была права... Ты уж не обижайся, но у меня к тебе такая просьба: пока с тобой этот ужасный шар — не приходи ко мне.

— Кира, а вдруг этот шар никогда от меня не отвяжется? — с отчаянием в голосе спросил Анаконда.

— Тогда не приходи ко мне никогда.

НАУЧНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

В глубоком удручении вернулся домой Анаконда. С тех пор как он подпал под власть шара, ему чертовски не везло. Как вернуть жизнь в прежнее русло? Как избавиться от Константина?

Вспомнив о конверте, обнаруженном в портфеле, он схватился за задний карман брюк. Но там ничего не было, карман был пуст. Анаконду оторопь взяла. Потерял... И вдруг до него дошло, что на нем давно новый костюм, а старый валяется в шкафу. Он бросился к шкафу, вытащил оттуда старые брюки. От них пахло хвоей, несколько сосновых иголок упало на пол, когда Юрий, ощупав задний карман, извлек из него конверт.

На конверте было напечатано:

«ПЛАНЕТА ИКС»

(название разглашению не подлежит)

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ДАЛЬНИХ ПЛАНЕТ
ПОДОТДЕЛ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ
ГРУППА ПСИХОЛОГИИ И ЭТИКИ

Уважаемый Нашедший!

Поступи с этими деньгами так, как считаешь нужным. Возможно, ты прочтешь эти строки, когда часть денег будет израсходована тобой, однако продолжай их тратить (или хранить) по своему усмотрению.

Текст этот, в сущности, ничего не прояснил, а, наоборот, внес в душу Анаконды еще большее смутение. И тогда он вдруг вспомнил, что на днях прочел в газете об учреждении нового Научно-Исследовательского Института Необъясненных Явлений Природы (НИИНЯП). Он решил отправиться туда на следующий же день. А вдруг там ему помогут?

Юрия безо всякой волокиты сразу же провели в кабинет научного руководителя НИИНЯПа Рассветова. Когда Юрий показал ему свой журналистский билет, Рассветов сказал:

— Писать об институте рановато. У нас еще мало фактов, товарищ Лесовалов.

— Вообще-то я Анаконда, — сразу же уточнил Юрий. — Знаете, такая змея. Обитает в верховьях Амазонки, отдельные экземпляры достигают четырнадцати метров.

— Десяти с половиной метров, — уточнил Рассветов. — И давно это с вами случилось?

— Что случилось?

— Ну, что вы стали считать себя змеей.

— Я вовсе не считаю себя змеей, — обиделся Юрий. — Просто это мой творческий псевдоним.

— Ах вот оно что! А то, видите ли, к нам вчера приходил гражданин, который считает себя пингином. Это не по нашей части.

— Ну, я не из таких. Я по делу... Хочу поведать вам одну тайну. Но вы действительно исследуете необъяснимые явления?

— Необъясненные, — поправил Рассветов. — Да, исследуем. К нам уже начали поступать отдельные... ну, как бы вам сказать... странные вещи. Население охотно идет нам навстречу. Третьего дня, например, один мальчишка-юннат принес нам интересный объект. поймал его на улице.

С этими словами Рассветов отворил дверь. Из соседней комнаты выбежала такса и улеглась на ковре возле стола.

— Какой же это объект? Это собака! — сердито сказал Юрий. — Я к вам как человек к человеку, а вы мне каких-то собак!

— Это не собака, а биоэлектронное устройство, выполненное в форме собаки и заброшенное на Землю для сбора информации, — не повышая голоса, молвил Рассветов. — Вы посмотрите внимательнее.

— Господи, да у нее шесть ног! Что ж вы сразу не сказали? — всколыхнулся Анаконда. — Зачем ей шесть ног?!

— Перестраховщики с Венеры, — бросил Рассветов. — Это их работка. Сконструировали недурное, в общем, устройство, но, чтобы увеличить коэффициент прочности, добавили пару ног. . . Так что вы хотели мне сообщить? . . . Не стесняйтесь, мы у этой «таксы» сразу же вывинтили передающую систему, так что на Венере ничего не узнают.

— Я хочу, чтобы и на Земле ничего не узнали, — заявил Анаконда. — Сейчас я вам тоже одно устройство покажу. Но прежде прочтите, что вот тут написано. — И он сунул в руки Рассветову таинственный конверт.

Рассветов прочел написанное на конверте, покачал головой и ничего не сказал.

Тогда Юрий вынул из сумки шар, и тот немедленно повис в воздухе. Биоэлектронная собака при виде Константина вскочила с ковра и, поджав хвост, с жалобным воплем кинулась в соседнюю комнату.

— Очень странный шар, — задумчиво проговорил Рассветов. — Не агрессивен?

— Нет, можете взять в руку. Не кусается. Уж лучше бы кусался.

Рассветов подержал шар в руке, потом отпустил. Константин занял прежнюю позицию в воздухе.

— Шар очень странный, — повторил Рассветов. — Аналогов в истории, насколько мне помнится, нет. Удельный вес, кажется, выше чем у свинца. Скажите, температура его часто меняется?

— Совсем не меняется. Даже если в огонь бросить — он все такой же холодный.

— Странный объект! — в третий раз повторил Рассветов. — Расскажите, как и когда вы вступили в контакт. Что предшествовало тому моменту, когда он контактовался с вами? Говорите мне все без утайки.

— Я вам всю правду расскажу, — заявил Юрий, — но вы должны дать мне обещание, что никто за стенами вашего института ничего не узнает о шаре.

— Охотно даю вам такое обещание, — ответил Рассветов. — Но если в процессе исследования шара выяснится, что сохранение тайны поставит под угрозу жизнь и здоровье других людей, а также создаст возможность утечки информации с Земли на другую планету, я буду вынужден отменить свое обещание.

— Я вас понимаю, — сказал Анаконда. — Конечно, если шар может принести вред другим, тут уж придется пожертвовать тайной... А теперь слушайте.

Рассказ Юрия длился долго. Рассветов слушал. Потом повел Анаконду в лабораторию, где шар стали подвергать испытаниям. Из института Юрий с шаром ушел под вечер и в течение недели ходил в НИИНЯП как на службу. Чего только не делали с Константином! Его клали в термостат, опускали в крепчайшие кислоты и щелочи, подвергали действию электрического тока, били по нему кувалдой, замуровывали в цемент, заваливали стальными плитами и свинцовыми пластинами. К концу недели Рассветов составил карточку исследований, копию которой вручил Юрию.

Условное наименование исследуемого объекта: *ШВЭНС (шар всепроникающий экстерриториальный неземной самоуправляемый)*

Аналоги по картотеке необъясненных явлений: *аналогов нет*

Внешний вид объекта в состоянии покоя: *шар правильной формы темного цвета*

Степень опасности по 12-балльной системе Каргера при агрессивности: *12 баллов по Каргеру*

А. Физико-химические характеристики

1. Диаметр: <i>77,631 мкм</i>	5. Реакция на кислоты: <i>не реагирует</i>
2. Атомный вес: <i>266,24</i>	6. Реакция на щелочи: <i>не реагирует</i>
3. Уд. теплоемкость: <i>отсутствует</i>	7. Радиоактивность: <i>отсутствует</i>
4. t° плавления: <i>не выяснена</i>	8. Электропроводимость: <i>отсутствует</i>

Б. Психологические характеристики

1. <i>Разумен</i>	4. <i>Способен предвидеть еще не совершившиеся события</i>
2. <i>Не эмоционален</i>	5. <i>Способен нести многосторонние охранительные функции по отношению к существу, с которым вошел в контакт</i>
3. <i>Не агрессивен (см. № 1 „Особых примечаний“)</i>	

В. Механико-функциональные особенности и аномалии

1. <i>Имея уд. вес тяжелее воды и атм. воздуха, тем не менее плавает и парит в воздухе</i>	3. <i>Способен к многосторонним физическим, химическим и механическим действиям</i>
2. <i>Свободно преодолевает любую среду</i>	4. <i>Универсален</i>
	5. <i>Автономен</i>
	6. <i>Неразрушим земными средствами</i>

Особые примечания

1. <i>На разрушение живой ткани или не запрограммирован, или сам принял решение не причинять вреда белковым соединениям</i>	2. <i>Физически экстерриториален</i>
	3. <i>Источник энергоснабжения неизвестен</i>
	4. <i>Место возникновения не выяснено</i>

Анаконда внимательно прочел карточку.

— А как это понять: «физически экстерриториален»? — спросил он Рассветова.

— Исследуя ШВЭНС, мы были вынуждены ввести этот условный научный термин. ШВЭНС экстерриториален в том смысле, что, находясь на Земле, подчиняется не земным физическим законам, а законам той звездной системы, откуда прибыл.

— От всего этого мне мало радости, — заявил Юрий. — Тут в карточке ни слова не сказано, как мне избавиться от шара. Думаете, легко мне его все время таскать! Все жилы вытянул! А психически — уж и говорить нечего.

— Никаких практических рекомендаций дать вам, к сожалению, не могу. Случай слишком необычный. Боюсь, что наилучший для вас вариант — это сохранять статус-кво и утешать себя мыслью, что вы — единственный человек на Земле, вступивший в контакт со столь необычным инопланетным объектом.

— Провались они, такие межпланетные контакты! — воскликнул Анаконда. — И почему он именно ко мне прицепился?

— Быть может, ШВЭНС высмотрел вас заранее. Ему нужен был для опыта человек определенного характера. . . Ну, скажем, порядочный в душе, но не вполне стойкий перед соблазном. Контакт сработал в тот момент, когда вы решили воспользоваться деньгами. С той минуты ШВЭНС взял вас под наблюдение и охрану. Пока существует контакт, ШВЭНС не даст волосу с вашей головы упасть. Он настолько всемогущ, что сохранит вас целым и невредимым, даже если вы очутились в эпицентре взрыва атомной бомбы.

— Не надо мне такой целостности и невредимости, товарищ Рассветов! Мне бы пожить нормально, а потом нормально помереть. . . А если мне в суд на себя

подать, товарищ Рассветов? Так, мол, и так, присвоил десять тысяч, осудите и дайте срок. Может, в тюрьме шар от меня отвяжется?

— Суд земной вам не грозит, — ответил Рассветов. — С юридической точки зрения вы не совершили ни кражи, ни даже присвоения находки. ШВЭНС фактически подсунил вам, или, если хотите, предложил эти деньги. Поскольку ШВЭНС вполне материален и является существом мыслящим и разумным, то его вполне можно считать юридическим лицом и предыдущим владельцем денег. Так что вы де-юре и де-факто получили десять тысяч в дар от юридического лица — ШВЭНСа. Следовательно, ни перед законом, ни перед людьми преступления вы не совершили. Вы совершили преступление перед самим собой, а вернее сказать — над собой.

— Постойте, товарищ Рассветов, но ведь шар не мог честным трудом заработать эти деньги. Он их или спер где-то, или подделал. И значит, я имею право быть осужденным как соучастник преступления.

— За неделю общения со ШВЭНСом я пришел к выводу, что хоть он и не подчинен земным физическим законам, но к человеческим законам и установлениям относится с должным пиететом. Он слишком умен и слишком всемогущ, чтобы вносить излишний хаос в земной мир. Конечно, он мог бы ограбить все банки мира или напечатать миллиарды фальшивых денег, но не думаю, чтобы он пошел по этому пути...

Уважаемый ШВЭНС, скажите, пожалуйста: как вы добыли десять тысяч? — обратился Рассветов к шару.

Константин полыхнул зеленым светом, и на стене появилась световая, медленно гаснущая надпись:

$$1 = 0; \quad 0 = 1$$

— Ну теперь все ясно, — сказал Рассветов. — Про-

сто он восстанавливает денежные знаки. Ежедневно и ежечасно происходит физическая убыль денежных знаков; они сгорают при пожарах, гибнут при кораблекрушениях, выпадая из обращения. Вот эти дензнаки ШВЭНС и восстанавливает... Проведем маленький опыт.

С этими словами Рассветов вынул из кармана трешку и спички. Записав номер и серию трешки, он поджег зеленую бумажку. Когда она сгорела, Рассветов попросил Константина: «Восстановите, пожалуйста!»

Шар засветился на миг голубым светом, потом из него выдвинулась рейка с квадратной площадочкой на конце. С площадочки на стол упала трехрублевая бумажка. Шар вобрал в себя рейку.

— Те же самые три рубля, номер в номер и серия в серию, — объявил Рассветов. — Большое вам спасибо, уважаемый ШВЭНС! Буду хранить эту трешку до окончания дней. . . А может, все-таки скажете, откуда вы к нам прибыли и зачем?

Темный шар неподвижно и безответно висел в воздухе в трех шагах от Анаконды.

— Вот так и торчит около меня, и ничего с ним не поделать, — сказал Юрий. — Неужели никакого выхода нет, товарищ Рассветов?

— Я не вправе давать вам никаких программ поведения, — ответил Рассветов. — Но мне кажется, что поскольку дело началось с денег, то от этого факта и надо вести рассуждения. Итак, ШВЭНС вручил вам десять тысяч рублей. Его интересует поведение ваше при наличии у вас денег. Пока у вас останется хоть копейка из врученной вам суммы, отношение к вам ШВЭНСа будет неизменным, то есть таким, как сейчас. Вы будете жить под эгидой ШВЭНСа; он будет вести наблюдение за вами и в то же время

защищать вас от всех физических опасностей и, возможно, оказывать вам медицинскую помощь. То есть пока у вас есть деньги ШВЭНСа, практически вы бессмертны. Но это довольно грустное бессмертие.

Теперь представим себе другой вариант вашего поведения. Вы ускоренно тратите все врученные вам ШВЭНСом деньги, и ШВЭНС покидает вас, ибо, логически рассуждая, его миссия закончена, эксперимент проведен. Однако в данном случае в действиях ШВЭНСа возможны вариации. Вариант А: ШВЭНС покидает вас без всяких для вас последствий; вариант Б: ШВЭНС покидает вас, предварительно проведя против вас летальную акцию, дабы не оставлять на Земле ненужного свидетеля. Ведь, перестав быть его подопечным или, что несколько точнее, подопытным, вы. . .

— Так что ж это получается! Он, выходит, и укутать меня может?!

— Да. Не забывайте, что при всем своем разуме ШВЭНС лишен эмоциональности, он чистый прагматик. Если он сочтет целесообразным. . .

— Ну, вляпался я в историю! . . — сказал Анаконда, беря рюкзак с шаром. — Что ж, товарищ Рассветов, спасибо за собеседование. . . Но вы сдержите слово? Я надеюсь, что в печати о моем контакте с шаром шума не будет?

— Нет, не будет. Поднимать шум стоило бы только в том случае, если бы люди имели какие-то способы воздействия на ШВЭНС. Но ШВЭНС всемогущ и неразрушим. Появление в печати сведений о нем вызвало бы только всемирную панику. . . В заключение я обращаюсь к вам с одной просьбой. ШВЭНС отлично знает материальный мир и умеет его преобразовывать и подчинять себе. Но психический мир человека он знает не вполне и в какой-то мере изучает его на вас. Быть может, вы для него эталон.

А если это так, то по этому эталону он может вынести суждение обо всем человечестве. Поэтому ведите себя со ШВЭНСом по возможности тактично, или, как говорилось в старину, толерантно.

ВАЖНОЕ РЕШЕНИЕ

Вернувшись домой, Анаконда выпустил Константина из сумки, и тот привычно повис в воздухе. Юрий предался размышлениям. Как быть: ускоренно тратить деньги и ждать возможного освобождения или гибели или экономить деньги и печально влачить жизнь под властью Константина? На что решиться?

До ночи сидел он в глубоком раздумье. Потом встал, подошел к окну. Он загадал: если в сквере мимо вот той скамейки пройдет мужчина — надо жить экономно; если женщина — надо бесстрашно тратить деньги. И вот через мгновение из аллеи вышла девушка в голубом и легкой походкой прошла мимо скамьи. Сквозь прозрачные сумерки белой ночи что-то знакомое почудилось Юрию в ее лице. Да ведь это Леонковалла! Это та симпатичная девушка, которую он однажды видел в бинокль!..

— Буду тратить деньги вволю, — вынес Анаконда постановление. — Или помру, или снова стану человеком.

Едва успел он это подумать, как раздался тактичный стук в стену, и из соседней комнаты донесся голос Вавика:

— Юра, не можете ли заглянуть ко мне на минутку?

Анаконда направился к дорогому соседу. Константин поплыл за ним.

Свет в комнате был выключен. Хозяин сидел у окна в зубоврачебном кресле, накрепко принайтовленном болтами к паркету. Голова наблюдателя удобно покоилась на откидной кожаной подушечке. Подзорная труба висела на продуманной системе блоков и растяжек.

— Вот так и живу, погруженный в мир прекрасного! Обозреваю, подозреваю, подытоживаю! — вдохновенно произнес Вавик. И уже другим, вкрадчивым тоном: — Вы конечно с шариком пришли? Вижу, вижу — жив и здоров наш милый шарик... Давненько мы с вами, Юра, не беседовали как ассистент с ассистентом.

— Опять денег хотите? — задал Анаконда лобовой вопрос.

— Мой молодой друг, зачем так грубо, так узкоколейно!.. Не денег мне надо, мне надо усилить оптику. Понимаете, один мой знакомый продает небольшой портативный телескоп. Просит он за него всего-навсего сто восемьдесят луидоров..

— Я даю вам эти луидоры, — спокойно сказал Юрий. — Мне теперь луидоров не жаль.

НЕОЖИДАННЫЙ ВАРИАНТ

На другой день, взяв сумку с Константином, Юрий направился в агентство Аэрофлота. Он решил лететь в Сочи. Бархатный сезон еще не начался, и Анаконда без труда купил себе билет на ТУ-104. Затем он пошел в универмаг, где приобрел неплохой чемодан.

— Путешествовать собираетесь? — спросил Вавик, увидев в прихожей Юрия с чемоданом.

— Да, завтра лечу на Черное море.

— Рад за вас, Юра. . . На юге так много прекрасного, достойного наблюдения. Ах, солнце, море, загорелые девушки на пляже, праздник бытия и сознания! . . . Как жаль, что вы купили только один билет! Не подумали вы о Вавилоне Викторовиче, не подумали о человеке, который свято хранит чужие тайны! . . .

— Ладно, Вавилон Викторович, берите мой билет. И вот вам деньги на обратный путь и на курортные расходы. Я раздумал лететь, — твердо сказал Анаконда. Он понял, что лучший способ хоть на время избавиться от Вавика — это послать его на юг, а самому остаться в городе. К тому же Константин будет очень осложнять курортную жизнь.

— Спасибо, Юра! — взволнованно произнес Вавик и поспешно отвернулся, чтобы скрыть слезы умиления.

На следующее утро, уложив в позаимствованный у Юрия чемодан пляжные принадлежности и подзорную трубу, Вавилон Викторович отбыл на аэродром и поднялся в воздух. Внизу в легкой дымке, как бы в тончайшей нейлоновой сорочке, дремала зеленая равнина. Вскоре справа под крыльями показалась прозелень моря; слева лежали смуглые горы в бюстгальтерах вечных снегов.

В тот же день Анаконда приступил к усиленным тратам. Но если еще недавно он покупал вещи, имеющие практический смысл, то теперь расходование шло по иным каналам. Придя на рынок, он стал скупать цветы и затем, выйдя на улицу, начал раздавать эти цветы идущим мимо девушкам. Вечером, придя в шашлычную, он громогласно объявил, что сегодня у него день рождения и поэтому он платит за всех едящих и пьющих. Большинство обижено отказались от такой единовременной ссуды, но нашлись и такие, которые были весьма доволь-

ны. Юрий немедленно оброс лъстецами и прихлебателями. С этого дня деньги стали таять, как сахар в кипятке.

Через неделю Анаконда обнаружил, что у него осталось сто тридцать рублей. А еще через два дня, проснувшись с тяжелой головой после попойки с ново-явленными приятелями, Юрий нашел в пиджачном кармане одну десятку. Порывшись по остальным карманам, он присоединил к десятке два рубля шестьдесят копеек. И он понял, что настал решающий день. Сегодня он истратит эти последние деньги — и шар или улетит от него, освободив от своего ига, или... Будь что будет!

Захватив сумку с Константином, Анаконда направился в ближайший ресторан. Плотно пообедав там, он пошел бродить по улицам и бродил до вечера. Белые ночи уже кончились, теплая темнота опускалась на город. В Неве отражались горящие на мостах фонтаны. Неоновые рекламы на Невском полыхали веселым светом. По тротуарам шли счастливые пары, шли красивые девушки. «Все это я вижу, может быть, в последний раз», — с предрасставальной грустью подумал Юрий, шагая домой.

В гастрономе на углу Анаконда купил бутылку коньяка — уж погибать, так с коньяком! Еще купил пачку сигарет «Опал» и коробку спичек. В наличии у него остался один пятак. Теперь только этот пятак связывал его с Константином, а может быть, и с жизнью.

Придя домой, он выпустил шар из сумки, и тот, как всегда, повис в воздухе в трех шагах от него. Затем, налив полный стакан, он выпил его залпом и, не закусывая, закурил сигарету. Потом выпил второй. Пьяное тепло пошло по телу, мир стал пульсировать. Стены комнаты то разбегались по сторонам, то сжима-

лись, будто хотели раздавить Юрия. Наконец, вынув из кармана заветный пяточок, он подошел к окну.

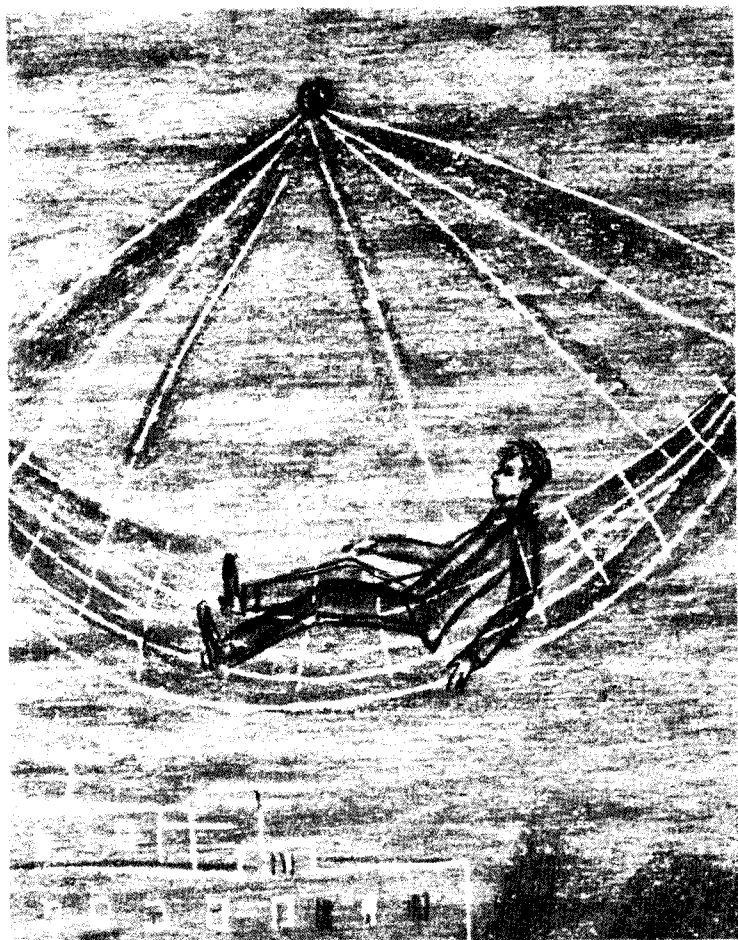
Дома за окном качались, городские огни вспыхивали и погасали, вспыхивали и погасали, словно световые сигналы бедствия. В общежитии напротив светилось только одно окно, четвертое с краю. Анаконде почудилось, что на подоконнике сидит девушка в голубом — Леонковалла. Вдруг окно метнулось куда-то вверх и погасло. Юрий бросил пяточок. Тот с тихим звоном упал на диабаз мостовой. Все кончено...

... Он оглянулся. Константин, как всегда, висел в воздухе в трех шагах от него. Научное предсказание Рассветова не сбылось. Шар избрал свой, неожиданный, вариант: решил навсегда остаться с Юрием. «А что, если вдруг взять да повеситься, — мелькнула у Анаконды нездоровая мысль. — Пусть потеряю жизнь, но только так я могу избавиться от Константина...»

Шатаясь, он подошел к кровати, нагнулся и вытащил из-под нее веревку. Когда-то он состоял в кружке начинающих альпинистов, и эта веревка входила в оборудование группы. Юрий стал пробовать ее на разрыв — куда там, очень прочная. Он начал думать, где бы ее укрепить, но думать долго не пришлось: над дверью торчали два толстых железных крюка, на которых когда-то висели портьеры. Выбирай любой.

Шар за спиной Юрия беззвучно полыхнул печально-синеватым светом. В то же мгновение веревка превратилась в сероватую труху, распалась волокнистой пылью. Крюки исчезли. Там, где они были вбиты, в стене теперь темнели небольшие отверстия.

— И повеситься нормально человеку не дашь! — крикнул Анаконда, замахнувшись кулаком на Константина. — Но я перехитрю тебя!

Он кинулся к открытому окну, вскочил на подоконник и, схватившись руками за голову, сиганул вниз. Безлюдная улица, темные деревья сквера, черные копы ограды — все метнулось ему навстречу. Но в тот же миг какая-то пружинящая сила задержала его падение. Он повис над улицей в гамаке, сплетенном из тонких леденяще-холодных пружин, — и шар висел над ним. Потом Константин поднял его к подоконнику и, мягко подобрал стропы, втянул в комнату.

Анаконда в слезах кинулся на кровать.

ОБИДНАЯ ЖИЗНЬ

Юрий проснулся в полдень. Голова тупо болела. Поташнивало. Шар, как всегда, висел в воздухе в трех шагах от постели. Вспомнив вчерашнее, Анаконда даже застонал. Что теперь делать? И Константин с ним навсегда, и денег ни копейки, и жизнь разбита, и даже смерти ему нет... Что делать?

Он нехотя встал, вяло оделся, подошел к столу, посмотрел на пустую бутылку. За время ускоренной траты денег он уже привык по утрам опохмеляться, но ведь теперь денег ни гроша. Правда, у него есть всякие вещи — магнитофон, фотоаппарат, из одежды кое-что. Можно снести в комиссионный. Но в комиссионном сразу денег не получишь, надо ждать, пока продается вещь. А что он будет есть, ожидая денег? Из редакции его уже отчислили, идти туда просить — стыдно. Что делать?

Шар осветил комнату голубым светом. Из него выдвинулась рейка с квадратной площадочкой на конце. С площадочки на стол упали два потертых бумажных рубля.

— Значит, решил взять меня на иждивение, — криво усмехнулся Анаконда. — Не очень-то ты щедр, Константин. Но и на том спасибо... Что ж, полезай в сумку, пойдем покупать питье и пищу.

Первым делом Юрий купил четвертинку «Московской» и пачку сигарет «Памир», потом триста граммов ливерной колбасы третьего сорта и хлеба. Придя домой, он извлек из сумки покупки и Константина, поставил водку на стол. Выпив первую стопку, он закурил колбасой и, закурив сигарету, подумал про себя: «И не так уж плохо. С водкой можно жить. И главное, от водки можно помереть, и тут ты, друг мой Константин, ничем мне не сможешь помешать. Буду пить систематически, сопьюсь и помру, и кончится эта обидная жизнь».

Шар засветился зеленоватым светом. Узкий пучок лучей метнулся от него к бутылке и погас. Чужое, Анаконда дрожащей рукой налил вторую стопку, поднес ее к губам — и тотчас с отвращением выплеснул жидкость на пол. Водки не стало, водка превратилась в пресную воду.

. . .

Для Юрия началась безалкогольная, безаварийная, бездеятельная и беспросветная жизнь. Каждое утро, получив от Константина два рубля, он клал шар в рюкзак и отправлялся за едой. Вернувшись, он съедал скромный завтрак и, взяв сумку с Константином, шел бродить по городу. Не глядя по сторонам, упершись глазами в асфальт, шагал он, сам не зная куда, без всякой цели — лишь бы не быть дома. В комнате совсем уж тоскливо, да и нельзя сидеть в ней все время: соседи уже начали коситься на него, удивляясь, что он не ходит на работу. И вот он бродил по улицам. Рюкзак с Константином он теперь носил за спиной.

Он уже почти привык к нему, как горбатый привыкает к своему горбу.

До одури набродившись по городу, Анаконда возвращался домой, нехотя приготавливая себе несложный обед, нехотя съедал его — и снова шел бродить. Он опустил, перестал бриться; новый дорогой костюм запылится и залоснился, но он его не чистил. Он ни на что уже не надеялся и ни к чему не стремился и все больше дичился людей. Потребности его свелись к одной только еде, да и то ему было все равно, что есть. Тех двух рублей, что выдавал Константин, ему хватало на жизнь. Конечно, у него есть вещи, которые можно продать, но лень нести их в комиссионный магазин. Да и на что ему теперь лишние деньги? Вернувшись вечером домой, онпил чай, заедая его хлебом, валился на постель и сразу засыпал. Ему ничего не снилось. Казалось, шар отнял у него даже сновидения.

ЛЕОНКОВАЛЛА-ТАНЯ

Была середина августа. Вдоволь нашлавшись по городу и почувствовав, что пора обедать, Юрий с рюкзаком за плечами шел к своему дому через сквер. Он не спешил. В этот день ему очень не хотелось возвращаться под сень кровли своей. Дело в том, что вчера днем прилетел с юга Вавик, в связи с чем произошла неприятная сцена.

Вавилон Викторович был весьма недоволен тем, что Анаконда послал его в Сочи. На второй день своего пребывания на юге бедный Вавик уснул на пляже и так обгорел, что пришлось неделю отлежать в местной больнице. К тому же он потерял подзор-

ную трубу, которую привез с собой на юг, чтобы наблюдать окружающую жизнь. Нужна новая подзорная труба, для чего, в свою очередь, необходимы наполеондоры, как говорили древние финикийцы.

— Но у вас, Вавилон Викторович, есть еще бинокль и портативный телескоп, — заметил Юрий.

— Не спорю. Но ведь каждому человеку хочется иметь полный набор оптических инструментов. Кроме того, я сильно поиздержался на юге, куда вы же меня и послали. . .

— Вавилон Викторович, мое материальное положение очень покачнулось. Вот хотите — возьмите магнитофон. Вы можете его продать. И вот вам мой джемпер. Правда, он женский, но и его вы можете продать.

— Вы радуете меня, мой юный друг. Но не могли бы вы мне помочь и наличными?

— Вавилон Викторович, у меня нет наличных. Шар выдает мне два рубля в день.

— Юра, если вы ежедневно будете давать мне четверть получаемой вами от шарика суммы, то это пойдет вам только на пользу.

— Вавилон Викторович, ну что вам мои полтинники? . .

— Ах, Юра, я не корыстолюбив. Но оптика требует жертв. Я решил копить деньги на стереотелескоп. Благодаря ему я смогу наблюдать мир прекрасного в объемном виде.

Анаконда не стал спорить, ему было все равно. Он вынул из кармана две монетки по пятнадцать копеек и один двугривенный. Вавик протянул руку. Константин окутался на миг опалово-прозрачным облачком.

— Спасибо вам, Юра! — сказал Вавик, беря деньги, и вдруг с криком боли бросил их на пол и стал

дуть на пальцы. — Этого я вам не прощу! Подсовывать раскаленные деньги! Безобразие такое!

— Это шар... Он хочет сохранить мой прожиточный уровень, — сказал Юрий и кинулся подбирать монеты. Они вовсе не были горячими.

— Безобразие! — повторил Вавик. — Вас с вашим темным шаром давно надо разоблачить перед населением! Завтра же подаю на вас заявление в домохозяйство! — Схватив магнитофон и джемпер, когда то предназначавшийся Кире, он выбежал из комнаты, гневно хлопнув дверью.

... Да, сегодня Юрию совсем не хотелось возвращаться в свою квартиру. Вполне возможно, что там его ждут новые неприятности. И вот, сняв с плеч рюкзак, он сел на скамейку в сквере и закурил сигарету. Стараясь оттянуть момент возвращения, он курил медленно, с чувством, с толком и размышлял о том, что хоть курить-то ему еще можно, этого дела Константин еще не запретил.

Вот так он и сидел на скамье один, с краю, поблизости от гипсовой урны для окурков. На противоположной стороне аллеи, на такой же скамейке, дремали два пенсионера. Сквер был почти безлюден; в августе Ленинград всегда пустеет: многие взрослые в отпуске, все дети на даче и в пионерлагерях. Было тихо. С неба, с высоты, подернутой легкой облачной дымкой, исходил ровный неслепящий свет.

Слева послышались негромкие шаги. Юрий оглянулся. По аллее шла Леонковалла. Он сразу ее узнал, хоть на этот раз на ней было яркое ситцевое платье. В руках девушка держала небольшую сумку, где на глянцево-белом фоне изображены были танцующие лягушки. «Если она сядет на скамейку, значит, не все еще в моей жизни потеряно, значит, есть еще надежда избавиться от шара», — загадал Юрий. У него вдруг

так забилось сердце, будто он не то падал в пропасть, не то взлетал на небо, прямо к солнцу.

Она легким шагом миновала скамейку и вдруг, словно вспомнив что-то, остановилась, сделала шаг назад и села на самый ее краешек, положив рядом свою сумку.

— Спасибо, Леонковалла! — вырвалось у Юрия.

Девушка с удивлением, но без всякого недоброяжелательства посмотрела на него. Потом на лице ее появилось тревожное выражение. Она подвинулась ближе к Юрию.

— Вам плохо? — мягко и простосердечно спросила она. — Почему вы так побледнели? Хотите, сбегаю за водой?

— Нет-нет, ничего... Просто я много ходил... Ходил... Ходил... Не надо вам беспокоиться... — Юрий так давно не говорил с людьми (за исключением Вавика), что с трудом подбирал слова.

— Да, теперь вам, кажется, легче, — сказала девушка. — Вы уже не такой бледный... Но почему это я вдруг Леонковалло? Это ведь композитор такой был. Меня зовут Таня. А вас как?

— Вообще-то я был Анакондой. Ну, знаете, такая змея. Обитает в верхнем течении Амазонки. Отдельные экземпляры достигают десяти с половиной метров длины... Но Анаконды из меня не получилось.

— Это ваш псевдоним! — догадалась Таня.

— Вот именно. Я хотел стать журналистом, но у меня не оказалось таланта. Поэтому считайте, что я просто Юра. Я живу вон в том доме.

— Мне нравится, что вы так прямо о себе говорите. Я думаю, что вы, наверно, хороший человек.

— Это вы ошибаетесь. Я совершил одно нехорошее дело, так что хорошим я быть не могу. Очень мучит меня это дело...

— Нет, вы не кажетесь мне плохим. Но у вас действительно измученный вид. . . Знаете, я несколько раз видела вас на улице. Вы всегда идете и ни на кого не смотрите.

— Ваше лицо мне тоже знакомо. Я видел вас. . .

— Я же в общежитии живу, вон в том доме. Вы меня тоже не раз, наверно, встречали на улице. . .

— Да-да. . . А почему это вы летом здесь? Почему никуда не уехали на каникулы?

— Мне некуда уехать. У меня нет родных. Вернее, есть в Пскове тетя, но она в апреле вышла замуж, а домик у нее маленький. . . Но летом в Ленинграде не так уж плохо. Вчера я опять была в Эрмитаже, а завтра собираюсь в Русский музей.

— Одна?

— Одна. А что? Хотите, пойдём вместе.

— Завтра я очень занята, никак не могу, — соврал Юрий.

Ему очень хотелось принять это приглашение, но он понимал, что с рюкзаком ни в какую картинную галерею его не пустят.

— А я вот послезавтра на станцию Мохово за грибами собирался поехать. Не хотите со мной? — Эта мысль о лесе и грибах возникла у него совершенно внезапно.

— Да, — ответила Таня. — Я очень люблю ходить по грибы. А где мы встретимся?

— Давайте вот здесь в семь утра.

. . .

Не воспользовавшись лифтом и не чувствуя тяжести шара, лежащего в рюкзаке, взбежал он на свой шестой этаж. И хоть встреча с Таней предстояла еще через день, Юрию захотелось немедленно привести себя в человеческий вид. Он старательно побрил-

ся, затем почистил ботинки. Потом, взяв неизбежную сумку с Константином, направился в ванную, чтобы выстирать там нейлоновую рубашку, а заодно и носки. В коридоре ему попался навстречу Вавик.

— Юра, я вчера, кажется, погорячился, — тихо сказал он. — Говорю вам от всей своей благородной души: заявление писать на вас я не стану. Но я надеюсь, что и вы не будете излишне распространяться о моих оптических путешествиях в мир прекрасного.

— Не буду, — кратко ответил Юрий.

И Вавик направился в свою комнату, напевая:

Раньше это знали лишь верблюды —
Шимми танцевали ботакуды,
А теперь танцует шимми целый мир!

На следующий день, встав возле комиссионного магазина, Юрий по дешевке, с рук, сбыл свой фотоаппарат, чтобы не на пустой карман ехать за город.

РАЗГОВОР В ЛЕСУ

Настало утро встречи, светлое и тихое. Когда Юрий вошел в сквер, Таня уже ждала его там. Она сидела на скамье и при виде Юрия сразу же встала и пошла навстречу. На ней было простое серое платье, в руке она держала сумку, куда положила плащ на случай дождя.

— Ну, в эту вашу авоську немного грибов поместится, — сказал Юрий.

— Зато у вас большой мешок, — с улыбкой ответила Таня. — Что в мешке? — Она слегка приподняла рюкзаки, висящий за плечами у Юрия. — Ой, почему он такой тяжелый?

— Там болонья: вдруг погода испортится. И еще там у меня шар. Он очень тяжелый. Я его ношу нарочно, для тренировки, чтобы потом не уставать от ноши в туристских походах, — находчиво ответил Юрий. Но настроение его сразу же испортилось, и всю дорогу — когда они ехали в трамвае, а затем в электричке, он невпопад отвечал на Танины вопросы. Мысли о безграничности власти Константина над ним не давали ему покоя.

А еще больше помрачнел Юрий, когда они сошли на станции Мохово и углубились в лес. Этот лес напомнил ему тот, другой. Здесь тоже в одном месте пролегла на пути заросшая осинником траншея, и на полусгнивших кольях тоже висела ржавая колючая проволока. И тоже сперва были сосны, небольшая возвышенность, а потом началась низина. А потом и гроза пришла — как тогда. На этот раз в небе столкнулись крупные боевые силы. Вначале удары были короткие и негромкие. Но вот в дело вступила тяжелая небесная артиллерия — орудия БМ из Резерва Главного Командования. Шло решающее сражение. Небо гремело и полыхало. Доставалось и земле. Осколки свистели между ветвей, били по листьям. Откуда-то потянуло торфяной гарью. Юрий и Таня, накинув плащи, стояли под березой, укрываясь от града.

— Не повезло вам со мной, — хмуро сказал Юрий. — И грибов пока что никаких не набрали, и в грозу опять попали. Вам не страшно?

— Чуть-чуть страшно, но и весело, — ответила девушка. — Но почему вы сказали «опять»?

— Это я оговорился. Для вас это не опять, а для меня — опять. С грозой у меня связано одно плохое воспоминание.

— Вы вообще очень грустный. Точно что-то все время давит на вас.

— Хотите, я расскажу, что на меня давит? Конечно, после этого вы презираете меня и отошлете навсегда — и правильно сделаете. . . Но у меня никого нет на свете, кто бы меня выслушал. . . Пожалуйста, выслушайте. А потом я провожу вас до города, и там мы навсегда расстанемся. — С этими словами Юрий вынул Константина из рюкзака. Тот, как всегда, повис в воздухе.

— Вот он, видите? Как, по-вашему, он хороший или плохой, этот шар?

— Вижу, — сказала Таня. — По-моему, он не хороший и не плохой. Он страшно чужой.

— Еще бы не чужой! Это ШВЭНС. Шар всепроникающий экстерриториальный неземной самоуправляемый. Я его прозвал Константином. Сейчас я расскажу, как я влип. . .

В это мгновение раздался оглушающе-близкий удар грома. Вершина ели метрах в ста от того места, где стояли Таня и Юрий, задымилась и рухнула вниз. Порывом ветра донесло смолистый запах дыма. Константин засветился розовым светом, потом опять потемнел. От него отделилось ярко-зеленое световое кольцо и, расширяясь, устремилось в высоту. В тот же миг в темных тучах возникла круглая голубая промоина сечением примерно в полкилометра. Показалось солнце. Небесное сражение продолжалась, но над Юрием и Таней образовалась безгрозовая нейтральная зона.

— Это Константин охраняет нас от молний, — пояснил Юрий. — Вернее сказать, он охраняет только меня, больше ни до кого ему дела нет. . . А теперь слушайте. . . — И он без утайки поведал Тане о том, при каких обстоятельствах привязался к нему шар и как ему, Юрию, живется под властью шара.

Рассказ длился долго. Когда Юрий кончил печальное повествование, небесная битва уже шла к концу. Одна воюющая сторона одолела другую, и настал мир на всем небе. В лесу стало тихо, и слышно было, как поют птицы. Юрий поднял глаза на Таню и увидел, что по ее лицу текут слезы.

— Чего вы плачете? — спросил он. — Это мне надо плакать.

— Мне вас очень жалко, вот я и плачу, — ответила девушка. — Надо что-то предпринимать, так человеку жить нельзя.

— Чего ж тут предпринимать, — грустно возразил Юрий.

Он упрятал шар в рюкзак, туда же положил плащ и побрел через редколесье в сторону дороги. Таня пошла следом за ним, и вот что она сказала:

— Очень даже ясно, что надо предпринять. Надо честным трудом заработать десять тысяч и вернуть их шару. Положить их в такой же портфель и отнести на то самое место у дороги, где вы их нашли. Тогда шар отвяжется.

— Таня, я с самого начала считал, что взял эти деньги в долг у судьбы... Но как мне теперь вернуть этот долг?

— Конечно, столько денег накопить, наверно, нелегко, — задумчиво произнесла девушка. — Но я вам помогу. Через год я окончу техникум и буду неплохо зарабатывать.

— Спасибо, Таня... Но я-то как буду зарабатывать? Журналиста из меня не вышло. По специальности я педагог, но на преподавательскую работу идти не могу: как я посмею учить людей, если совесть у меня нечиста!.. А на производство пойти тоже не могу: что я там буду делать с Константином?

Остановят в проходной, спросят: «Покажи-ка, что у тебя в рюкзаке...»

— Юра, вам надо поступить на такую работу, где нет проходной.

— Да, я так и сделаю... Таня, вы не устали? Давайте, я понесу вашу сумку.

— Что вы, она совсем легкая... Ну, хотите — понесите. А вы дайте мне ваш рюкзак.

— Но он ведь тяжелый... Ну, попробуйте для забавы. Только не отходите от меня больше чем на три шага. А не то Константин вырвется из рюкзака.

Таня взвалила на плечи мешок и пошла рядом с Юрием. Вдруг она закричала:

— Ой, я вижу гриб! Наконец-то! Настоящий подосиновик! — И она торопливо направилась к грибу. До него было шагов восемь.

— Осторожно, Таня! — крикнул ей Юрий. — Шар сейчас...

Но шар оставался в рюкзаке. Девушка прошла пять, шесть, восемь шагов — шар оставался в рюкзаке.

— Таня, вы приручили его! — воскликнул Юрий. — Он не вырвался!.. Давайте сделаем еще один опыт. Снимите рюкзак, положите его на землю и шагайте ко мне.

Она положила мешок на мох и пошла налегке. Но едва сделала четвертый шаг, как шар вырвался из рюкзака и очутился в воздухе возле нее, а потом метнулся к Юрию. Тот огорченно вздохнул.

— Не печальтесь, — сказала Таня. — Когда приедем в город, я сделаю заплату на вашем рюкзаке, а пока понесем шар в моей сумке.

— Я огорчен другим. Я вдруг надеялся, что Константина можно будет оставить тут, в лесу, что я отделаюсь наконец от него. А получилось гораздо хуже: не только я не отделался от него, а он еще

и к вам привязался. Выходит, что теперь для Константина мы с вами два сапога пара.

— Ну что ж, теперь вам будет полегче, — спокойно ответила Таня.

— Но вам-то потяжелее. Вы не боитесь?

— Нет. Я рада помочь вам... И знаете, ведь пока что я живу в общежитии одна. Я могу взять к себе шар на пару дней, чтобы вы хоть немного отдохнули от него. Никто ничего не узнает.

— Спасибо, Таня... Только вот какой вам совет: пожалуйста, по вечерам задергивайте занавеску на окне. А то в нашем доме есть один любитель смотреть в чужие окна. У него и оптика всякая имеется.

— Спасибо, Юра, что сказали... Вот уж не думала, что кто-то подглядывает... Но занавески у нас кисейные; только одна видимость, что они дают невидимость...

. . .

Возвратившись с Таней в город, проводив ее до дверей общежития и вернувшись в свое жилье, Юрий впервые за много дней уснул без шара, висящего у изголовья. Но уснул не сразу. Хоть Константина и не было здесь, но сознание, что он существует в реальности и находится в данный момент у Тани, не очень-то радовало. «Зря я взвалил на нее эту неприятность, — думал Юрий. — Завтра отберу шар».

Утром послышался вежливый стук в дверь. Вошел Вавик.

— А где шарик? — ласково спросил он. — Я безумно соскучился по нашему общему круглому другу... Юра, не могли бы вы мне хоть немного помочь в ускорении приобретения мною того оптического прибора, о котором...

В этот момент раздался звонок. Юрий открыл наружную дверь, и в прихожую вошла Таня. В руке она

держала тяжелую сумку с шаром. При виде девушки Вавилон Викторович покраснел и поспешно удалился в свою комнату.

— Юра, вы удивлены, что я пришла к вам?

— Я обрадован, — тихо ответил он.

Войдя в комнату, Таня вынула шар, и тот занял привычную позицию в трех шагах от Юрия.

— Давайте сюда ваш рюкзак, я его залатаю, — сказала девушка. — И вот вам два рубля. Их мне выдал шар десять минут тому назад. А потом он сразу же направил на стену голубой луч и написал на стене ваше имя и адрес. Не успела надпись потускнеть, как я собралась к вам.

— Спасибо, милая Таня! Хорошо, что вы пришли, и хорошо, что вы принесли Константина. Все-таки он должен быть со мной, ведь на десять тысяч позарился я, а не вы.

— Юра, но когда вам необходимо отсутствие шара, вы будете на время сдавать его мне. Обещаете? — Обещаю.

...

В тот же день Юрий записался на краткосрочные курсы кочегаров парового отопления, где полагалась стипендия, и Константин сразу перестал выдавать ему ежедневные два рубля. Этот переход на хозрасчет только обрадовал и Юрия и Таню. Окончив курсы, Юрий стал работать в котельной домохозяйства. А в свободное время он ездил на станцию Ленинград-Навалочная, где трудился на погрузке товарных вагонов. В котельной он всегда дежурил с рюкзаком за плечами и всем говорил, что этот тяжелый рюкзак носит для тренировки, готовясь к дальнему туристскому походу. Отправляясь же на погрузочные работы, он нередко

оставлял Константина на попечение Тани. Или, вернее, Таня сидела дома под надзором Константина.

Через полгода после достопамятной поездки в Мохово молодые люди расписались в загсе, и Таня переехала к Юрию. Свадьбу справили скромно, с пирожными, но без вина. Гостей званых не было. Только неизменный незванный гость — Константин — присутствовал на этом безалкогольном брачном пире.

ШАР ИСЧЕЗАЕТ

Со дня свадьбы прошел год и несколько месяцев. Юрий и Таня жили очень дружно, но нельзя сказать, что очень счастливо, ибо постоянное присутствие Константина тяжело давило на их психику. Шар был все такой же: темный, холодный, всемогущий и всезнающий. Привыкнуть к нему нельзя было, как нельзя привыкнуть жить в одной комнате с атомной бомбой.

Хоть супруги зарабатывали совсем неплохо (теперь, окончив техникум, работала и Таня), но жили крайне скромно, отказывая себе во всем. Товарищи по работе и соседи по квартире считали их сквалыгами, придя к твердому выводу, что они жадные от природы. А Юрий и Таня никак не могли рассказать посторонним людям, почему они оба живут столь экономно. Ведь это была их тайна. Они копили деньги, чтобы вернуть Константину десять тысяч и тем самым избавиться от его настырного присутствия.

Товарищи по работе считали двух молодых людей не только крохоборами, но и несимпатичными, скрытными, необщительными существами, замкнувшимися в своем тесном мирке. И немудрено: ведь молодожены никого не приглашали к себе домой и сами тоже

ни к кому не ходили в гости, не участвовали в туристских походах и вообще держались в стороне от людей. Люди не знали и знать не могли, что необщительность Тани и Юрия объясняется вовсе не их плохими душевными свойствами, а желанием сохранить в тайне существование Константина. Люди не знали, что Юрий и Таня сами очень страдают из-за своей вынужденной отстраненности от всеобщей жизни. В особенности тяжело переносила эту оторванность от людей Таня, веселая и общительная по натуре. Но она несла бремя этой тайны ради Юрия, которого любила. Тайна продолжала оставаться тайной.

. . .

Это произошло двенадцатого января.

Юрий шел домой после ночной смены. Невеселые мысли владели им в это зимнее утро. Он думал о том, что до сих пор они с Таней положили на Сберкнижку только тысячу сто пятьдесят. Сумма, конечно, не маленькая, но чтобы откупиться от Константина, они должны накопить десять тысяч. Сколько же лет им еще предстоит прожить, во всем себе отказывая? Правда, со временем накопление пойдет быстрее, так как у него и у Тани зарплата станет больше, но все-таки... Себя Юрий не слишком жалел, но ему очень жалко было Таню. Она ходит в поношенных платьях, голубая ее шерстяная кофточка совсем вылиняла и протерлась на локтях, пальто давно вышло из моды. В кино за все время совместной жизни были только три раза, о театре и разговора нет. Правда, Таня ни на что не жалуется, но он-то понимает, что ей не сладко. Ведь так вот и молодость пройдет...

Шагая к дому наискосок через заснеженный сквер, Юрий поднял глаза и увидел в своем окошке свет. Это его встревожило. Таня к этому времени должна

уже уйти на работу. Не заболела ли? Он ускорил шаг, потом побежал. Вот и парадная. Вот лифт. Как медленно он поднимается!

Когда он вошел в комнату, Таня, понурившись, сидела у стола. Глаза у нее были заплаканные. Перед ней лежало какое-то письмо. Юрий машинальным движением снял со спины рюкзак и выпустил Константина. Тот привычно повис в воздухе.

— Таня, что с тобой? Ты не захворала?

— Нет. Но я ждала тебя. Вот прочти. Это от тети Вари, из Пскова, — она протянула Юрию листок почтовой бумаги, исписанный крупным почерком.

— Ты, Таня, сама скажи мне, в чем дело.

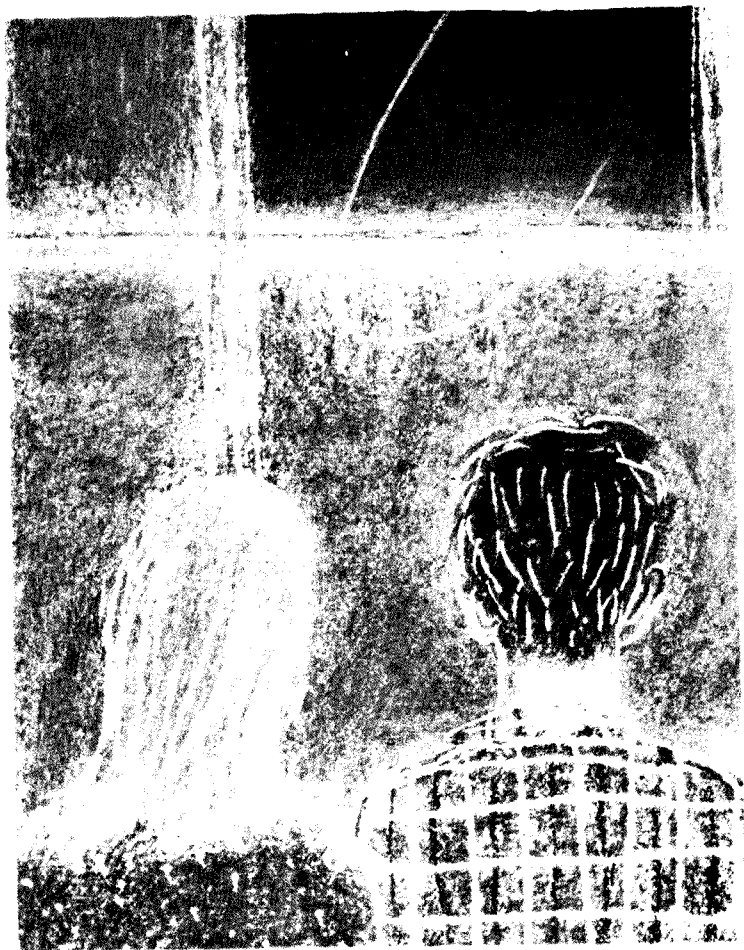
— У тети Вари сгорел ее дом и все имущество. Она уже неделю живет у соседей, в какой-то проходной каморке. . . А муж ее сразу же ушел к прежней жене. . . Тетя теперь совсем одна. Мне ее очень жаль, ведь она растила меня, ничего не жалела. . . Понимаешь, она просит у меня тысячу в долг. Но я знаю, что отдать-то она не сможет.

— Но неужели ей на работе не помогут?

— Конечно, помогут. Ей уже дали ссуду. Но ведь у нее все-все сгорело, и домик, и все-все. . . И застраховано у нее ничего не было.

Юрий закурил «Памир» и стал шагать по комнате — от окна к двери и обратно. Шар следовал за ним. Потом Юрий сел на кровать и, жадно затягиваясь, минуты две смотрел на Константина, висящего от него в трех метрах на уровне глаз. Потом перевел взгляд на Таню; она все так же сидела у стола в своей потертой, когда-то голубой, а теперь бог весть какого цвета кофточке. Потом встал, закурил вторую сигарету, сказал:

— Таня, ты иди на работу, а то зачтут прогул. А я вздремну до одиннадцати.

— Почему до одиннадцати? — каким-то растерянным голосом спросила Таня.

— Так ведь сберкасса открывается только в одиннадцать. А потом я схожу на почту. Каким переводом послать: почтовым или телеграфным?

— Телеграфным... Спасибо, Юра. Я ничего другого и не ждала от тебя... Но теперь нам придется копить деньги заново. Ты выдержишь?

— С тобой — да!

В это мгновение вокруг Константина возникло неяркое, тихо вращающееся кольцо. Из кольца выделился голубой луч и начал двигаться по стене, оставляя на ней четкие, постепенно гаснущие слова:

Отбываю ЗПТ убедившись в ценных душевных качествах рядового жителя данной планеты ТЧК
Отныне Земля будет внесена в реестр планет ЗПТ
с которыми возможен дружественный контакт ТЧК
Благодарю за внимание.

Затем шар поднялся выше, приблизился к окну, выдвинул из себя две черные рейки. Те потянулись к форточке, и через мгновение шар, вобрав в себя рейки, очутился за окном. Затем сперва очень медленно, а потом все быстрее и быстрее ШВЭНС стал удаляться от окна, от дома, от улицы, от города, от Земли. Некоторое время еще виден был светящийся след, пролеглий над сквером, над дальними крышами и косо уходящий в небо, к звездам.

Потом и след растаял.

СОДЕРЖАНИЕ

СКРОМНЫЙ ГЕНИЙ	3
ДЕВУШКА У ОБРЫВА	31
КРУГЛАЯ ТАЙНА	217

Для среднего
и старшего возраста

Шефнер Вадим Сергеевич

КРУГЛАЯ ТАЙНА

Ответственный редактор Е. Д. Шнитникова.
Художественный редактор А. В. Карпов.
Технический редактор Т. С. Тихомирова.
Корректоры К. Д. Немковская и
Л. Л. Бубнова.

ИБ 1451

Сдано в набор 8/IX 1976 г. Подписано к печати 11/II 1977 г. Формат 70X108^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 9. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 11,69. Тираж 100 000 экз. Заказ № 259. М-26758. Цена 55 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Шефнер В. С.

Ш 53 **Круглая тайна. Повести. Рис. М. Майофиса.**
Л., «Дет. лит.», 1977.

287 с. с ил.

Фантастические повести. Глубокий анализ человеческих характеров и взаимоотношений, разговор о нравственных ценностях — вот что лежит в основе «полувероятных историй» В. Шефнера.

*Сқан: Перқотор
сентябрь 2021*

55 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“